ONE DIRECTION

КТО МЫ ТАКИЕ

наша автобиография

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

One Direction — самая популярная в мире поп-рок-группа, рекордсмен по количеству проданных пластинок, а также обладатель множества музыкальных премий и самых преданных в мире поклонников — «дирекшенеров». Эта книга — автобиография музыкантов, которая приоткрывает завесу над их жизнью за кулисами…

- One Direction
  -
  - Вступление
  - Лиам
  - Найл
  - Гарри
  - Зейн
  - Луи
  - Все парни

One Direction
One Direction. Кто мы такие

One Direction
WHO WE ARE

Originally published in the English language by HarperCollins Publishers Ltd.

Издается с разрешения издательства HarperCollins Publishers Limited.

Келвин Оранд — главный фотограф One Direction. Подробнее о нем можно узнать на сайте www.krop.com/calvinaurand.

Права на все фотографии принадлежат Келвину Оранду, за исключением детских фото и фото из инстаграма, которые принадлежат Modest! Management и One Directoin; текстуры и фоны взяты с сайта shutterstock.com; фотографии на обложке принадлежат Мэтту Ирвину.

© 1 D Media Limited, 2015
© П. Денисова, перевод на русский язык, 2015
© ООО «Издательство АСТ», 2015

Пока мы писали эту книгу, то помимо прочего, записывали свой третий альбом и снимались в фильме, ни на секунду не забывая, как много сделали для нас наши поклонники… И делают до сих пор. Мы дописывали эту книгу в начале своего тура 2014 года, во время которого почти каждый вечер благодарили вас лично. Но мы хотим сделать это вновь, здесь. Наши поклонники — лучшие в мире! С этим нельзя поспорить! Мы прекрасно знаем, как нам с вами повезло. Спасибо вам от всего сердца за все, что вы для нас сделали! СПАСИБО!

Мы также хотим поблагодарить свои семьи и своих друзей за то, что они были с нами с самого начала, а также тех, кто помог нам создать эту книгу: Натали Джером, Эмили Барнетт, Рейчел Кенни, Мартина Топпинга, Джеймса Эмпрингема, Монику Грин, Алана Кракнелла, Саймона Джератта и команду HarperCollins; Саймона, Сонни и всех в Syco; команду Modest! в том числе Ричарда, Гарри, Уилла, Марко, Ким, Кети, Шиму и Джейн; Рому Мартинюка и Мэтта Ирвина. И особое спасибо Мартину Роучу за то, что помог нам рассказать нашу историю.

* * *

Вступление

С нашей группой постоянно происходит столько всего, что не хватает времени даже перевести дух. Началось это все еще с передачи X-Factor и продолжается до сих пор. События развиваются так стремительно, что мы не успеваем их ни осмыслить, ни переварить. Даже сейчас, когда мы пишем эту книгу и готовимся к турне по стадионам мира, нам сложно записать все, что с нами случилось. Благодаря этой книге у нас появилась возможность поставить жизнь на паузу, подумать о прошлом и по-настоящему ему порадоваться. Именно благодаря тому, что наша жизнь так полна, нам есть о чем поговорить.

С самого первого дня поклонники играют неописуемо значимую роль в истории нашего успеха. Мы знаем, что, если бы вы, ребята, не поддерживали нас в социальных сетях, наша история могла бы сложиться совершенно иначе. Другой стороной этого стало то, что всем нашим поклонникам известно о наших жизнях практически всё: что мы делали в какой-то конкретный день, с кем мы тусовались, где мы записываем песни, куда ездим, — все это становится достоянием общественности в долю секунды. О нашем прошлом вы тоже знаете. Те книги, что уже были изданы, тысячи интервью для журналов и на радио, телепередачи, документальные фильмы — включая тот, который сделали мы сами! — уже поведали нашу историю. Вам столько о нас известно: когда каждый из нас родился, сколько у нас братьев и сестер, на каких студиях мы записывались и с кем, когда устраивали туры, когда занимали ведущие позиции в чартах… — все подробности жизни группы One Direction. Поэтому в каком-то смысле нам очень сложно написать о себе хоть что-нибудь неожиданное или новое.

В этой книге мы решили не перечислять все награды, выступления, все взлеты нашей карьеры. В этом просто нет смысла. нашей группой постоянно происходит столько всего, что не хватает времени даже перевести дух. Началось это все еще с передачи X-Factor и продолжается до сих пор. События развиваются так стремительно, что мы не успеваем их ни осмыслить, ни переварить. Даже сейчас, когда мы пишем эту книгу и готовимся к турне по стадионам мира, нам все равно сложно записать все, что с нами случилось. Благодаря этой книге у нас появилась возможность поставить жизнь на паузу, подумать о прошлом и по-настоящему ему порадоваться. Именно благодаря тому, что наша жизнь так полна, нам есть о чем поговорить.

С самого первого дня поклонники играют неописуемо

значимую роль в истории нашего успеха. Мы знаем, что, если бы вы, ребята, не поддерживали нас в социальных сетях, наша история могла бы сложиться совершенно иначе. Другой стороной этого стало то, что всем нашим поклонникам известно о наших жизнях практически всё: что мы делали в какой-то конкретный день, с кем мы тусовались, где мы записываем песни, куда ездим — все это становится достоянием общественности в долю секунды. О нашем прошлом вы тоже знаете. Те книги, что уже были изданы, тысячи интервью для журналов и на радио, телепередачи, документальные фильмы — включая тот, который сделали мы сами! — уже поведали нашу историю. Вам столько о нас известно: когда каждый из нас родился, сколько у нас братьев и сестер, на каких студиях мы записывались и с кем, когда устраивали туры, когда занимали ведущие позиции в чартах… — все подробности жизни группы One Direction. Поэтому в каком-то смысле нам очень сложно написать о себе хоть что-нибудь неожиданное или новое.

В этой книге мы решили не перечислять все награды, выступления, все взлеты нашей карьеры. В этом просто нет смысла. Вместо этого мы попытались выразить, что мы чувствуем. Мы хотим, чтобы вы поняли, что мы испытывали и думали на разных этапах нашего творческого пути. Чтобы вы ощутили, каково это было для нас — пятерых парней, попавших в безумный мир One Direction. Лиам часто слышит какие-то новости о группе и говорит вслух: «Нет, ну это совсем уж ни в какие ворота!» Это его первая реакция. Надеемся, что эта книга позволит вам получше узнать, как мы воспринимаем события, которые и составляют жизнь One Direction.

Мы постарались рассказывать о своих чувствах предельно честно. Когда мы говорим, что нам пришлось нелегко, так оно и было. К счастью, нашу группу практически всегда сопровождал успех, но это не значит, что нам было просто. Особенно это касается периодов турне, когда от дома нас отделяют тысячи километров: приходится целыми неделями ждать встречи с друзьями и семьей, которые так отлично умеют нас поддержать. Это тяжело; глупо было бы притворяться. One Direction — это не какая-нибудь идеальная поп-команда. Иногда мы спорим. Иногда все складывается не так, как нам бы хотелось. Но с появлением группы в наших жизнях появилось столько прекрасного, что мы бесконечно благодарны за то, что нам повезло объединиться, за все возможности, которые One Direction нам дает.

Когда мы только начинали, то наш взгляд на музыкальный бизнес — да и на жизнь вообще — был очень наивен. Мы

смотрели на мир сквозь розовые очки. И нам за это не стыдно. Мы были просто горсткой ребят, которые решили, что круто будет поучаствовать в известном телешоу и посмотреть, к чему это приведет. Теперь мы понимаем, что именно этот наивный подход помог нам держаться на плаву первые несколько месяцев. Мы кидались на все, что нам предлагали, и наша энергичность, похоже, понравилась публике.

Гарри, самый младший из нас, открыто рассказывает о том, каким был простодушным. Теперь мы можем оглянуться и увидеть, что поменялось.

Конечно, за прошедшие несколько лет мы набрались профессионального опыта, но также повзрослели, стали более зрелыми в личном плане. Мы уже не те мечтательные детишки, которых неожиданно настигла слава в 2010-м. И все-таки, облетев несколько раз весь мир, поучаствовав в сотнях передач и шоу, дав множество интервью и снявшись для бесчисленного количества журналов, надо оставаться самим собой. Звучит избито, но тем не менее это правда. Мы сохранили свою индивидуальность. Стали старше и умнее, выучили несколько жизненных уроков, но внутри мы все те же. Во всяком случае, так уж мы чувствуем.

Мы живем в свете софитов, и для нас это вовсе не проблема; тем не менее хотелось бы объяснить, какие это иногда вызывает чувства. Нам бывает не очень комфортно, но, с другой стороны, именно благодаря этому всеобщему вниманию рождаются самые безумные и волшебные события. Найл говорит, что он — самая нелепая знаменитость в мире, и мы все можем подписаться под его словами. Очевидно, что One Direction постоянно находится под прицелами камер. По счастью, мы продали довольно много пластинок, билетов и всего такого, но это еще не делает нас звездами (в любом значении этого слова). И, конечно, мы ничем не отличаемся от прочих смертных. Да, иногда нас узнают на улицах, но это — неотъемлемая часть нашей работы, причем часть довольно поверхностная. Мы не хотим, чтобы нас называли знаменитыми. Зачем это вообще нужно?

Мы стараемся как можно ближе общаться со своими фанатами, хоть теперь это немного сложнее, чем раньше. Тем не менее мы все хорошо осознаем, какую огромную роль вы сыграли в истории нашего успеха. Из этой книги вы поймете, что нас на протяжении всей карьеры преследует одно чувство: изумление от того, что вы, поклонники, делаете для нас день за днем. Конечно, циничные люди могут сказать, что для нас это всего лишь красивые слова, что мы последние несколько лет живем, окруженные пузырем славы, и не можем по-настоящему общаться с фанатами. Но мы считаем, что это неправда.

Хотя мы прошли долгий путь от пяти наивных мальчуганов, которые вышли в финал X-Factor, к группе, собирающей стадионы по всему миру, мы не устаем удивляться вашей поддержке. Она проявляется самыми разными способами, которые и сосчитать сложно: альбомы прекрасно распродаются, песни попадают в чарты, тысячи людей приходят на автограф-сессии и на съемки передач вроде Today, которые проходят в Нью-Йорке, нас встречают в аэропортах и гостиницах, людям нравится наш фильм — перечислять можно часами.

Пока что самым внушительным доказательством вашей любви стало то, что билеты на наше турне по стадионам мира были распроданы все до последнего. А ведь это турне — самый масштабный проект из всех, что мы делали! Некоторые из площадок — да что там, почти все! — просто огромны. И все же сейчас, когда мы пишем эту книгу, даже отыграв несколько первых концертов в Южной Америке, мы все еще чувствуем былую близость с поклонниками. Стоит потерять ее — и все, пиши пропало. Но пока для нас выступления — это все равно что вечерняя встреча со старыми друзьями.

Мы всегда полностью выкладывались, играя вживую, не важно, турне это или единичный концерт вроде того, что мы отыграли на Олимпийских играх. Мы еще напишем в этой книге, как нас до сих пор удивляет, что столько людей приходят посмотреть наши шоу. По словам Зейна, он каждый раз просто теряет дар речи, увидев столько лиц. Он пытается представить себе, как все эти люди ехали на машине или поезде, отпрашивались с работы, прилагали усилия, стараясь попасть на концерт. Да, мы все это чувствуем. То, что альбомы нашей группы расходятся в мгновение ока, не значит, что нам наплевать на

поклонников, на то, что они думают, чувствуют и делают.

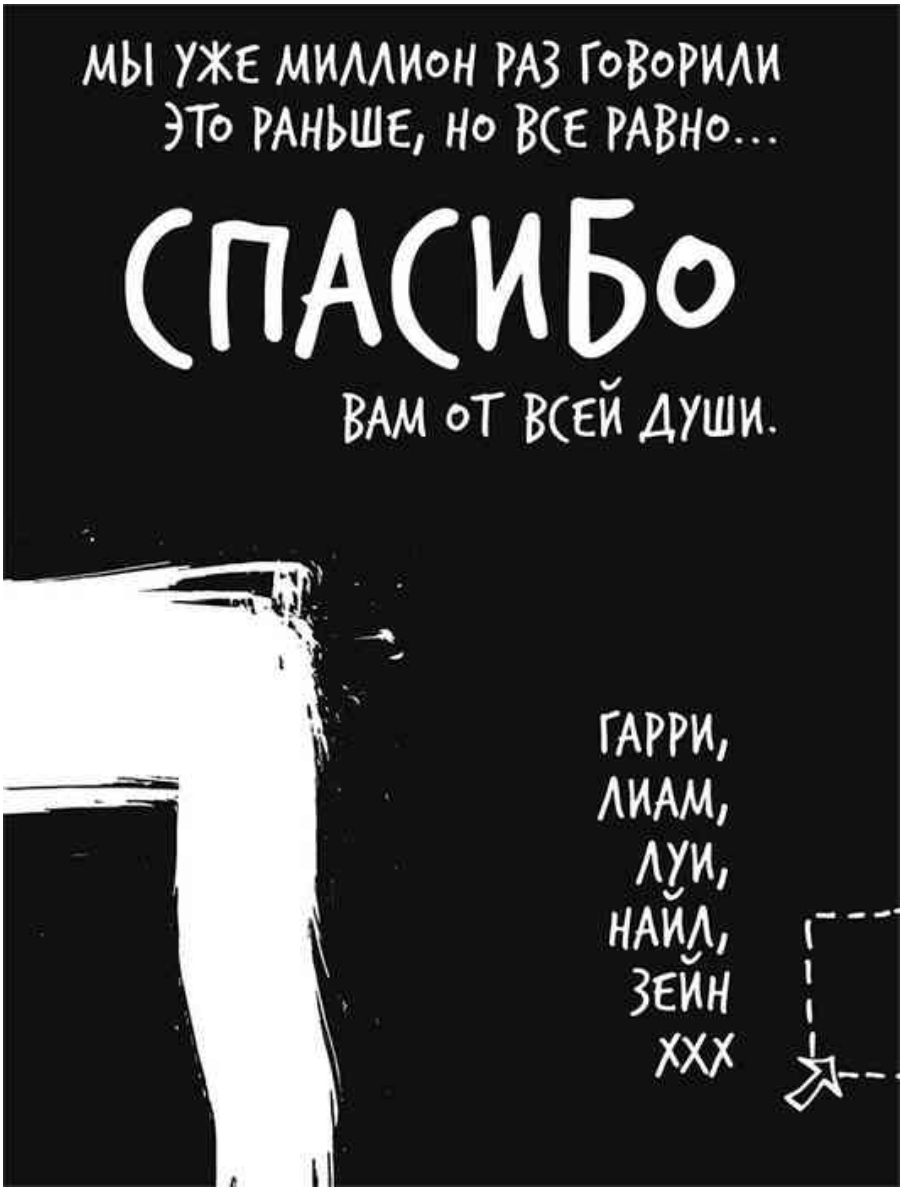
Поэтому для нас так много значил выход альбома «Midnight Memories», поэтому нам было важно, что вам понравилась пластинка. Мы вложили столько души в эти песни, излили в них свои мысли, свои чувства, и нам ужасно хотелось, чтобы вы поняли их, по-настоящему поняли. Это стало доказательством, что мы по-прежнему близки нашим поклонникам. Отличные песни — это ключевой элемент нашей группы. Получается так, что с каждым годом мы не только не остываем к One Direction, но все больше хотим писать песни, создавать необычную, креативную музыку, и это еще больше нас сближает.

Вдохновение и радость, естественно, сопровождали нас практически с самого начала. Врать не будем: One Direction — это самое волнующее приключение нашей жизни. Но это не исключает того, что мы испытывали самые разные чувства: удивлялись, боролись с неуверенностью в себе, разочаровывались, скучали по дому, грустили, нервничали, болели звездной болезнью, сходили с ума от сомнений… Мы через столько прошли вместе! Порой по вечерам просто падаешь на кровать, не в силах переварить происходящее.

Как неоднократно говорит в своей главе Луи, для него лучшим способом справиться со всем этим стало просто продолжать идти вперед, не слишком увлекаясь анализом, и наслаждаться приключением. И что за прекрасное это приключение!

Когда эта книга будет опубликована, не пройдет еще и четырех лет с тех пор, как мы пришли на прослушивание в X-Factor. Некоторые группы один альбом записывают дольше. Большинство подростков проводят больше времени в старших классах. Собственно, времени прошло совсем немного. И все же для нас то прослушивание было словно в прошлой жизни. Может, потому что каждый день в One Direction так насыщен, что за эти несколько коротких лет мы прожили по целой жизни. Три альбома, два мировых турне, миллионы воспоминаний. Надеемся, эта книга даст вам понять, что мы думали и чувствовали, пока проживали эти жизни. И, конечно, мы хотим, чтобы вы поняли, как значительна ваша роль в этой восхитительной истории.

В этом — все мы.


МЫ УЖЕ МИЛЛИОН РАЗ ГОВОРИЛИ
ЭТО РАНЬШЕ, НО ВСЕ РАВНО...
СПАСИБО
ВАМ ОТ ВСЕЙ ДУШИ.
ГАРРИ,
ЛИАМ,
ЛУИ,
НАЙЛ,
ЗЕЙН
XXX

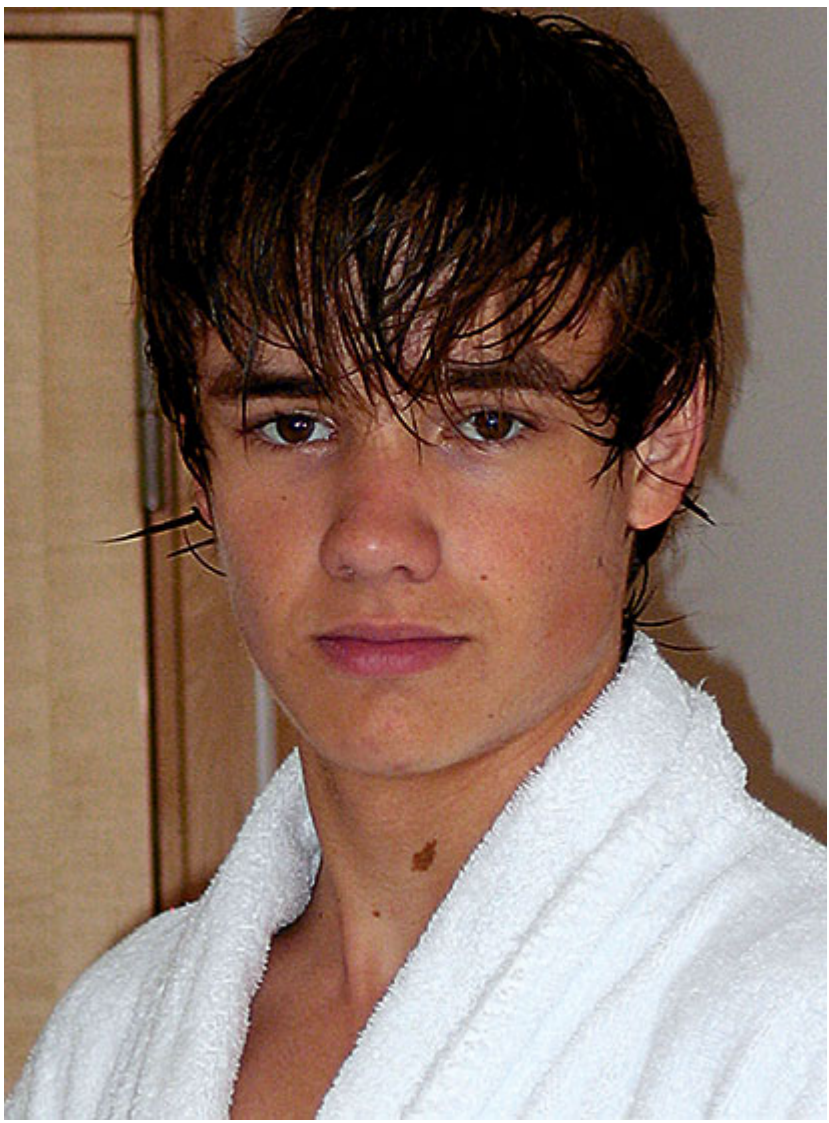
Лиам

Трудно поверить, что, когда появилась группа, мне было всего семнадцать. С тех пор все так поменялось, что мне кажется, будто это было в какой-то другой жизни. Теперь, оглядываясь назад, я вижу прошедшие годы в свете One Direction — и это неудивительно, ведь мы добились такого успеха.

Я знаю теперь, какие качества помогают мне работать в группе. Если задуматься, то я был таким и в детстве: вечно был чем-то занят, не мог усидеть на месте. Особенно в старших классах. Бродил повсюду, где только ни бывал. Папа мой был не в восторге. Мне хотелось поиграть в футбол на поле за домом или побегать, и я возвращался домой весь в грязи. Отец говорил: «Ты воняешь как потный мальчишка!» Повторял это каждый раз. В итоге мне купили по паре штанов на каждый день недели, иначе мама просто не успевала стирать. «Лиам! Вот вечно ты чем-то ужасно-преужасно занят! Никогда не посидишь спокойно! Откуда у тебя столько энергии?» Ужасно-преужасно занят. Сидел на половине уроков, забрызганный грязью. После школы мне доставалось от родителей: «Ты что, с ума сошел, разгуливать в таком виде! Что о нас теперь подумают?!» А я просто развлекался, как умел… Мне сложно было сидеть сложа руки. Выпустить лишний пар помогали бокс и легкая атлетика. Всегда любил спорт, да и сейчас люблю.

Дома меня душили стены. У нас было три комнаты на

пятерых: мама, папа, я и мои сестры Рут и Никола. Конечно, мы жили дружно и любили друг друга, но места на всех не хватало, дом буквально ломился от вещей. От этого и возникали разногласия. Родителям приходилось много работать и на всем экономить, а интересы у нас, детей, не всегда совпадали. Наверно, это неизбежно. Слишком много детей на такой маленький дом. Мне хотелось посмотреть по телику любимую программу, а сестрам — что-то свое, и мы ругались по поводу и без повода. Я кричал маме на кухню: «Мам, мне надо посмотреть футбол, а Рут заняла телевизор!» А мама хотела лишь, чтобы в доме царили мир и порядок!



В подростковом возрасте я все время носился, гонял в

футбол, пропадал во дворе — вечно что-то затевал, а поэтому вечерами подолгу торчал в душе

Обычные семейные неурядицы, но в таком крошечном доме мы были постоянно друг у друга на виду.

Поэтому я проводил много времени на улице. Гонял в футбол, бегал по полю, дурачился с друзьями. А вернувшись домой, тут же несся в свою комнату играть на PlayStation. В обществе я тогда особо не нуждался. Наверно, все подростки через это проходят.

Но было одно занятие, которое не надоедало мне никогда, — пение. Церковный хор, местечковые исполнительские группы… Потом, когда я немного подрос, — караоке. Я всегда пел на сцене, хватался за любую возможность. Папа меня в этом невероятно поддерживал. В детстве именно благодаря ему я выходил к людям, на сцену. Но я и представить себе не мог, что в моей жизни случится что-то настолько масштабное, как One Direction. Думаю, это для всех стало неожиданностью. Но папа почему-то — не знаю, может, он был не совсем в своем уме — свято верил, что я свяжу жизнь с музыкой. «Лиам, — говорил мне отец. — Тебе надо идти в люди и выступать. Участвовать в концертах. Петь ты умеешь, и таланта тебе не занимать. Сынок, у тебя получится. Я знаю, что получится». Папа думал, что мне удастся записать сольник в Великобритании, но о мировой славе даже он не мечтал. А потом настала эпоха One Direction. Может, он и не был безумным?

Раньше он лично возил меня на все мои концерты, сводил мои пластинки, чтобы записать аккомпанемент, отлаживал звук, делал совершенно все. Когда я был младше, он был моим тур-менеджером, и, если я делал что-то не так, он отчитывал меня в точности так же, как теперь это делает Пол, менеджер One Direction. Папа многому меня научил.

Постоянное стремление что-то делать отразилось и на моей певческой карьере. В детстве я старался выступать на всех концертах, какие только попадались. Мне было все равно, где они проходят, кто будет меня слушать, мне просто хотелось петь, развиваться, учиться. Папа, бывало, говорил мне: «Лиам, я договорился, что ты выступишь в местном клубе. Местечко так себе, и денег там не заработаешь», и я всегда отвечал: «Да мне все равно, пап! Я согласен!» Мы оба были такими. Для нас не было концертов слишком незначительных, расстояний слишком больших. Любое выступление, где угодно… Мы знали, что на том этапе любой случай был отличной возможностью чему-то поучиться. Это все пригодилось мне, когда мы основали One

Direction: началась совершенно безумная жизнь, но я уже был хоть как-то к ней готов. Именно поэтому я первым запевал на сцене на наших выступлениях: мы были так юны, что, видимо, надо было на полную использовать даже тот ограниченный опыт, который у нас был.

Я горжусь тем, что до начала работы в группе уже проделал определенный путь. Выступал перед самыми невообразимыми чудаками! Однажды я пел в Риле, на так называемом «Солнечном фестивале». И все бы ничего, но дождь лил не переставая, и за весь день солнце не выглянуло ни разу. Деньги мне заплатили неплохие (пятьдесят фунтов за три песни, насколько помню), но когда я вышел на сцену, то увидел внизу человек десять — а то и меньше! Они со скучающим видом перетаптывались на месте. И все же я постарался выложиться. Вскричал «Привет, Рил!» и запрыгал по площадке. Пока я как полоумный скакал туда-сюда, одна женщина из зрителей кормила ребенка с ложечки. Странный был концерт.

Y

Я с теплотой в сердце вспоминаю те дни, что мы проводили вместе с семьей. Я всегда что-то затевал и никогда не сидел на месте. Было очень весело!

В другой раз я выступал в «Океана-центре» в Вулвергемптоне (мы тогда жили неподалеку). Аудитория была уже не такой отмороженной. Где-то в середине второй песни один парень кинул мне монетку в пятьдесят центов. Попал прямо в лицо и поранил мне щеку. Мне оставалось спеть еще пару песен, и я бы не дал себя остановить такой мелочи. Я промокнул кровь и продолжил выступление. «Спасибо, приятель!»

Конечно, голодные дети и монетки — это скорее исключения. Время от времени мне платили отличные деньги. Помню, как получил триста пятьдесят фунтов за шесть минут работы на одном шоу. Для четырнадцатилетнего паренька это было просто офигеть! И, как многие из вас знают, однажды мне выдалось спеть «Black & Gold» на Вулвергемптонском стадионе, на поле команды Уондерерс. Туда помещается около тридцати тысяч человек, и так как в тот раз нашим футболистам предстояло сыграть с «Манчестер Юнайтед», на трибуне не было ни одного свободного места. Я сильно нервничал, но мне поаплодировали от души. Для меня это стало большим облегчением: я понятия не имел, как футбольные фанаты отнесутся к пению какого-то неизвестного им мальчишки. Хорошо еще, что я не сказал им, что

болею за клуб «Вест Бромвич Альбион»!

К тому времени как я в четырнадцать лет впервые появился на X-Factor, я всерьез задумывался над тем, чтобы стать профессиональным музыкантом. Мой папа вечно говорил мне: «Я хочу, чтобы Саймон Коуэлл услышал твой голос, Лиам. Нам нужно, чтобы он тебя увидел».

Когда возраст участников снизили до четырнадцати лет, я сразу помчался на веб-сайт заполнять анкету. По телевизору это выглядит довольно просто, но на самом деле попасть на шоу — целая история. Тут нужно мужество. Я был еще ребенком, и для меня эта попытка стала огромным шагом вперед. Оказаться на соревновании, часами ждать в очереди, а потом выйти на сцену, когда знаешь, что тебя будут слушать Саймон и другие судьи…

В детстве я обожал бегать и, хотя был всего лишь любителем, хотел представлять Англию на международных забегах

Моим мечтам стать единственным в мире чемпионом-квадроциклистом из Вулвергемптона не суждено было сбыться

Петь я любил всегда, с самого детства. Я обожал выступать перед публикой — и люблю до сих пор

С одним из нескольких беговых призов, которые я умудрился получить в детстве

На арене O2, впервые оказавшись на втором этапе шоу X-Factor

Да и сам день конкурса! Встаешь ни свет ни заря, приезжаешь в нужное время, стараешься держать себя в руках и не паниковать. Ужасно тяжело. Я старался напоминать себе, как люблю петь и что мне нужно донести до судей, на что я способен.

Конечно, когда я выбыл на третьем этапе конкурса («В домах судей»), это сильно выбило меня из колеи. Но я старался утешиться тем, что все-таки стал одним из двадцати четырех участников, отобранных из ста восемнадцати тысяч. К тому же Саймон сказал, что у меня есть талант, и это долго держало меня на плаву. Для четырнадцатилетнего подростка это был нелегкий опыт, и теперь я иногда думаю, а что бы случилось, если бы я успешнее выступил тогда в одиночку. Вряд ли мне было бы лучше, чем в составе One Direction. Но, естественно, тогда я ужасно расстроился. Однако потом, зализав раны, я стал лучше понимать, насколько сильно мне хочется стать певцом. «Давай, пап, найди для меня еще концертов. Мне нужно как можно быстрее вернуться на сцену».

После этого случая мы с отцом взялись за дело серьезно. Мы как следует отполировали несколько моих номеров, вкладывали усилия в то, чтобы обо мне услышали, завели пару знакомств в индустрии. Я даже начал сам писать песни (не уверен, правда, что они попадут в новый альбом One Direction). Помню даже свою первую песню: она была написана как саундтрек к «Человеку-пауку». Она до сих пор хранится у меня на ноутбуке. Неплохая песня, честно говоря. Я пошел записать ее на студию. То есть на

самом деле это был просто дом одного из моих друзей, мы работали в задней комнате. Звучит не то чтобы впечатляюще, но ведь для One Direction мы часто записываем песни на гастролях. Так что разница не особо велика!

Мы несколько раз обращались к людям, которые, как нам думалось, могли бы нам помочь. Но все равно каждый раз в итоге заходили в тупик, и в последнюю минуту все шло прахом. Я регулярно выступал на концертах и записывал песни, которые потом относил в звукозаписывающие компании… Но ничего не происходило. Один из ребят, с кем я работал, просто бросил все и умотал на Гавайи, и все развалилось. Концерты тоже постепенно переставали радовать. Я впервые пошел на X-Factor как сольный певец и провалился на этапе в доме у судьи. Как вы знаете, через два года я попробовал снова… И снова мне отказали.

Но теперь на этом ничего не закончилось.

Вся эта история с X-Factor стала для меня поворотной точкой; теперь, хотите верьте, хотите нет, я вспоминаю ее с самыми теплыми чувствами. Да, работать приходилось как проклятому, и порой у меня сдавали нервы, но разве можно, оглядываясь назад, не видеть, какие волшебные были тогда времена и какие двери открылись тогда для нас пятерых.

Мы много раз рассказывали про X-Factor, но, честно говоря, теперь кажется, словно это было давным-давно в прошлом. Будто сто лет прошло. Когда мы участвовали в шоу, для нас важнее всего было хорошо провести время. Многие участники воспринимали соревнование очень серьезно, что, по правде сказать, достойно похвалы. Но из-за этого обстановка за кулисами была немного напряженной. Мы же просто развлекались и старались со всеми дружить. Вам уже известно, как я был разочарован, когда мне отказали, а затем, к моему огромному изумлению и радости, пригласили в группу с четырьмя другими парнями. Я до сих пор вспоминаю о том, как нам сообщили эту новость, и не могу поверить. Одно из лучших воспоминаний в жизни!

Тогда многих зрителей оскорбляла наша, как бы это сказать, вольная манера изъясняться. Но мы об этом не думали, мы были детьми и просто развлекались, как могли. Мы сидели на каком-нибудь интервью, или проводили время за кулисами, или шлялись где-нибудь, и шутки становились все более раскованными. И вот кто-нибудь ляпнет что-нибудь совсем ужасное, и я каждый раз думал: «Поверить не могу, что ты это правда сказал!» — но одновременно смеялся до колик. Да, с профессионализмом у нас было туго. В первый же день шоу нас вызвали в офис звукозаписывающей компании и устроили головомойку. Мы наговорили чего-то, сейчас уже не вспомню, что именно это было. И мы все такие: «Да мы ничего плохого не хотели!» Типичные подростки, которым нравится тусоваться, веселиться и делать глупости. По сравнению с остальными я был еще благоразумным, даже застенчивым и старался как-то снижать градус стеба. Говорил им что-то вроде: «Ребят, тут мы явно перегнули», не молчал, если считал, что они ведут себя слишком вульгарно. Поэтому меня прозвали «Папочкой Дирекшн».

Теперь у нас уже есть несколько альбомов и, надеемся, мы уже немного знакомы с индустрией. Но тогда, ох, мы же вообще ничего не знали! Странно подумать, как быстро мы погрузились в это все с головой. Даже самые обычные действия вроде переезда в Лондон дались нам нелегко. «Привет, мам, я забегу домой ненадолго, потому что на следующей неделе мы переезжаем в Лондон и надо собрать вещи». Да, вот так все и случилось.

Тогда мне было семнадцать, и мне надо было переехать из родительского дома в огромный город, где я был всего пару раз — записывали с папой песни. Было страшновато: я не знал, чего ожидать от столицы. В детстве отец говорил мне: «Лиам, если тебя возьмут на X-Factor, до Рождества домой не возвращайся».

Ну что ж, я не вернулся до сих пор.

Первые несколько месяцев в составе группы прошли как в тумане. Все было так странно, полный бред, но мы просто пустили все на самотек и плыли по течению. Пока вы молоды и неопытны, вам сложно понять, что вообще происходит. Нам говорили: «Вот тут вы будете жить, за это мы заплатим сами, это мы сделаем для вас, но вот за это уже придется платить самим. С такого-то дня вам надо будет выйти на работу…» Жизнь летит со скоростью света!

Мы понятия не имели, что творится в нашей жизни. Смотреть X-Factor — это все равно что раз в неделю наблюдать за развитием группы. Это видит вся страна. Именно так и произошло с One Direction. Мы начали путь под пристальными взглядами публики, и с тех пор ничто не поменялось.

Мы ходили на интервью и говорили обо всем на свете; отвечали честно, забавно, прямолинейно. Нам повезло: газеты были к нам очень добры, не злоупотребляли нашей неопытностью, даже помогали нам поначалу. Мы были чудовищно непрофессиональны! Кучка наивных детей, которых безо всякой подготовки выпустили в эту огромную индустрию. Только споткнешься — и тебя съедят заживо. А мы только и делали, что спотыкались! И все же почему-то все складывалось правильно. Люди хотели с нами общаться, расспрашивали про нашу музыку, узнавали нас получше. Колесо начало крутиться… наверно, нас охранял ангел-хранитель.

В каком-то смысле таким ангелом-хранителем стали наши поклонники. Мы еще не успели подписать контракт на запись альбома, а публика уже начала сходить с ума. У нас всех еще до основания группы были аккаунты в социальных сетях. После шоу стало ясно, что там явно что-то происходит. Я глубоко благодарен фанатам за их работу в Интернете: для нас это много значило и сильно нам помогло. Мне кажется, все началось, когда наши видео с передачи стали смотреть на ютубе, когда появился хэштег #onedirection, который много недель входил в десятку самых популярных тем в Великобритании. Люди стали ретвитить, и нам

осталось только наблюдать, как быстро покатилась эта лавина. У нас откуда-то появилась армия фанатов, которая продвигала группу и рекламировала ее! Офигеть что такое.

С самого начала мы ударились в концертную деятельность. На самых первых передачах все проходило отлично, но руководство всегда нервничало, потому что мы были такими раздолбаями. Когда нам предстояло какое-то особо важное выступление, они (вполне оправданно!) предупреждали нас: «Слушайте, это очень серьезно, вам нужно показать свою группу с лучшей стороны, ладно?» — а мы такие: «Ага, шикарно! Оттянемся!» Нам многому надо было научиться, но даже при всем при этом иногда мы выступали отлично, и нам все очень нравилось. Мы начали с Шотландии, выступали в клубах то тут, то там. Первый концерт прошел просто великолепно. Хорошо помню, как мы вышли на сцену душного зала. Собралось человек триста. Мы еще не успели запеть, а охранники уже вытаскивали девушек на улицу, потому что те падали в обморок. Помню, что подумал тогда: «Ну и ну».

И вот мы стоим на сцене, пытаясь излучать радость и позитив, а девушки в зале плачут и кричат, потому что их давит толпа. Честно говоря, я тогда сильно расстроился.

В один из следующих разов мы выступали в Лидсе. В зале было полно парней. Девчонки визжали и визжали, и через какое-то время стал слышен недовольный ропот их спутников. Я тогда несколько раз подмигнул со сцены какой-то девочке, а потом увидел, что она пришла на концерт со своим парнем и тот уже на взводе!

Мы играли, где только придется, даже в местах вроде бара G.A.Y., куда вообще-то нас не должны были пускать из-за возраста! Мы все чувствовали, что это подготовка к чему-то большему, и знали, что нам надо набираться опыта. Я вспоминал, как пел раньше по клубам, и говорил остальным ребятам: «Для нас эти концерты — это тренировка, именно так мы можем доказать всем, что наша группа чего-то стоит. Стартовали мы отлично, но самое главное начинается только сейчас». Рекламные акции одна за другой, турне с X-Factor, сотни фотосессий — дел было по горло. С другой стороны, нам всегда везло: мы оказывались в нужное время в нужном месте, и у нас были все нужные возможности, чтобы рассказать миру про One Direction.

Конечно, дело тут не только в удаче и в том, что люди были к нам добры. Наша звукозаписывающая компания раздобыла для нас потрясающего автора песен. Мы поняли это, как только приступили к пробным записям для первого альбома. Когда мы работали над «What Makes You Beautiful» на первой студийной

сессии в Швеции, то затвитили пару отрывков. И две девочки сорвались с места и на поезде приехали в Стокгольм. У нас тогда не было ни единой записанной песни! Как только у фанатов появилась наша музыка, а не только информация из социальных сетей, проект начал развиваться в стремительном темпе.

Да и записывать альбом было невероятно интересно! Даже сами поездки в Лос-Анджелес и Швецию, особенно на Западное побережье Штатов. Мы все думали, что это шикарное место. Роскошные отели, огромные студии звукозаписи, знаменитые продюсеры… кажется, вот-вот — и проснешься. Если совсем честно, то мы немного, как бы это сказать, подискутировали с нашей компанией по поводу того, какие песни включать в альбом. У них были отличные от наших представления, но в итоге мы пришли к соглашению, разобрались, как будет лучше для всех.

Когда мы работали над пластинкой, то нас в буквальном смысле учили петь; у людей, с которыми мы сотрудничали, было очень четкое мнение о том, как что нужно делать. Теперь мы относимся к этому гораздо спокойнее, но они хотели, чтобы мы идеально произносили каждый звук. Иногда случалось так, что я спою какую-нибудь строчку: и в ноты попаду, и вообще звучит прекрасно, а они все равно: «Ты мог бы спеть это еще раз? Произнеси последнее слово почетче, мы хотим, чтобы все звучало идеально». Очень тонкая работа. Надо признать, что их метод сработал. Не все у нас получалось с первого раза, но мы учились у лучших мастеров своего дела. Мы неплохо поладили с сотрудниками студии, с кем-то даже подружились; но особенностей атмосферы не понимали, вели себя так, словно до сих пор участвуем в X-Factor.

Когда в сентябре 2011 года вышел наш первый сингл «What Makes You Beautiful», о группе уже говорили везде. Первый релиз стал для нас большим событием. Нужно было, чтобы песню полюбили, — и, признаться, я сильно нервничал.

Помню, как сказал одному из ребят (кажется, это был Луи): «Как-то не нравится мне это соло на ударных перед припевом… Звучит не так, как надо». Но продюсеры свое дело знали: песня, к нашему собственному удивлению, получилась мощная. Не могу передать, что мы чувствовали, когда она попала на первые строчки чартов. Но наслаждаться успехом было некогда: нас уже ждали другие дела. Наш первый хит приняли на ура, и нужно было наращивать темп.

Наш дебютный альбом «Up All Night» вышел в начале декабря, и даже при всей масштабной рекламной кампании вокруг него мы не ожидали, что он так выстрелит: второе место в Великобритании и первые строчки в семнадцати других

странах! С ума сойти. Мы были совершенно сбиты с толку. Тогда часто случалось, что мы ехали куда-нибудь на гастроли или находились в студии, и тут раздавался телефонный звонок, и нам сообщали, что мы попали в топ в еще одной стране. Нас преследовала одна мысль: «Это что, происходит на самом деле?» Невероятное время.

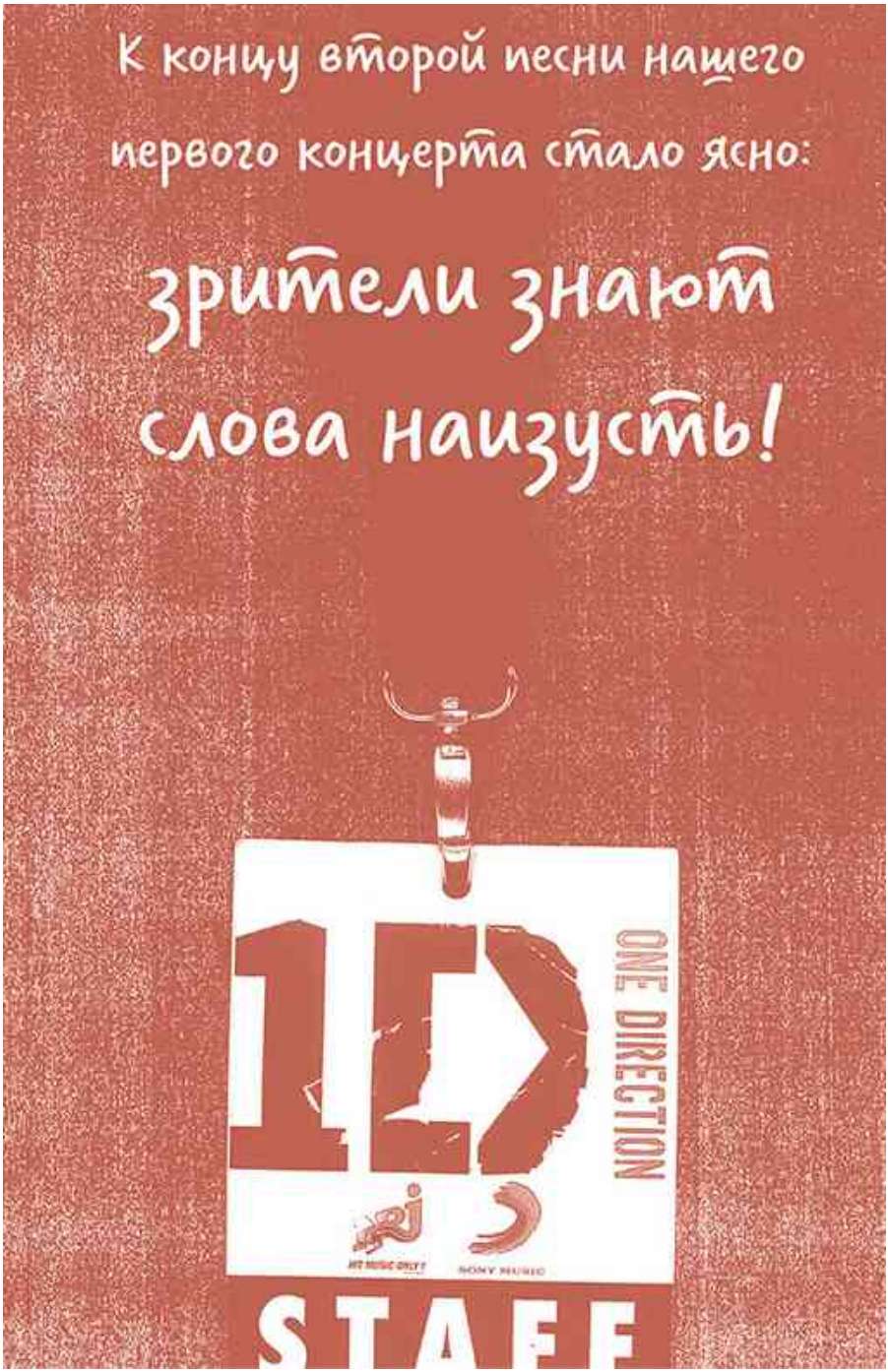
Повторюсь: мы не успевали перевести дух, как надо было браться за что-то новое; переварить новости времени не было. Для начала мы отправились в свой первый индивидуальный тур по театрам Британии в поддержку альбома. Несмотря на все безумие, что царило в нашей жизни, мы не торопились выступать на огромных стадионах. Не пытались сразу отыграть на арене «O2», не думали, что если люди по трое суток стоят на улице, чтобы достать билет на наш концерт, то пришла пора бронировать Уэмбли. Нет, мы действовали иначе. Да, тогда мы пару раз выступили на крупных площадках, но все же в основном старались не торопить события и развиваться в своем темпе. Я часто напоминал парням: «Помните, о чем мы договорились? Нам нужно учиться, играть в небольших залах, пробивать себе путь с самого низа. Не надо прыгать через несколько ступенек сразу».

Например, как раз тогда, во время нашего первого сольного турне (на втором концерте), мы чудовищно профальшивили целый куплет «Gotta Be You», потому что не знали, как работать с напольными мониторами и внутриканальными наушниками. Это было просто кошмарно! КОШМАРНО! Боюсь представить, что о нас подумали зрители. Наверно, ни один из них с той поры нас не слушал. Мы выступили отвратительно. Мы были такими наивными, не понимали, что вообще происходит. А некоторые и сейчас не понимают! Но это был просто такой этап на пути обучения. Чтобы научиться делать что-то хорошо, нужно сначала

ошибиться. Ничего не получается сразу безупречно, с наскока. И при всем этом мы чувствовали от публики такую потрясающую отдачу. Залы были небольшими, поэтому мы видели поклонников в упор. Я пытался петь, а они так оглушительно выкрикивали мое имя, что у меня болели уши… Прекрасные времена!

Мы постоянно были у всех на виду той зимой: турне прошло хорошо, альбом уверенно держал верхние позиции чартов. Это было странно. По-хорошему странно! Вскоре после Нового года нам предстояла поездка в Штаты. Мы взволнованно предвкушали путешествие. Надеялись, что, может, в Америке найдется пара ребят, которые слышали наши песни.

Мы приехали рекламировать наш альбом в США в феврале 2012-го; договор с американской звукозаписывающей компанией был подписан еще предыдущей осенью. Нас сразу посетила большая удача: предложили выступить на разогреве у Big Time Rush, у которых к тому времени уже было свое шоу, и они гремели на всю страну. Но мы совершенно не подозревали, какой прием будет ждать нас самих! Как-то по пути на интервью я спросил у Гарри: «Как думаешь, они вообще в курсе, кто мы такие?» Вот уж попал пальцем в небо…



Этот тур был совершенно крышесносным. Каждый раз мы приходили на концерт заранее, и все равно зал уже был заполнен людьми. Странно. Когда мы впервые выступали на разогреве у Big Time Rush, я волновался перед выходом на сцену: я был так

называемым хайпменом — должен был стоять перед публикой и призывать всех петь вместе с нами. Но мне тогда казалось, что никто и песен-то наших не слышал, не то что знает слова. Как же я ошибался! Ко второй песне на первом же концерте стало очевидно, что зрители знают тексты всех песен! Я подошел к Зейну и спросил его: «Мне кажется, или эти ребята знают все наши песни? Что вообще происходит?» А потом, когда мы закончили, толпы поклонников устремились к выходу, чтобы пообщаться с нами. Это было какое-то волшебство. Нас это потрясло. Никто не ожидал такой реакции на нас в Штатах.

Сингл в Америке приняли неплохо, но настоящее безумие происходило в социальных сетях. Мы поняли, насколько велик интерес к нашей группе. Потом нас позвали на шоу Today в Нью-Йорке, очень популярное. Помню, что стояли ужасные холода, настоящие рождественские морозы. По радио мы услышали, что собирается целая толпа, чтобы посмотреть на нас. И я такой: «Отлично! А сколько? Неужели несколько сотен?» Видимо, у руководства была более точная информация, потому что в ответ они только улыбались и говорили: «Хм, Лиам, не совсем… Чуть больше». Но нам-то откуда было знать? Это же Нью-Йорк, а не Лондон! Мы прибыли на место, и когда попали на сцену, это было огромное потрясение: оказалось, что на улицу вышло десять тысяч человек!

Рокфеллер-плаза зажата на улице между огромными небоскребами. Очень живописное место. Со всех сторон развевались американские флаги. Мы смотрели на весь этот хаос и внезапно вспомнили, что находимся в Штатах. Так удивительно! Мы впервые появились на американском телевидении. Приехали на красном британском автобусе, чтобы выступить перед этой толпой. Позже мы узнали, что побили тогда рекорд. Если память мне не изменяет, установила его Леди Гага. Думаю, бессмысленно отрицать, что она — одна из величайших поп-икон современности, почти что Мадонна нашего поколения. Поэтому оказаться вровень со звездой такой величины было для нас невероятным достижением.

Наш альбом уже занимал первые строчки во многих странах, и поэтому всем было интересно, получится ли у нас прославиться и в Штатах тоже. Из-за всей шумихи вокруг нашей группы альбом вышел на неделю раньше, чем планировалось, но мы все равно не знали, как его примут. За несколько дней до этого мы встретились со звукозаписывающей компанией, и нам сказали: «Послушайте, ребята. Есть шанс, что вы стартуете на верхних позициях, но на этой неделе у вас есть серьезные конкуренты, и нам придется повысить ставки». Мы так и сделали — во много раз

увеличили масштабы рекламной кампании. Помню, как до самого утра подписывал диски (пять тысяч штук!) и одновременно давал пресс-интервью.

Мы пустили в ход все, что могли. Дважды устраивали автограф-сессии вместо того, чтобы отдыхать и расслабляться. Нам до смерти хотелось попасть на первую строчку! Это стало бы нашей визитной карточкой.

На той неделе мы выложились по полной, объехали весь город, лишь бы у нас получилось.

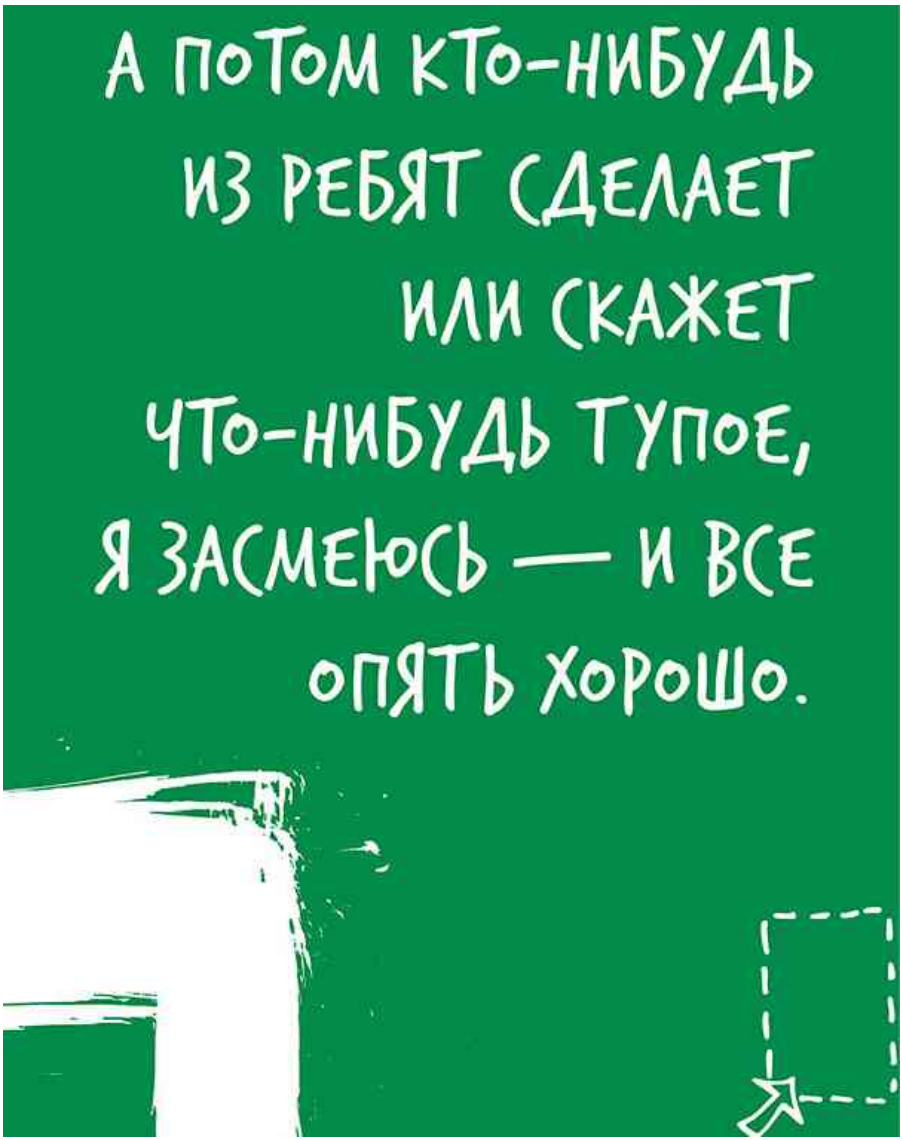
В конце недели я сидел в желтом нью-йоркском такси, как вдруг у меня зазвонил телефон. Это был наш менеджер, Уилл. Он сказал: «Лиам, у меня новости. Альбом стартовал на первой позиции!» Я не поверил своим ушам. Тут же вышел из такси и купил себе новые часы, чтобы отметить событие. Теперь у меня выработался небольшой ритуал: каждый раз, когда нам удается что-то крутое, я покупаю часы. Сначала думал делать себе татуировки, но нам так везет, что к сегодняшнему дню на мне бы уже места свободного не осталось! Если у меня потом будут дети, я подарю свои часы им и расскажу, по какому поводу купил каждые из них.

Говоря откровенно, мы не вполне понимали тогда, что значит сразу же попасть на первую строчку американского хит-парада. То есть, конечно, мы осознавали, что это ОЧЕНЬ круто, но до нас только через несколько недель дошло, как это важно. У Beatles это не получилось ни разу. The Rolling Stones, Take That, Coldplay — ни один из этих гигантов не начинал с верхней позиции. Представьте себе! Нам свой рекорд тоже не побить, потому что первый альбом может быть только один. И это просто прекрасно!

С тех пор жизнь началась совсем безумная. Совершенно! Если раньше мы думали, что мир сошел с ума, то теперь оказалось, что это были еще цветочки.

Нас часто спрашивают, как так получилось, что наш альбом стал хитовым в США, и почему нас так бешено полюбили. Думаю, у этого есть несколько причин. Во-первых, мы тогда просто веселились от души, и, может, людям нравилось за нами наблюдать. Как я уже говорил, мы не знали, как важно попасть на первую строчку. Честно говоря, я ни фига не знал о музыке, когда мы начинали. Мне нравилось петь и выступать на сцене, но тогда я просто делал каверы и был совершенно не в курсе того, как вообще развивалась музыка. Теперь-то все по-другому: я слушаю самые разные стили из прошлого, слежу за чартами и стараюсь держать руку на пульсе событий. Но тогда я был страшно необразованным. Может, это и к лучшему? Мы были страшно несерьезны, и людям вроде нравилась эта трогательная сторона

нашей группы. Мы словно говорили: «Слушайте, мы просто веселимся! Это все так клево!» Наверно, всем было по душе, что мы не относимся к себе слишком серьезно и одеваемся как обычные ребята с улицы.



Еще, я думаю, дело было в том, что у нас были хорошо написанные и прекрасно спродюсированные песни. Еще то, что Адель уже проложила путь для британцев в Штаты. Турне с Big Time Rush стало большой удачей. Ну и работали мы как проклятые. Из сил выбивались. Наша американская команда по маркетингу была просто восхитительной, и, наконец, нельзя

недооценивать огромную силу Интернета вообще и наших невероятных поклонников в частности. Силу всего, что они сделали для нас в социальных сетях. Это было чрезвычайно важно. Но почему именно нам так повезло, я не знаю. Так уж случилось. Все, что мне известно, — успех пришел к нам быстро, и причем успех грандиозный.

Оставшаяся часть 2012 года прошла как в тумане.

Из Америки мы вернулись в феврале, как раз к церемонии Brit Awards: каким-то непостижимым образом наша дебютная песня победила в номинации «сингл года». С тех пор нам случалось выигрывать еще не раз, но церемонии награждения иногда проходят как-то странно. Или взять, например, нашу первую победу на VMA. Такое значительное событие, я до сих пор вспоминаю о нем с гордостью. Мы чувствовали, как важно было заслужить признание в Штатах.

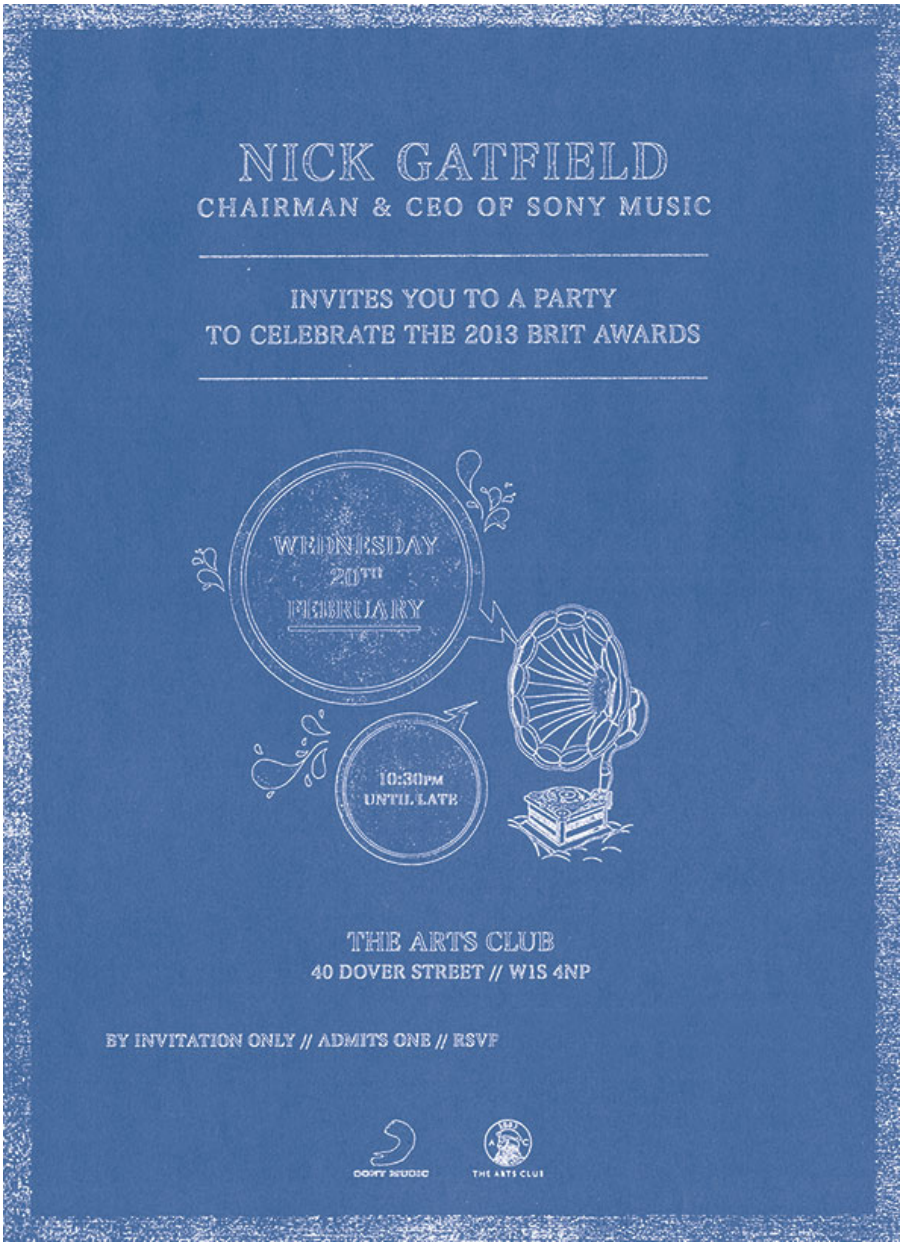
Премия Brit Awards тоже стала для нас большим событием. Я с раннего детства смотрел трансляции оттуда и каждый раз думал: «Интересно, а как оно? Что люди чувствуют, когда объявляют их имена?» Единственная сложность была в том, что тогда еще меня считали самым ответственным из группы, поэтому перед началом церемонии один из наших менеджеров, Ричард Гриффитс, протянул мне синий листок и сказал: «Вот список людей. Пожалуйста, поблагодари их в своей речи, если вы победите». И поэтому, когда на сцене вскрыли конверт и я услышал возглас «И победителем становится…», я одновременно

подумал: «О ДА!» и «Черт, мой список!» Я никогда раньше не произносил речей. Оказалось, что звук отскакивает от стен и самого себя от этого почти не слышно. Я попытался говорить медленней, но это не сработало. Я так облажался! Хотя, с другой стороны, все имена назвал правильно.

Забавное дело: на той первой церемонии многие отнеслись к нам свысока. Мы были из X-Factor, и поэтому нас воспринимали не то чтобы серьезно. Интересно было посмотреть, как на последующих церемониях другие артисты проявляли к нам все больше уважения. Приятно, что люди оценили наш тяжелый труд и то, что мы, британцы, добились успеха за океаном.

Мне бы хотелось упомянуть еще одну награду, Sons & Daughters. На ней чествуют уроженцев Вулвергемптона, которые прославили наш город по всему миру, поэтому, когда нас номинировали, я был на седьмом небе от счастья. Церемония состоялась в конце 2013 года, и, к сожалению, присутствовать на ней я не смог, потому как мы тогда ездили с туром Down Under. Награду за меня забрали мама с папой. Чрезвычайно гордый, я записал видеообращение: «За последние несколько лет мы с группой выиграли много премий, но за эту я благодарен больше всего. Вулвергемптон всегда был и остается моим домом. Я хочу от всей души поблагодарить тех, кто много лет назад дал мне возможность достичь того, к чему я пришел сейчас… Это правда самая важная для меня награда. Она займет почетное место на моей полке».

Музыкальные премии бывают делом волнительным, но, к счастью, нам везет, и мы нередко на них побеждаем!



Во время турне с Big Time Rush стало очевидно, что нашей группе уже тесно на площадках, где мы выступали. Когда вышел наш альбом и его успех привлек внимание СМИ, нас просто разрывали на части, умоляя дать концерт то тут, то там. Поэтому в апреле мы пустились в одиночный тур по Австралии, а затем по Северной Америке. Вокруг нас царила невероятная шумиха, и, несмотря на весь невероятный стресс тех ранних дней, все шло как по маслу, хоть и с долей безумия. Иногда мы просто

забывали, куда приехали, — все казалось таким нереальным. К счастью, нам неизменно везло с аудиторией: куда бы мы ни приезжали, нас ждал горячий прием. Нам до смерти нравилось колесить по Америке со своим собственным шоу. Наш менеджер Пол каким-то чудом запихал нас всех в свой обшарпанный автобус, который чуть ли не на изоленте держался.

Билеты раз за разом распродавались до последнего, и к турне добавлялись все новые места. В итоге мы отыграли больше шестидесяти концертов. В промежутках между ними мы успевали забегать на телевидение и участвовали в шоу вроде iCarly и Saturday Night Live. Темп нашей жизни становился все более сумасшедшим.

Мы тогда были еще очень плохо знакомы друг с другом, и этот тур пришелся весьма кстати. Нас с Найлом поселили вместе на X-Factor, но тогда мы были друг другу совсем чужими. Потом мы неделю провели на даче отчима Гарри: играли в компьютерные игры, смотрели телик, плавали и просто дурачились, но ко времени этого тура мы еще не успели подружиться по-настоящему.

В музыкальном бизнесе мы тоже делали первые шаги, поэтому иногда было непросто. Мы быстро заметили, как нервничают все окружающие перед началом концертов. Наша администрация и помощники иногда спрашивали у нас, все ли хорошо, ничего ли не нужно. Ну, они просто заботились о нас и хотели убедиться, что у нас нет никаких проблем. Но мы впятером совершенно не парились. Говорили что-то вроде «Мы просто пришли повеселиться». Думаю, именно это помогло нам не сломаться в первые дни и не слишком анализировать происходящее. Мы просто делали свое дело. И дел этих было невпроворот. Если бы мы сели и всерьез задумались, почему нас вдруг посетила такая слава, почему наш альбом стал первым в американских чартах, почему так хорошо распродаются наши билеты, мы бы вряд ли выдержали такое напряжение. Теперь я думаю, что смех отлично помог нам пережить все странности, которые происходили в нашей жизни… Но тогда мы об этом не задумывались, просто вели себя естественно! А уж снятие напряжения было, так сказать, дополнительным бонусом.

Мы веселились и наслаждались жизнью, не размышляя о собственных рекордах, обо всех этих фактах и цифрах, которые нам сообщали. Уже потом, когда было время отдохнуть, до нас доходило. И тогда мы такие: «Слушайте, ребят, а мы клево зажгли!»

255k 88.7k 150

Специальная доставка!..

TO BE GIVEN UP

Table No: **14** Seat: **8**

63229413900242

EON2002 19-52511 X2 B-Arena BRT

ED security

Entrance: **B**

Table No: **14** Seat: **8**

Guest:

EON2002 19-52511 X2 B-Arena BRT

BRIT AWARDS 2013 with MasterCard

ARENA FLOOR

Wed 20 Feb • The O2, Peninsula Square, London, SE10 0DX
Doors & Reception 5.00pm • Dinner 5.30pm • Seated 7.45pm
Live Broadcast 8.00pm • Party 10.00pm - 1.00am

BPI
The British Recorded Music Industry

THE BRIT TRUST
Supporting young people in music and education

By being present at this event you consent to being filmed and or recorded. You also agree not to assert any moral (or similar) rights and give all necessary consents under the Copyright, Designs and Patents Act 1988 (as amended) and all other applicable legislation in respect of the film and or recordings. Please note that we are entitled to make full use of the film and or recordings in all media world-wide without any liability or payment to you, including permitting others to do the same.

63229413900242

В 2012 году проходили Лондонские Олимпийские игры. Большой год для Британии. Мы удостоились чести петь на открытии, и для нас всех это было невероятно важным событием. В детстве я много занимался спортом и часто говорил отцу, что попаду на Олимпийские игры. Так и случилось! С большинством из звезд, тоже оказавшихся в списке исполнителей, мы познакомились еще до выступления: Madness, Spice Girls, Рассел Брэнд. Получилось так, что мы пели с грузовика Рассела, но мне было все равно. Выступить от имени своей страны и так было невероятной честью. Я словно оказался в сборной Англии по футболу, только вместо футболистов там были поп-звезды. Ну и дела! Я был ужасно горд выступить на Играх.

Однажды на интервью меня спросили: «Теперь, когда к вам пришел такой успех, вы уже начали пересматривать свои цели? Стремиться к новым достижениям?» Если честно, то нет. Мы все так же плывем по течению, веселимся, не заглядывая в будущее, и работаем изо всех сил. Мне кажется, что часто удача сама шла к нам в руки; то и дело я говорю что-то вроде «Мы не планировали выступать на Олимпийских играх, нас просто попросили» или «Мы и не мечтали собрать многотысячную толпу в Нью-Йорке, так уж сложилось».

Конечно, наша команда в Штатах (да и по всему миру) трудилась не покладая рук; и вот у них-то как раз были планы и стратегии, этого я не отрицаю. Но мы впятером просто летели, оседлав волну, и это было потрясающее ощущение.

Оставшаяся часть года была совершенно безумной: мы выпустили еще несколько синглов, выиграли пару-тройку наград на MTV и все это время участвовали в рекламных акциях, играли на концертах… — график был очень напряженным. В первой половине года мы еще взялись за второй альбом, но на этот раз принимали более активное участие в сочинении песен. Мы понимали, что поставили очень высокую планку, выпустив «Up All Night», и необходимо было сделать что-то не хуже нашей первой пластинки. Вдобавок нам хотелось попробовать что-нибудь новое, сделать нашу музыку еще лучше. И все же главные решения по альбому принимали звукозаписывающая компания и авторы песен. Конечно, у нас тоже было право голоса, но большинство композиций сочинили все-таки не мы сами. По счастью, песни получились отличные; помню, что альбом с самого начала мне сильно понравился. В дороге мы записывали мало, в основном процесс шел в шведской и лондонской студиях. Это, конечно, попроще. Хотя одновременно нам приходилось давать интервью и сниматься в клипах. Параллельно с записью альбома происходило

много всего разного.

Если нам казалось, что первая пластинка прогремела на весь мир, то «Take Me Home» вывел нас на совершенно новый уровень. Лидирующий сингл нового альбома «Live While We're Young» приняли на ура, и мы поняли, что интерес к группе еще не угас. Понятно, что нужно было держать марку и дальше, но это нас не угнетало, а наоборот, заставляло работать еще усерднее. И все же новости на первой неделе после выпуска альбома нас поразили.

Новый альбом занял лидирующую строчку в тридцать одной стране. Представьте только! Приятно знать, что побеждаешь в родной стране, но и в Штатах мы тоже стали первыми. Еще один мировой рекорд! Куда бы мы ни приходили, нас встречали с

буйным восторгом. Я предвкушал турне в поддержку нового альбома. Дождаться не мог встречи со всеми фанатами, благодаря которым это стало возможным. Мне все еще сложно поверить, что у нас столько поклонников по всему миру, сложно даже просто осознать это! Думаю, из всего, что я говорю на интервью, чаще всего повторяется фраза: «Нас в вашей стране встретили с такой необыкновенной теплотой». Я и правда не перестаю этому изумляться.

Через месяц после выхода второго альбома мы отыграли концерт, ставший, пожалуй, самым легендарным, — Нью-Йорк, Мэдисон-сквер-гарден. В неделю, когда выпустили нашу первую пластинку, мы работали с таким пылом, что Стив Барнетт из лейбла Columbia (кстати, фанат вулвергемптонской футбольной команды!) сказал: «Если ваш альбом займет первую строчку, то вы сыграете в Мэдисон-сквер-гарден». Вот прямо так и сказал. А я такой: «Эй, эй! Ты что, рехнулся, приятель?» Но когда наша пластинка действительно взлетела на самый верх, Стив, верный своему слову, договорился о нашем концерте в Мэдисон-сквер. Я страшно разволновался, спрашивал ребят: «Как думаете, может, мы перестарались? Все-таки такая огромная, такая знаменитая площадка…» Мне казалось, мы хотим прыгнуть выше головы. И представьте теперь, каково мне было, когда с нами связались представители лейбла и сообщили: «Ребята, билеты распроданы менее чем за минуту». Это больше двадцати тысяч мест! Смехотворно же. Пятеро ребят с улицы… И билеты на их концерт в Мэдисон-сквер разошлись за считаные секунды! Такого просто не бывает. Это очень престижное место. 2012 год закончился просто отлично: после шоу мы устроили грандиозную вечеринку для семьи, друзей и всех причастных к One Direction. Отметили эти восхитительно-нелепые двенадцать месяцев.

X-Factor стал для нас волнующим приключением, а потом, с появлением One Direction и нашей стремительной славой, жизнь превратилась в череду невероятных событий и бесконечных дел. Мне кажется, неудивительно, если при таком повороте событий мы немного потеряли связь с реальностью. Ну что ж, в феврале 2013-го мы поехали в Гану в рамках благотворительной программы «Разрядка смехом». Если что-то и могло спустить нас с небес на землю, то как раз такой проект.

Было бы чудовищным преуменьшением сказать, что у нас открылись глаза. Для меня лично эти два дня стали одними из самых важных в жизни. Врать не буду: нас поселили во вполне приличной гостинице. Никаких особых тягот и лишений мы не испытывали. В Гане жители делятся на очень богатых и очень бедных, так что в роскошных отелях недостатка нет. И все же

невооруженным взглядом заметна ужасающая нищета страны. Мы были там всего пару дней, но из них пятнадцать часов провели в трущобах, и этого было вполне достаточно. Представить себе не могу, каково же приходится тем, кто живет там всю жизнь.

На одной стороне улицы там располагалась свалка, а на другой — все эти крохотные лачуги. Да, прямо метрах в пятидесяти от мусорной кучи! Вонь там стоит просто жуткая, да еще и с ветром в дома прилетает не только зловоние, но и уйма грязищи. Я унюхал запах горящего пластика и спросил, откуда он. Мне ответили, что многие жители роются в мусоре, ищут электропровод, а потом сжигают пластиковое покрытие и продают проволоку. За такую работу они получают монет тридцать в день.

Нас с Гарри отвели в крохотную палатку, где проходила церемония наречения имени. Как ни удивительно, малышку нарядили во все белое, раздобыли где-то симпатичные одежки. Матрас, куда ее положили, лежал на земле. Мы пошли поговорить с ее папой. Обменявшись с нами рукопожатием, он повернулся к Гарри и сказал: «Пожалуйста, пожалуйста, возьмите мою малютку с собой. Пусть у нее будет жизнь получше моей. Пожалуйста, заберите ее отсюда». У меня в горле застрял ком. Очень тяжелая была сцена. На самом деле, ничего страшнее я в своей жизни еще не слышал. Мне просто хотелось сбежать оттуда.

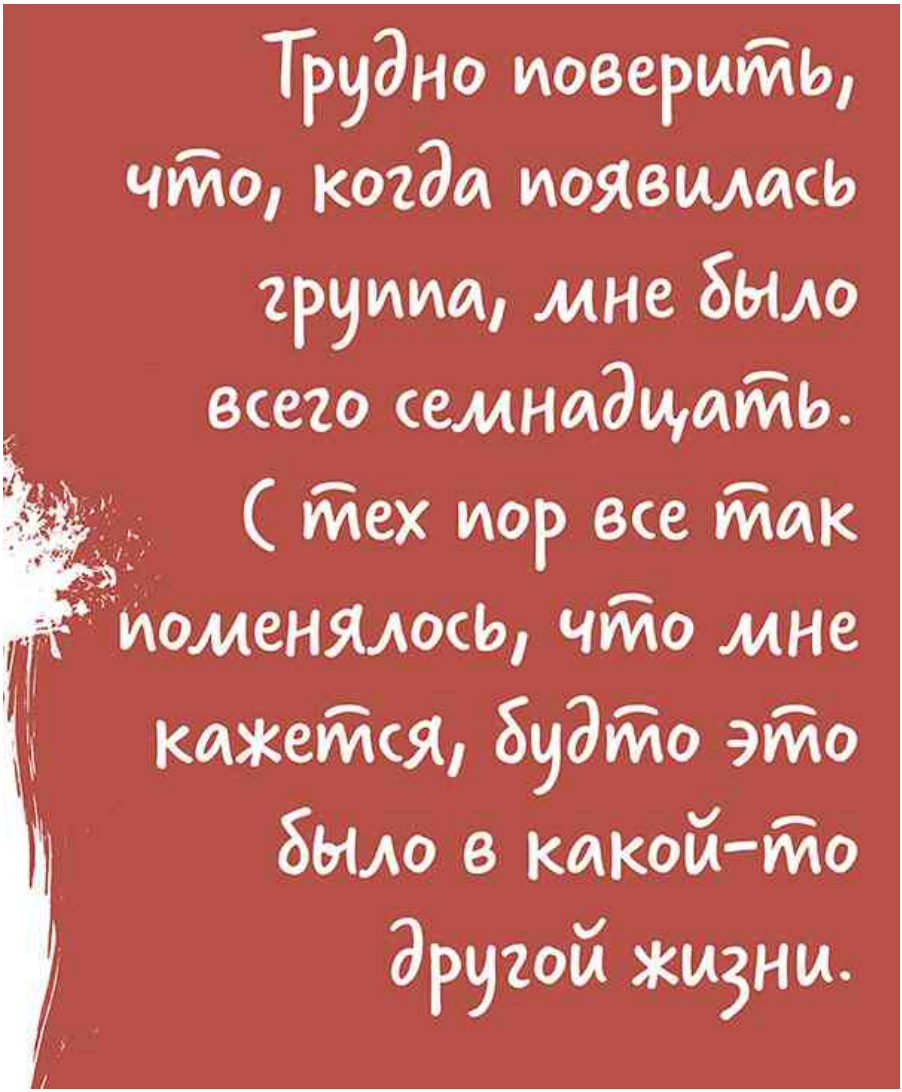
Еще мы пообщались с парнем, который выучился на повара: деньги на его обучение собрала все та же «Разрядка смехом». Он

не готовил ничего особенного, всего лишь уличный фастфуд, но тем не менее кормил соседей и обеспечивал пищей всю округу. Ну и зарабатывал на жизнь, конечно. Только так, мало-помалу, и можно менять мир.

Поездка в Гану помогла нам вернуться к реальности. Насмотришься такого — и уже не очень тянет жалеть себя просто потому, что находишься вдали от дома, по пути на очередной концерт, куда все билеты раскуплены заранее.

Тур со вторым альбомом вышел таким масштабным, что мне самому не верится до сих пор. Всего мы дали сто тридцать концертов. Мрак какой-то! Как вообще представить себе, что мы выступили столько раз за одну поездку, да и принять сам факт, что у нас появилась такая возможность. И публика везде была просто восхитительной. Конечно, каждый раз в дороге начинаешь скучать по семье и друзьям. Мы были тогда совсем юны, всю жизнь провели с семьей и тут внезапно разъезжаем по всему свету.

Врать не буду: случалось, что мне приходилось нелегко. Я бы соврал, если бы сказал, что это не так. А потом кто-нибудь из ребят сделает или скажет что-нибудь тупое, я засмеюсь — и все опять хорошо. Мы понемногу привыкали постоянно колесить по свету. Потом, в 2013-м, я не смог приехать на дедушкины похороны, потому что у нас был запланирован концерт в Австралии. Вот тогда я понял, что значит жить в разъездах, и мне стало очень, очень больно.



Я осознаю, что успех One Direction оторвал меня от дома и заставил слишком рано покинуть семью. Во времена X-Factor мне было всего семнадцать. Это не лучшим образом сказалось на маме. Им с отцом иногда сложно меня понять. В моей жизни много такого, что самому мне кажется совершенно нормальным, но родителям — и это неудивительно! — сложно относиться ко всему так же. Иногда они говорят мне: «Мы не знаем, как справиться с этой проблемой, Лиам», но ведь люди же постоянно учатся! Я стал независимым очень рано, и у меня не было в жизни того периода, когда родители просто наблюдают за тем, как ты превращаешься во взрослого человека. И теперь я провожу дома довольно мало времени. Возвращаюсь туда иногда, но гораздо

реже, чем хотелось бы. Им это дается непросто. На самом деле, думаю, им даже сложнее, чем мне самому. В конце концов, я-то постоянно нахожусь среди людей. А им было странно лишиться моего общества так внезапно.

Но, с другой стороны, с появлением One Direction в моей жизни появилось много плюсов. Одно из главных преимуществ — это то, что я могу обеспечить своей семье достойный образ жизни. Они могут делать то, что им нравится, они переехали в дом побольше и теперь не беспокоятся о том, как платить по счетам.

Но заметьте, отец до сих пор работает каждый день! Многие месяцы трудится без выходных и гордится этим. Он — человек из рабочего класса, ему нравится его образ жизни. Думаю, мои родители так устроены: если отец перестанет вкалывать, то ему станет скучно.

В себе я тоже замечаю похожие черты. Унаследовал, наверно. Если бы у меня не получилось с пением, я бы, скорее всего, пошел по стопам отца, устроился учеником к нему на фабрику. И, несмотря на то что я участвую в таком грандиозном проекте, у меня отличный дом и я могу купить все, что пожелаю, и отправиться в любую точку мира, мне нравится работать. Нравится сам процесс. И еще мне нравится, что у нашей работы есть ощутимый результат — записанная песня, которая потом становится частью альбома. Может, это тоже что-то унаследованное от моих предков из рабочего класса. Мне нравится надевать наушники и слушать созданное нами творение.

Еще один дар, который я получил от One Direction, — это уйма новых прекрасных друзей. Мне повезло встретить множество невероятных людей. Иногда мне кажется, что у меня не так уж и много близких людей. Но ведь много и не нужно. Главное, чтобы они были особенными. А уж в интересных знакомствах недостатка нет никакого!

Но вернемся к нашему туру со вторым альбомом. Он начался с серии концертов на арене O2. Честно говоря, мне это показалось довольно странным. Мне случилось ранее побывать на паре чужих выступлений в этом здании (например, я сходил на JLS), и нам давно уже хотелось сделать что-то похожее. Там так замечательно играется! Когда я прихожу в этот зал и смотрю чужие концерты, мне хочется сыграть там снова. В детстве у меня была возможность побывать в «Тысячелетнем куполе» (как он тогда назывался) со школьной экскурсией. Я мечтал об этом! Но моя сестра тоже хотела поехать, а на обоих нас не хватило бы денег. Я был тогда совсем мелким, и родители решили, что Рут поездка будет полезней, что она запомнит больше, потому что она старше. Так я туда и не съездил. Ужасно грустил из-за этого. Вернувшись домой, сестра сказала, что у нее есть для меня подарок, и протянула мне точилку в форме этого самого купола. Я хихикнул себе под нос, когда мы приехали выступать на этой площадке. Все-таки доехал до «Тысячелетнего купола»!

У нас каждый день происходит много всего разного. Это прекрасно, и мы все благодарны судьбе. Иногда, правда, группа оказывает на тебя влияние, которого ты не мог предвидеть. Например, время от времени мне сложно заниматься нормальными вещами, что одному, что с компанией. Просто не

могу отключиться. Когда у меня выходной, мне становится скучно, а потом и грустно, потому что я чувствую, что делаю недостаточно. «Что бы еще мне сегодня сделать?» Эта мысль не дает мне покоя. Просто не могу усидеть на месте. В последние четыре года мы только и делали, что срывались с места и работали, работали, работали. Если вспомнить, что я и в детстве был непоседой, то можете понять, как беспокойно мне живется.

Порой у меня бывают проблемы со сном. Если днем я услышу какую-нибудь волнующую новость (мы заняли первую строчку в какой-нибудь стране или еще что в этом духе), то потом лежу и часами думаю, думаю. Часто ловлю себя на том, что таращусь в окно или смотрю на улицу с балкона и размышляю. Честно говоря, мне часто не спится. Вечно вспоминаю, что еще мне нужно сделать или что я могу сделать, и в итоге мысли заполняют мне голову, и я лежу так иногда до самого утра. Поэтому спать не очень получается. Да и как заснуть, когда в голове у меня такая толчея? Но если уж засыпаю, то сплю без просыпа. Просто отключиться сложно.

Пребывание в группе повлияло на меня и другим образом. Я заметил, что стал увереннее в себе, но одновременно мне стали сложнее даваться самые обычные дела, вроде похода по магазинам. Теперь я редко этим занимаюсь и порой нервничаю, когда покупаю или примеряю что-нибудь. Не всегда, но иногда случается. Не только с магазинами, с барами тоже: ловлю себя на том, что просто стою в толпе и не могу крикнуть заказ бармену. Наверно, мне не хочется выделяться. Понятия не имею почему! Я же совершенно спокойно стою перед пятидесятитысячной толпой с другими ребятами, болтаю с ними и выступаю, но совершенно обыденные вещи лишают меня душевного равновесия. Бред какой-то!

С людьми приходится быть осторожным. Работа может сделать из тебя настоящего нарцисса. Некоторым звездам постоянно прислуживают другие, а потом они отправляются на интервью и говорят, опять же, о самих себе. От этого вырабатываются дурные привычки. Например, я иногда без спроса встревал в чужие разговоры, если у меня были какие-нибудь новости о нашей группе и я просто не мог дождаться, когда можно будет их рассказать. Я перебивал других, мне было все равно, что происходит у других в жизни, и слушать я тоже совершенно не умел. Мог просто оборвать собеседника на полуслове, чтобы сказать: «Эй, послушай!» и выложить свои новости. Тут нужно следить за собой. Не забывать, что ты — не пуп Земли.

Мне все еще с трудом дается общение с девушками. Так было всегда. Мне очень нравится, когда у меня есть подружка, и, по счастью, без девушки я надолго никогда не оставался. В школе я постоянно приглашал девчонок на свидания. Мои приятели иногда убеждали меня, что я нравлюсь какой-то девочке, я приглашал ее и получал отказ. Теперь, когда я выхожу в свет и вижу какую-нибудь девушку в клубе, то мне сложно подойти и заговорить… сильно нервничаю.

Еще я переживаю, что трачу слишком много денег. Думаю, что должен был отправить их семье, сомневаюсь, надо ли

покупать дом. Такие важные решения! Иногда мне кажется, что мне слишком рано пришлось столкнуться с серьезными вещами. Раньше я мечтал о том, что у меня будет свой дом, большой дом, но до этого мне хотелось пожить по-студенчески, в квартире. Так я и поступил: купил симпатичную квартирку в Лондоне.

Теперь я предвкушаю, как буду выбирать себе дом, в котором мне захочется провести много лет. Но пока мне всего двадцать один, и принимать такие решения все-таки странно. Я переживаю, что совершу какую-нибудь большую ошибку. Будто иду по минному полю. Уйма нервов уходит: я слишком все анализирую. В школе я часто слышал на родительских собраниях, что я слишком много думаю. Не умею относиться к вещам просто. Мне еще многому нужно научиться и понять, чего я хочу от жизни. С моей склонностью к анализу иногда это бывает очень тяжело.

Когда мы выступали в O2, наш друг Бен Уинстон вместе с Морганом Сперлоком начали снимать нас для нашего первого фильма, «Это мы». Я ужасно рад, что мы сняли это кино. С группой всегда происходит так много всего, что мы часто забываем про разные события. Даже и один-единственный день бывает сложно запомнить, а что уж говорить про целые недели или месяцы. Фильм очень нам в этом помог: в нем запечатлелись наши удивительные приключения.

Иногда постоянное присутствие напрягало, особенно когда нам хотелось просто повеселиться, но с этим приходилось смиряться. Мы знали, что нам выпала удивительная возможность. Даже если бы фильм снимался просто для того, чтобы мы потом смогли посмотреть на себя в юности, было бы уже офигенно, но столько людей хотело посмотреть это кино и понять нас лучше… Мы были польщены.

На самом деле я пока так и не видел весь фильм целиком! Дел было невпроворот, и, когда мы пошли на премьеру, нас выдернули с середины — пора было отправляться на съемки клипа. Жду не дождусь дня, когда, совсем старый и седой, усядусь со своими детьми и ведром попкорна перед теликом и скажу: «Ну вот, детки, таким я был в вашем возрасте!»

Мне посчастливилось встретиться с разными знаменитостями. Такова приятная часть нашей работы. Мне не очень-то нравится болтать со звездами, потому что я ведь и сам фанат. Начинаю нервничать. И беспокоюсь, что слишком уж навязываюсь. И все же благодаря группе у меня появилась возможность встретить восхитительных людей, начиная с Робби Уильямса (с ним я встретился в самом начале творческого пути) и заканчивая Майклом Бубле (именно на его концерт я сходил впервые в жизни!) и самой королевой! Все это очень странно.

Нужно знать, с кем можно вести себя по-дружески, а с кем — нет.

Когда я познакомился с Уиллом Смитом, то сказал просто: «Здравствуйте, я ваш большой поклонник». Тупо было бы подойти к нему, назвать приятелем и начать расспрашивать про семью и детишек.

Некоторые встречи запомнились мне больше других. Например, с Дэвидом Бекхэмом. Такой крутой! Мы пришли на какую-то вечеринку, он тоже был там. Я присел рядом, и мы отлично поболтали. В следующий раз мы встретились на фильме «Класс 92». В его создании принимал участие Бен Уинстон, наш продюсер. Дэвид сидел в другом углу зала. К изумлению моему, он меня заметил и… ну, знаете, как парни кивают друг другу? Ну

вот, я кивнул ему, и он ответил, а потом, о чудо, подошел и спросил: «Как дела, Лиам?» Он даже руку мне пожал! И я такой: «Боже, Дэвид Бекхэм только что кивнул мне с другого конца зала. Ну и дела!» Я всем друзьям эту историю рассказываю.

Еще из знаменитостей я очень люблю Фаррелла Уильямса. Такой дружелюбный парень! Однажды, когда мы были в США, мне выдалась возможность записаться с ним, и я подумал: «Я обязан пойти! Ни за что не пропущу такое!» Я пошел в студию и сел на стул. Очень, очень нервничал. Это была моя первая самостоятельная сессия, да еще и с одним из самых крупных продюсеров в мире! Он все еще записывает музыку, с каждым годом все лучше. Теперь, когда мы видимся, он каждый раз подходит ко мне, обнимает и расспрашивает о делах. Ему хочется записать еще что-нибудь вместе! С ума сойти.

Я огромный поклонник Майкла Макинтайра. Он такой уморительный. Я раньше его пародировал. Однажды мы присутствовали на церемонии «Гордость Британии», и стоило нам войти, как он начал сыпать шутками. Ужасно смешно! Мы заговорили, я сказал, что восхищаюсь им, и мы обменялись телефонами.

Он сказал: «Приходи ко мне на шоу, и, если придешь, буду прикалываться над тобой весь вечер». Когда он пишет мне СМС, то называет «одним из направлений» (игра слов: One Direction в переводе с английского «одно направление». — *Прим. пер.*). Он постоянно смешит меня. И я думаю: «Вот ведь странно, раньше я смотрел его выступления на DVD, а теперь он шлет мне СМС». Но на шоу прийти у меня пока смелости не хватило!

Кто-то как-то сказал мне, что для других мы тоже можем быть такими же знаменитостями, но мы ведь совсем не такие. Я понимаю, что люди знают нас по One Direction, но я редко задумываюсь о том, что мы прославились или что-то в этом духе. Мы часто устраиваем встречи с фанатами, и я вижу, что некоторые из них странно на нас смотрят, и дыхание у них прерывается, и они ужасно волнуются. Но я не понимаю, что это из-за меня. Пускай я и знаю, что они пришли встретиться с нами и поэтому нервничают, это как-то до меня не доходит.

Иногда я забываю, что меня хорошо знают в лицо. Я провожу много времени дома, потому что реакция публики бывает иногда уж больно бурной. На днях мы с Пэдди, моим приятелем, хотели съездить в Вестфилдский торговый центр. Я совсем забыл, что у школьников сейчас каникулы. Мы продержались минут двадцать, потом пришлось уйти. Конечно, я не считаю себя знаменитостью… но я замечаю, как таращатся на меня люди, как набираются духа, чтобы подойти заговорить или попросить

сфотографироваться.

Отчасти я не могу воспринимать нас как прославленных звезд, потому что для меня мы все те же обычные двадцатилетние парни, которые веселятся вместе. На самом деле мы не делаем ничего такого, что не смогли бы сделать любые другие молодые ребята, будь у них возможность. Если бы вы сказали парню двадцати лет: «Ты можешь понаставить футбольных ворот в натуральную величину, где тебе заблагорассудится, кататься на квадроциклах и картах, можешь убегать от людей, которые говорят, что надо работать усердней», — он обязательно ответит согласием. Да и кто бы не согласился, выпади им такой случай! Я здесь для того, чтобы как следует повеселиться.

Первым синглом с третьего альбома стала песня «Best Song Ever». Отличная мелодия, и клип на нее снимать тоже было весело. В то время самым большим испытанием стал так называемый «День One Direction», своего рода промоакция для альбома. Мы должны были около семи часов вещать по Интернету. Так как ни один из нас ни разу до этого не выступал в роли ведущего, то мы понятия не имели, что нужно делать! Мне выдали сценарий длиной в сотню страниц, надавали советов, но, честно говоря, я просмотрел их только мельком. Наши менеджеры изрядно волновались. И я им такой, типа: «Не имею ни малейшего представления, что мне делать, ребят!» Тем не менее мы рискнули. И, как я обычно говорю, «Разве мы когда-нибудь вас подводили?». У нас каждый раз получается как-то выкрутиться. Конечно, мы сильно нервничали, ведь на нас смотрело столько людей! Но потом втянулись, и в перерывах я сам подбегал к телевизору, наблюдал за нашим шоу. Ужасно интересно было. Мы отлично провели день. Надо будет повторить и сделать все еще лучше.

К третьему альбому мы уже сами писали почти все песни. Это был огромный шаг вперед, мы стали более творчески относиться к процессу. Новая пластинка, «Midnight Memories», заняла первые строчки во многих странах, и это было для нас большим достижением.

Любой успех очень важен, но этот особенно: альбом получился очень личным, и то, что его приняли так хорошо, показало нам, что мы можем сами создавать музыку.

В будущем я бы хотел стать автором песен. Так у меня будет возможность остаться в индустрии, у меня будет стимул писать музыку и дальше, записывать хиты и вертеться в сфере, которая мне всегда нравилась. Мне бы не хотелось всего этого лишиться. На свете очень много бойз-бэндов, которые выстрелили и канули в небытие. Недавно Найлу чинил крышу парень, который раньше

был членом очень успешной группы. Не будем называть имен, но я подумал тогда: «Он ведь смог прославиться. У него все отлично получалось. И как же так вышло, что теперь он чинит крыши?»

Меня беспокоят мысли о том, что я буду делать после One Direction. Да, я бы правда хотел писать песни: мне очень нравится сам процесс, мне нравится, что это непросто, что это творческий процесс. Играет роль тут и то, что меньше внимания будет приковано к моей собственной персоне. Но самое главное — мне просто хочется просыпаться каждое утро и писать песни. До сих пор мне везло, я живу так, как мечтал, и мне надо будет держаться за это обеими руками, не забывая ставить перед собой сложные задачи. Так что да, я правда переживаю за будущее, но это ведь естественно.

Некоторые из участников нашего проекта обладают особой целеустремленностью. Мне иногда тоже говорят, что я целеустремленный, но мне кажется, что я просто люблю выжимать все возможное из каждой минуты своей жизни. И трудиться мне нравится. Я бы не сказал, что стремлюсь к какой-то цели, иногда я бываю очень ленивым. Порой мне приходится переосмысливать свои приоритеты.

33k 269k 120

Пинг-понг за кулисами

#КанзасСити

Дилан

Вечерами я беспокоюсь о том, что недостаточно сделал за день. В школе происходило совершенно то же самое. Наверно, этот школьный подход повлиял и на то, как я чувствую себя в группе. Когда я в колледже изучал музыкальные технологии, то работал изо всех сил, по всем предметам у меня были пятерки с плюсом, кроме, разве что, одного. Но мне вечно казалось, что я могу делать больше, и до сих пор так кажется. С One Direction дело еще и в том, что я знаю, как мне повезло, и стараюсь не принимать ничего как должное.

Не знаю, чем заслужил такую жизнь. Уверен, что в мире полно людей более талантливых, но так уж сложилось. Теперь я стараюсь делать все, что от меня зависит, и поэтому мы постоянно стремимся улучшить нашу музыку. Таков наш долг перед самими собой и перед нашими поклонниками.

Жизнь в составе группы становится все безумнее с каждым днем. После трехмесячного перерыва в начале 2014-го мы вернулись, выступили на церемонии Brit Awards, и все закрутилось по новой. Тут же. Словно мы никуда и не уходили. Жизнь несется все быстрее и быстрее. Происходит столько всего удивительного. Меня часто просят рассказать, какое событие из жизни One Direction мне запомнилось больше всего.

Честно? Все время со дня основания и до сих пор — вот мое самое памятное событие.

Найл

Иногда я думаю о том, что из детских лет помогло мне подготовиться к сумасшедшей жизни в One Direction. С одной стороны, разве к такому подготовишься? Но с другой — я понимаю, что некоторые события кое-чему меня научили. Для начала, я с самого раннего возраста был очень независимым. Мои родители разошлись, когда мне было пять. Я знаю, что многие дети тяжело переживают то, что их родители больше не живут вместе. Да, я тоже сильно расстраивался, но одновременно с этим чувствовал, что получаю самое лучшее от обоих, мне нравилось жить то с папой, то с мамой. Жаловаться было не на что. У меня было детство, которому позавидовал бы любой из моего окружения. Хорошая младшая школа и средняя тоже. Я много веселился с друзьями, отлично проводил время и вообще был жизнерадостным ребенком. Да, я частенько хулиганил, но без злобы, просто развлекался.

Мама моя живет за городом, и я в итоге принял решение жить с отцом, потому что в городе у меня были друзья. Папа часто работал в ночные смены, и я обслуживал себя сам. Конечно, отец обо мне заботился, но мне нравилось и самому мыть посуду, собираться в школу самостоятельно. Мне часто говорили, что я взрослый не по годам. Позже, когда появилась наша группа и мы еще подростками внезапно очутились в самой гуще безумной жизни, вдали от дома, этот опыт независимости мне очень

пригодился.

Папа с самого моего детства брал меня с собой смотреть футбол в Англию. Вроде впервые я пошел на матч, когда мне было всего четыре года. Я привык путешествовать, и это тоже оказалось очень кстати для моей работы!

Ранними субботними утрами папа будил меня, говоря: «Просыпайся, Найл! У нас в пять корабль из Дублина». Я вываливался из кровати, мы садились на паром до Холихеда, прыгали на поезд до Лландидно, добирались до Кру, а оттуда мчались в Дерби. Мне нравилось ездить, нравилось смотреть футбол с папой. Думаю, это помогло мне легче переносить все наши перелеты и переезды с группой.

Вот такие у меня были зубища на моей последней фото из начальной школы

Разумеется, самой важной чертой, которую я пронес из детства в One Direction, стала любовь к музыке. Забавно, но

в моей семье ей не очень-то занимаются: родители любят слушать музыку, но сами не играют ни на каких инструментах и не поют, даже на любительском уровне. Как сейчас помню два концерта, которые особенно на меня повлияли. На обоих выступали The Eagles. Я дважды побывал на их выступлениях еще до того, как мне исполнилось десять. Они произвели на меня огромное впечатление, и я сказал отцу: «Пап, это лучший вечер в моей жизни. Я хочу петь, как они!» Самым первым моим концертом стали McFly, а потом уж я сходил на The Eagles. Совершенно разные исполнители, вообще ничего общего.

После них я просто пропал: только и думал, как бы попасть на сцену. Будь то церковный хор, местные постановки мюзиклов наподобие «Оливер!», конкурс талантов или уличные представления — мне было все равно. Я просто хотел выступать. Правда, от нервов мне часто становилось дурно. Был период, когда мне хотелось заниматься обработкой звука, стоять за пультом. Я часто ходил на концерты, потому что папа у меня — настоящий меломан. И меня всегда потрясало, как звукооператоры обрабатывают музыку, хотя я не имел ни малейшего представления о том, как они это делают. Музыкальная карьера прельщала меня еще и тем, что казалась мне хорошим способом расширить горизонты: попутешествовать, посмотреть мир. И вот теперь я оглядываюсь на свое детство и думаю, что многое из тех ранних лет либо помогло мне выбрать эту карьеру, либо помогло потом, когда я уже оказался в One Direction.

Могу сказать, что на программе X-Factor закончилось мое детство. Когда мы запустили проект One Direction, у меня не осталось времени даже сдать экзамены. Однажды я сказал, что перед прослушиванием «упаковал свою жизнь в один большой мешок». И это совершенная правда. Но я тогда не понимал, что, складывая шмотки в свой крошечный чемодан, прощаюсь с домом навсегда. Когда команда собралась, мне приходилось постоянно метаться между Ирландией и Англией, и это продолжалось до самого конца передачи. Потом мы отправились в дома судей, а потом в финал, после которого я вернулся домой еще раз, уложил кое-какие вещи… И с тех пор не возвращался в Ирландию. Просто запихал одежду в мешок, перевесил гитару через плечо и отчалил.

За год я пробыл дома двадцать шесть дней — не подряд, конечно! Тут я хочу кое-что прояснить. Я совершенно не жалуюсь. Никогда не скучал по дому, это чувство мне совершенно незнакомо. Иногда мне сильно не хватает семьи и друзей, но, к счастью, в Лондоне у меня есть двоюродный брат, да и в

компании недостатка нет. Мои приятели по One Direction все живут неподалеку, поэтому мы можем собраться вместе и повеселиться, когда захотим. Если мне становится грустно, я быстро нахожу кого-нибудь, с кем перебросится словом, пошутить. Часто я просто брожу, достаю людей болтовней. И если я начинаю скучать по близким, то просто вспоминаю про One Direction, и мне становится хорошо. Я до безумия влюблен в нашу группу.

У меня остались очень теплые воспоминания из детства. Я все время играл и дурачился с друзьями. Мечта, да и только!

Не о том я мечтал, когда просил скоростной велик

Когда я пришел домой, рыба стала в два раза больше, по крайней мере в моем воображении

С братом Грегом и мамой Морой

Я всегда с удовольствием пел и бренчал на гитаре. Настоящая гитара у меня появилась довольно рано, вскоре после того, как была сделана эта фотография

Переезд в большой город тоже дался мне легко. Мама спрашивала меня, не боюсь ли я переезжать, и я ответил, что не могу дождаться. Несмотря на то что в городке, откуда я родом, все друг друга знают, мне не казалось сложным уехать в Лондон и

начать жизнь с чистого листа. Я уже бывал там с отцом на футбольных матчах и знал, с чем придется столкнуться. И я предвкушал начало новой жизни. Любой на моем месте чувствовал бы то же самое!

Да, переехать было делом нехитрым. Совсем другое — слушать «Свет, камера, мотор!» каждую субботу. Я оказался на самом масштабном шоу страны! Вот к этому привыкнуть было непросто. Ничто в жизни не подготовит к X-Factor. Просто оказываетесь внезапно перед ярким светом камер, и так круглые сутки! БУМ! С минуты пробуждения до той минуты, когда опускаешь голову на подушку, перед глазами мелькают студии, репетиции, интервью; носишься всю неделю, как бешеный, а в субботу шоу! БУМ! К воскресенью ты уже выжат как лимон, а потом все начинается сначала. Но какой же это кайф.

Ясно помню первый день после завершения X-Factor. В этом огромном, захламленном доме с десятью спальнями остались только мы, Мэтт Крэдл и Ребекка Фергюсон. Ни я, ни другие ребята из группы еще и не начинали собирать вещи, а уходить надо было в одиннадцать утра. И тут в дверь постучали. Это был наш новый тур-менеджер, Пол, дюжий ирландец. Он заходит в комнату и говорит: «Так, парни, звать меня Пол. У вас полчаса на сборы!»

Мы отправились в гостиницу K West в Шепердс-Буш и пообедали. Мы были очень рады, но одновременно с этим думали: «Ну а дальше что? Куда мы пойдем сегодня? Что нам делать?» Откуда нам было знать? У нас даже контракта со звукозаписывающей компанией не было, хотя нам намекали, что предложения поступят.

И в тот же день мы узнали, что умер дедушка Зейна. Ну и контраст. Бедный Зейн. Мы прыгнули в машину и помчались в Брэдфорд на похороны. Зейн был молодчиной: сделал все, что было нужно, позаботился о семье, а потом словно по щелчку вернулся к делам группы. Не знаю, как у него получилось. Мы вернулись в Лондон и через пару дней пошли в офис Sony. Нас отвели в переговорную, усадили и сказали, что с нами хотят подписать договор. Я сидел там и думал: «Ну и дела!»

Удивительно, как быстро мы с другими участниками группы подружились. Нам с самого начала было очень весело вместе, и дружба завязалась сама собой. Мы все время проводили вместе и не расставались надолго. Конечно, иногда мы цапались, это неизбежно. Во время первого тура мы постепенно сближались, разъезжали в том крошечном автобусе, играли в маленьких клубах, на бар-мицвах, и все такое. В основном принимали нас на ура, но случалось всякое. В одном захудалом заведении в Лидсе

на нас начали шикать и кидаться разными предметами, а потом и вовсе погнали со сцены!

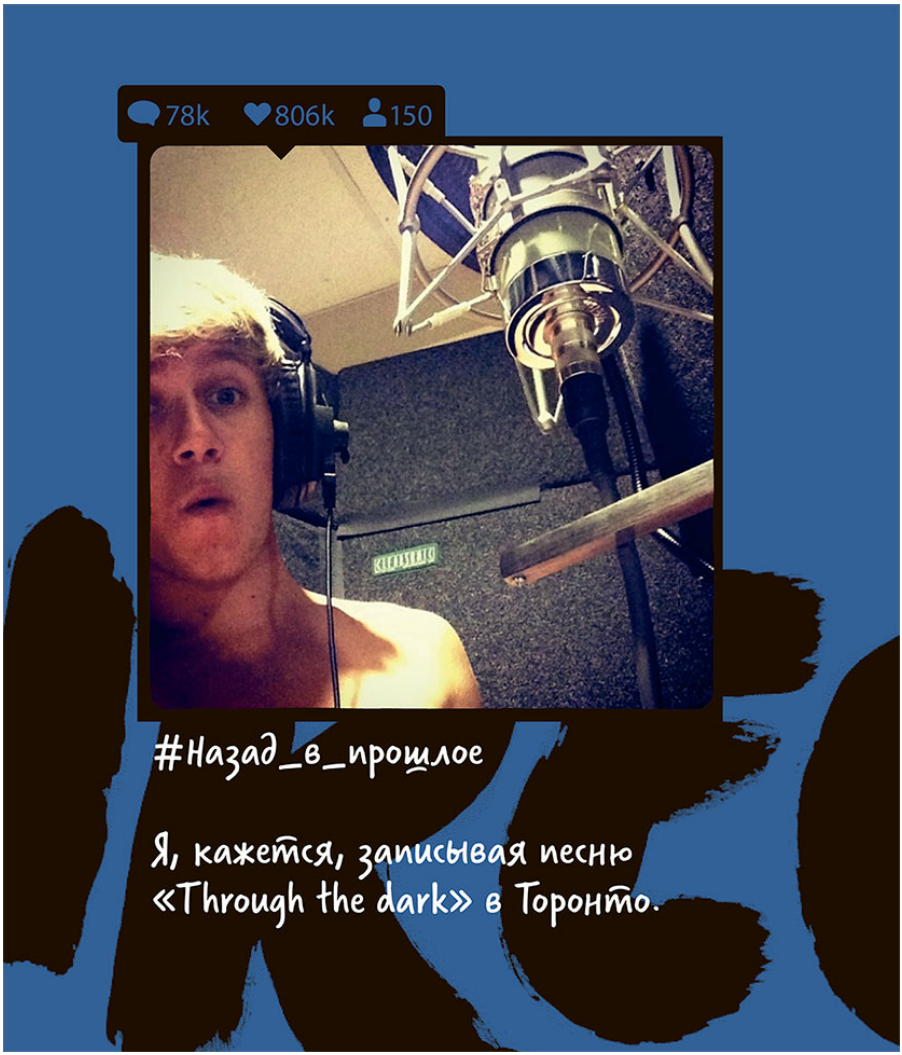
К счастью, это было исключением. Наша карьера сразу пошла в гору. Первые полгода в составе группы были просто чумовыми. Как только мы приезжали на площадки, телестудии и радиостанции, нам говорили: «У ворот вас дожидается толпа девчонок, несколько сотен». Мы выходили к ним, общались, старались поговорить, по возможности, со всеми. Но со временем толпы росли, и вскоре уже нам говорили: «Вас дожидается толпа, несколько тысяч человек…»

В детстве я обожал спорт: играл в гольф, футбол и гэльский футбол. Тогда, к счастью, с коленом у меня было все прекрасно!

На X-Factor мы думали, что пашем как кони. Так оно, собственно, и было. Но как только шоу закончилось и мы пустились в вольное плавание, работы стало уже совершенно немыслимое количество. Нас водили повсюду, как стадо баранов, и всем хотелось отщипнуть от нас кусочек. Признаюсь, что в глубине души я думал: «Ну вот, у тебя есть полгода, чтобы выложиться по полной. Есть большая вероятность, что потом все закончится». Наверно, это был разумный подход, и он уж точно помогал мне не расслабляться и не пускать все на самотек. Продержались мы чуть больше чем полгода, и стали довольно успешной группой. Но тогда, выходя на сцену, мы думали, что каждый концерт может оказаться последним. Мы думали, что терять нам все равно нечего: никто не знал, чего от нас ожидать. В те времена мы просто думали: «Давайте повеселимся и поработаем от души, покажем себя с лучшей стороны!» Да, хорошие были времена.

Я совсем потерял голову от волнения, когда мы поехали

в Лос-Анджелес, а оттуда в Швецию. Записывали первый альбом. Это было восхитительно. Я уже бывал до этого в Нью-Йорке и Бостоне, но Зейн летел на самолете второй раз в жизни (в первый — когда отправлялся домой к судье). Мы постоянно его подначивали: «Вот сейчас самолет сделает мертвую петлю, а потом еще покружит, Зейн!» Он страшно перепугался! Смех, да и только. Когда мы прибыли в Лос-Анджелес, то с изумлением увидели, что нас встречают фанаты. Но тогда мы не придали этому значения. Подумаешь, может, показалось… Мы были в полном восторге от города, наслаждались солнцем, нам нравилось ходить по студиям. Время было какое-то расслабленное, больше такого не случалось. В Городе Ангелов работать начинают около четырех вечера, и весь день мы просиживали у бассейна. Просто восхитительно.



Я тогда ничего не знал про весь этот студийный мир. Мы мельком побывали в студии, когда победители X-Factor записывали свои синглы, но времени было очень мало. Теперь, приехав в Лос-Анджелес на запись собственного альбома, мы даже не знали, для чего нужны наушники. Пульт звукорежиссера казался мне столом с кучей непонятных кнопочек. Мы преклонялись перед нашими продюсерами: нам казалось, что они столько знают, написали столько хитов. Странно было, что мы не были знакомы с нашими продюсерами: выступать перед ними было все равно что снова проходить прослушивание на X-Factor. Я чуть не помер от волнения, говорил ребятам: «Надеюсь, им нравится моя работа. Они ведь записывали всех, кого мы знаем!» И не сказать, чтобы я в те времена пел лучше всех в мире! Теперь

я вспоминаю, что задача была нехитрой. Нам прямо так и говорили: «Пойдите спойте эту строчку, а потом возвращайтесь и спойте еще вот эту».

Сами мы ничего не понимали. Я очень рад, что нас в то время направляла опытная рука, иначе мы бы не записали ни «What Makes You Beautiful», ни весь наш чудесный первый альбом. С нами были люди, которые многие годы посвятили музыке и хорошо знали, что делают. Мы были совсем детьми, да еще и по уши занятыми продвижением своей группы, концертами, выступлениями, и поэтому не могли бы сами сочинять песни, даже если бы захотели. Первый альбом был ужасно важен для нашей карьеры, поэтому было бы крайне рискованно поручать нам сочинительство. Всем было интересно, что мы из себя представляем за пределами шоу, какую музыку собираемся записывать, как будем звучать.

Первый альбом сильно расширил нам горизонты: мы забронировали зарубежные студии для записи пластинки. Первые сессии в Швеции были очень классными. В первый же день на студии мы пошли пообедать, а на обратном пути увидели, что у входных дверей стоят две девушки. Мы прошли мимо них, даже не задумавшись, что, может, они пришли посмотреть на нас. Они крикнули нам вслед: «Пожалуйста, дайте нам автограф! Можно с вами сфотографироваться?» И мы, конечно, ответили, что можно, не вопрос. Но при этом недоумевали: откуда вообще взялись эти девочки? Оказалось, они проехали на поезде через всю Швецию, чтобы встретиться с нами. Мы были в шоке. Такова была одна из первых встреч с фанатами за пределами Великобритании.

Да, тогда поклонниц было только две, но число их росло с каждым днем: к концу недели перекрыли дорожное движение у студии, потому что все заполонили фанаты. Целая толпа!

Потом этот хаос и помешательство начали распространяться по Европе. По инициативе нашего лейбла один раз в неделю фанатам стали выдавать браслеты и запускать на студию. Мы пели им пару песен и иногда проводили автограф-сессии. И каждый раз там царило настоящее безумие. Никогда в жизни мы не видели ничего подобного.

Как вам известно, первый сингл вышел только в сентябре того года, когда мы участвовали в X-Factor. Все предыдущие девять месяцев мы трудились над ним в самых разных условиях: на задних сиденьях мини-автобуса, в гостиницах, в туре с X-Factor, в студиях, на радиостанциях, в перерывах между видео— и фотосъемками. Мы выпустили книгу, раздали кучу автографов, дали интервью каждому подростковому журналу в мире. Когда стало ясно, что мы прославились по всей Европе (спасибо, наши

замечательные поклонники!), то мы расширили наши промопроекты. Наши горизонты ширились день ото дня.

Оглядываясь назад, я понимаю, что мне сложно даже вспомнить все, что происходило тогда. Одно сплошное мельтешение.

Да, теперь мне кажется, что наш первый сингл вышел лет сто назад, но я до сих пор ясно помню, какой фурор он произвел. Мы ощущали, что сделали хорошую поп-песню, что мы отлично рванули со старта. Разумеется, сразу попасть в верхние строчки чартов — это невероятное начало для карьеры, но, по правде говоря, у нас и времени-то отметить это не было. Так, хлопнули друг друга по спине и затем — бац! — сразу перешли к другим делам. Никаких передышек. Каждый день проходил в приятном волнении, прекрасные были времена. В сентябре мне стукнуло

восемнадцать, и примерно тогда же мы отыграли концерт перед совсем неподходящей аудиторией. Перед продажниками из какого-то супермаркета. М-да, отличный способ справить день рождения.

После выхода первого сингла мы резко рванули вверх. Если раньше нам казалось, что у нас безумная жизнь, то теперь мы поняли, что ошибались. У нас не осталось времени даже подтирать себе задницы.

Я пытался проанализировать, почему One Direction настигла такая сумасшедшая слава. Мне бы хотелось думать, что дело в нашей музыке и что, если бы не все прочие факторы, мы все равно бы стали достаточно популярны, что у нас было бы много поклонников. Музыку-то мы пишем и правда отличную. Но я смотрю на вещи трезво и знаю, что одной музыкой дело не ограничивается: тут и маркетинг, и социальные сети, и расписания лейблов. Всего и не узнаешь, пока не попадешь в бизнес.

Я не сомневаюсь, что огромную роль сыграли наши фанаты. Особенно важен был их вклад в том, что касалось Интернета. Они так активно взялись за дело, что вскоре слава One Direction распространилась по миру, как лесной пожар.

Думаю, они уже тогда знали (и знают сейчас), что наши аккаунты — не фейки. Они знают, что мы говорим то, что думаем, и говорим своими собственными словами. Наши менеджеры не приказывают нам: «Найл, сегодня тебе нужно затвитить то-то и то-то…» Я все делаю сам. Думаю, это с самого начала придало нашим отношениям с поклонниками оттенок искренности. И им это понравилось. И когда они тоже включились в дело, результат превзошел все ожидания. Думаю, сложно сказать наверняка, чем вызван тот невероятный успех первых месяцев, но, каковы бы ни были причины, с группой творилось что-то сверхъестественное. Представьте себе, что вас отрывает от земли ветром и уносит ввысь.

По-моему, наш первый альбом, «Up All Night», стал хорошей поп-пластинкой. Ну да, не могу сказать, что часто ставлю его сейчас. Ну а кто из исполнителей переслушивает свои ранние работы, если быть честными? Как я уже говорил, в сочинении песен мы особого участия не принимали, но все равно наша личная связь с альбомом чувствовалась, и выступать с ним было чистым удовольствием. Когда он занял второе место в Великобритании и первое — в семнадцати других странах, я не сразу в это поверил. Я знал, что мы из кожи вон лезли, работая над пластинкой, знал, что слава наша растет. Знал, что фанаты по всему миру помогают нам. И все равно это явилось для меня

огромной неожиданностью. И я подумал: «Может, группа и протянет больше, чем полгода».

Думаю, что наши первые турне на разогреве и потом самостоятельные гастроли сильно нас сблизили, сплотили пятерых парней в их безумных странствиях по миру. Именно тогда мы и сдружились. Мы провели неделю в бунгало отчима Гарри, и это очень помогло. Но настоящее общение началось с первого турне. Все эти годы нас возит один и тот же водитель, ливерпулец по имени Дон, и в первом туре он тоже был с нами. Да и многие другие из команды не покидают нас с тех самых дней.

Нашим первым самостоятельным концертом стало выступление в «Колизее» Уотфорда. Размером площадка была со спальню. Скромненько. Но толпа просто безумствовала, вы не поверите. Я очень хорошо помню этот концерт, помню, как сказал тогда ребятам: «Нет, вы только посмотрите, фанаты буквально с ума сходят!» И вот мы разъезжали вместе, выступали, спали в автобусе, проводили вместе все время. Нам всем было по семнадцать-восемнадцать, и я сказал им: «Парни, это же лучшее время в нашей жизни!» Так ведь и было!

Мы очень быстро стали знаменитыми. Когда мы начали играть на разогреве, то удивлялись, что нас знают в Великобритании, а потом еще больше изумились, когда поняли, что и в Европе мы популярны. А потом совсем странно: поехали в Штаты (просто пятеро парней, которые хотели повеселиться и хорошо провести время!), и тут-то нас и настигла мировая слава!

По правде, мы многого от этой поездки не ждали. Да, мы знали, что надо побывать в Америке, что это важно для группы, но не думали, что нас ждет там успех. Да и с чего бы нам так считать? Постоянно ведь слышишь истории о группах, которые едут завоевывать Штаты и возвращаются ни с чем. А мы решили, что просто прокатимся, развлечемся, просто будем собой. Выложимся на полную и посмотрим, куда нас это приведет…

Тогда у нас был только один охранник, тот самый Пол, и он везде ходил с нами. И вот мы отправились в путь, ничего не ожидая. Пятеро мальчуганов и Пол в маленьком автобусе.

Не скажу наверняка, когда именно понял в том американском турне, что происходит что-то невероятное. Тур с Big Time Rush в первую очередь удивил нас тем, что американские поклонники хором пели слова всех наших песен. Часто после концертов мы с ошарашенным видом садились в свой автобус, и потом кто-нибудь говорил: «Что, черт возьми, вообще происходит?» А я все думал про себя: я мог бы сейчас учиться в школе, а вот раскатываю по Штатам с концертами.

Следующим волшебным открытием стало появление «What Makes You Beautiful» в американской тридцатке лучших песен. Круто было узнать, что наш первый альбом выпустили на неделю раньше, потому что его сильно ждали. Но когда тысячи фанатов пришли поддержать нас перед нашим появлением на Today — это был совсем новый опыт. Это страшно популярная передача, но мы-то этого не знали, мы не американцы. Позже мы узнали, что кое-кто из поклонников простоял целую ночь на морозе.

Увидеть такое множество людей на улицах Нью-Йорка было просто невероятно. Не могу даже описать. Одно из моих первых детских воспоминаний: мы приехали сюда на каникулы навестить тетю. Нью-Йорк для меня — особое место. Представьте наш восторг, когда мы узнали, сколько людей, невзирая на все трудности, пришли посмотреть на нас. Десять тысяч! С той минуты нас покинули все мысли о том, что нам сложно будет получить признание в Штатах. Весь тот год дальше промелькнул, как в тумане: тур здесь, телепередача там, радиоэфир тут, одно выступление, другое — и везде сходящие с ума поклонники.

Честно вам скажу: как ни странно, самое нервное для меня — это появляться на телевидении. Я так нервничаю, что меня выворачивает наизнанку. Я не вру, иногда мне физически становится плохо. Даже теперь, когда мы пережили столько телеэфиров, мне ничуть не легче. Казалось бы, путь наш начался именно на телешоу, так что мы уж должны были привыкнуть. Но нет, каждый раз волнуюсь, как в первый! Каменею от ужаса с

первой секунды в гримерке, и это ощущение не проходит до самого нашего выхода на площадку. Не знаю, почему так происходит, и, по правде говоря, со временем становится только хуже. Я волнуюсь до такой степени, что превращаюсь в один комок нервов. Когда узнаю, что надо будет прийти на очередную передачу, сразу начинается мандраж, и все заново, и с каждым разом все сильнее. Может, я воспринимаю это как что-то очень личное? Мне не нравится петь перед маленькими аудиториями. Даже и не вздумайте просить меня выступить перед друзьями на вечеринке! Пятидесятитысячная толпа — другое дело. Тут я буду петь от души, свободно и спокойно, как птица. Понять это сложно, но так уж я чувствую.

Даже в 2013-м, когда мы должны были спеть на церемонии American Music Awards, я страшно разволновался, хотя вообще-то любил песню, которую предстояло сыграть.

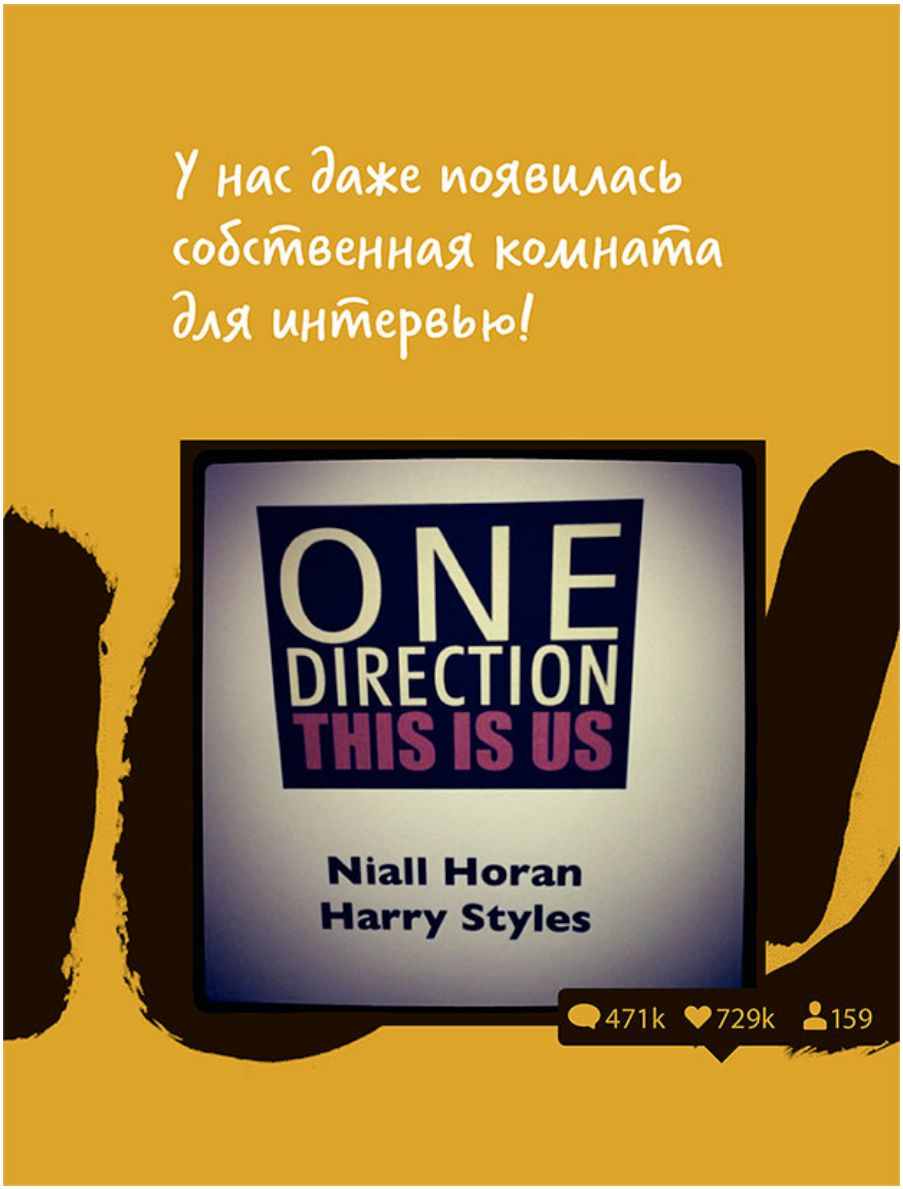
Наверно, масла в огонь подлили еще и громкие имена других выступавших. Прямо перед нашим выступлением со сцены спустился Джастин Тимберлейк. Помню, как посмотрел на него и сказал парням: «Что, тут все такие шишки?» Из-за сцены я оглядел толпу и приметил Леди Гагу в первом ряду, Джастина неподалеку от нее и еще в нескольких рядах — Кэти Перри. Бред какой-то! И это только в зале, а вспомните обо всех миллионах людей, которые будут смотреть шоу по телевизору! И я такой: «Блин».

И как назло, Джастин Тимберлейк подошел к нам поздороваться. К тому времени я уже наложил в штаны кирпичей, думал только о том, как бы меня не стошнило от нервов. Я предупредил ребят, что меня может вырвать, но все обошлось. Мы

нормально выступили, но сил после этого у меня не осталось никаких.

А потом наш альбом занял первое место в Штатах. Никогда не забуду минуты, когда узнал об этом. Мы тогда были в Нью-Йорке, занимались продвижением группы. Обили пороги всех радиостанций, всех телешоу, побывали на всех приемах, везде, куда могли добраться. Мы с другом сидели в такси, ехали в офис Sony за билетами на игру «Нью-Йорк Никс», и тут мне позвонил наш менеджер Уилл. Шутливым тоном он объявил, что у него есть для меня новости. А потом сказал: «Нет, ну могло быть и лучше, конечно…» — и я такой: «Блин, хреново!» А он: «Вы стали первыми!» Мы с другом чуть не поубивали друг друга от восторга, и водитель такси выгнал нас, потому что не понимал, что за ерунда вообще с нами происходит.

После того как мы заняли первую строчку, стало ясно: то, что мы считали бешеным успехом, было детскими играми в сравнении с тем, что ждало нас впереди. Чем больше у нас дел, тем мне лучше. Богом клянусь.



Усидчивости у меня ни на грош, я самый суетливый человек в мире. За десять секунд, что я сижу перед этим текстом, я уже десять раз успел поиграть в телефон, сам того не замечая. Мне нравится, что у нас такая суматошная жизнь, что мы вечно носимся туда-сюда.

А потом был большой тур с первым альбомом. Иногда в Америке мы выступали в скромных театрах, но однажды мы приехали, а там навес на восемь тысяч мест и сзади еще участок газона. Мы спросили, для чего он нужен, и нам ответили, что в ту зону продаются билеты в день концерта. И что мы можем ждать

еще около двадцати пяти тысяч человек.

Примерно тогда же мы познакомились с Мишель Обамой. Изумительная женщина. И дочки у нее очаровательные, болтали с нами и время от времени говорили что-то вроде «А вот папа считает…» или «А папа сделал то-то». Совсем как обычные дети! Мне приходилось напоминать себе, что они дочери президента. Такие скромные люди. Они со всеми найдут общий язык и воспитаны отлично. Достаточно познакомиться с их матерью, чтобы это понять: Мишель просто удивительный человек, чудесная женщина. С самим президентом мы еще не виделись, но он время от времени благодарит нас за билеты для дочерей, все такое. Я большой фанат Обамы, у меня даже стоит его статуя на заднем дворе.

Турне с дебютным альбомом длилось целую вечность: нам добавляли и добавляли новые концерты. Да, мы сильно вымотались. В итоге мы дали шестьдесят выступлений, это было просто неизбежно. Но какой успех! С ума сойти.

В поездках приходится напоминать себе, что мы тут все в одной лодке. Мы говорили себе: «Да, мы не можем поехать домой, но этого не может ни наш звукорежиссер, ни наш тур-менеджер, ни охрана, ни администраторы, команда…» Так мы стараемся смотреть на процесс: это наше общее дело. Нам выдалась возможность съездить на другой континент и доказать, что наши рекордные продажи — это не просто дань моде. Что у нас есть продуманное шоу в поддержку альбома. Нам всегда хочется

выложиться, оправдать интерес прессы и публики.

Пока это все происходило, мы уже начали записывать кое-что для второго альбома. Лично я чувствовал, что на меня давит ответственность. До первой пластинки такого не было… ну ладно, разве что немного. Но люди нас еще не знали. Я ощущал, что терять нам нечего. Но когда наш альбом взлетел на самый верх, стало необходимо держать марку, становиться лучше. Атмосфера изменилась — теперь от нас ждали многого. Мы были сильно заняты, надо было выкраивать время для записи, для творчества. Но мы же были в дороге, и со свободным временем был дефицит. Мы много обсуждали это вместе, пытались понять, когда же нам работать над пластинкой: «А где мы будем ее записывать? Может, начнем завтра в гостинице? Больше времени у нас не будет еще долго…» Вот так все и происходило.

В 2012-м случилось столько всего удивительного, что я и не знаю, о чем вспоминать. Разумеется, церемония закрытия Олимпийских игр стала для нас огромным событием. Мы чуть с ума не сошли, думая — и стараясь не думать! — сколько миллиардов людей увидят наше выступление. Но само событие промелькнуло, словно за секунду. Помню, как прошел за сцену и сказал парням из группы: «Ребята! В гримерке рядом с нами какой-то треш происходит». Ох, какие же они восхитительные. Простые ребята из северной части Лондона, которые смеялись до упаду. Великолепные люди! Там были Эд Ширан и Лиам Галлахер, и мы вместе повеселились.

«What Makes You Beautiful» пришлось сильно урезать, чтобы уложить в один куплет. Выступление поэтому получилось очень коротким. Пока мы пели, я видел только вспышки камер, а потом внезапно все закончилось, и вот мы уже опять за сценой, растерянно оглядываемся друг на друга. Я спросил у ребят: «Что это вообще сейчас было?» Только потом, когда мы просмотрели свое выступление в записи, до нас дошло, какое знаковое событие с нами случилось.

Когда ваш альбом занимает первое место в тридцать одной стране, это просто ошарашивает. Когда «Up All Night» прогремел по всему миру, это уже было сложно понять, но потом наша вторая пластинка, «Take Me Home», вырвалась на самую вершину. Мы чуть с ума не сошли от счастья. К такому никогда не привыкнуть. Я был в полном восторге. Получалось, что вся наша тяжелая работа приносила свои плоды.

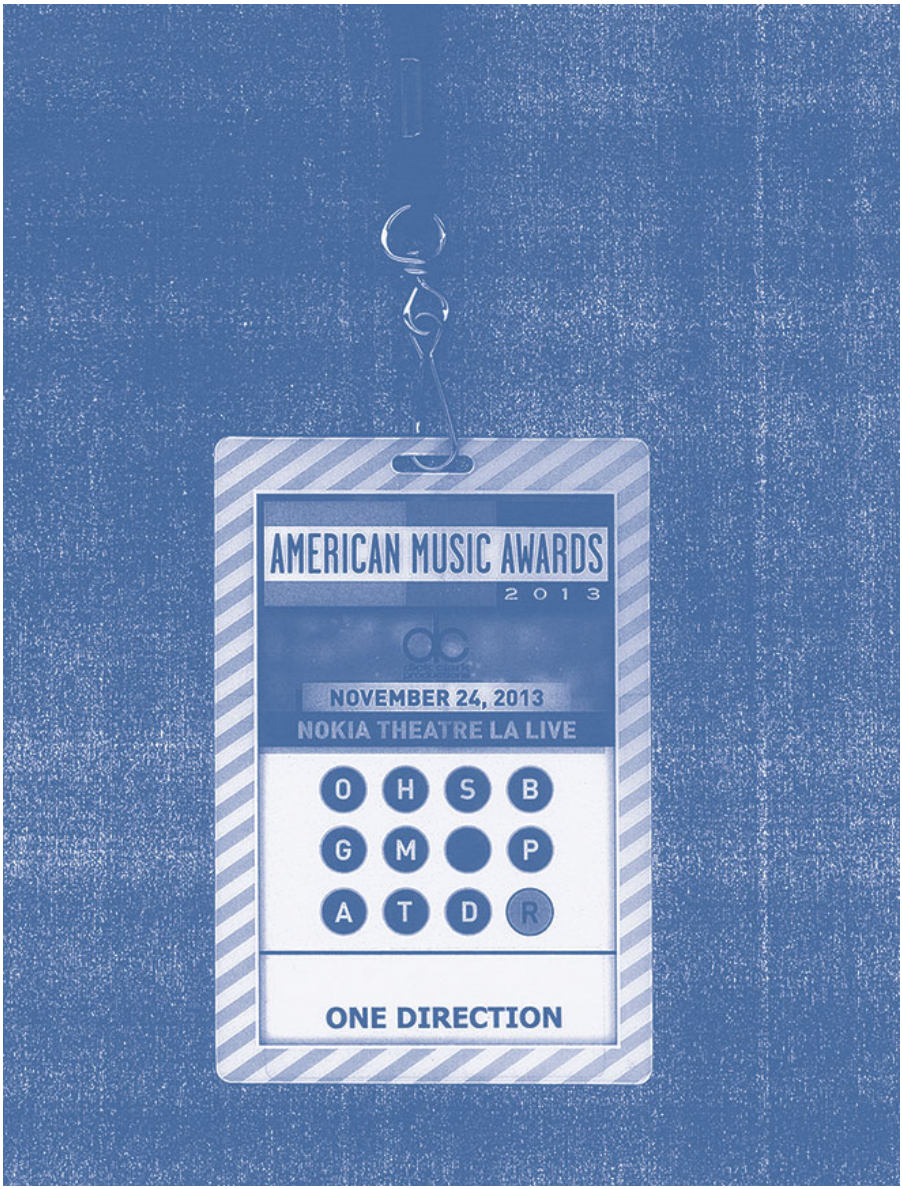
Я уже упоминал концерт в Мэдисон-сквер-гарден. Это ужасно важная веха в истории One Direction. Для этого шоу построили новую сцену. Для этого выступления мы бешено репетировали в Англии, а потом прокатывали программу на площадках

масштабом поменьше. Мы тогда были еще юны и наивны, и нам сложно было понять, как важен такой концерт (тем более, мы не из Америки родом). Честно признаю, что ничего такого особенного про это выступление не думал, но, когда вышел на сцену, осознание стукнуло меня по голове. Это просто чувствуется. Ходишь по какому-нибудь месту и кожей ощущаешь историю. Мы разнервничались, нас чуть припадок не хватил от волнения. Смотришь на все эти фотки Мохаммеда Али, Элвиса, Синатры… Если вы видели съемки с нашего выступления, то могли заметить, что мы грызем ногти. Внутри у нас все переворачивалось. Мы просто обязаны были сыграть на высшем уровне. Ради себя, ради своих фанатов, ради уважения к этому удивительному месту и его истории. И что это был за вечер!

Концерт в Мэдисон-сквер-гарден стал одним из самых ярких воспоминаний в жизни. С ним может сравниться лишь поездка в Гану с благотворительной акцией «Разрядка смехом» в феврале 2013-го. Если после такого путешествия вы в состоянии считать себя звездой и вести гламурный образ жизни, то с вами что-то не так. Контраст оказался разительным: вот мы выступаем в Мэдисон-сквер, и тысячи людей разражаются воплями восторга, завидев нас. А вот мы в Гане, где нас не знает ни одна живая душа.

Мы приехали в трущобы, и тут же со всех сторон нас обступила невыносимая вонь нищеты. Повсюду была грязь. Думаю, это самое отвратительное место из всех, что я видел. И все же люди там счастливы. Для меня это стало огромным культурным шоком. Даже вернувшись в гостиницу и помывшись, мы все равно чувствовали себя паршивенько. Но тамошние люди! Они просто невероятные! Вызывают такое восхищение, что хочется горы ради них свернуть.

Сингл «One way or another», который мы записали для «Разрядки смехом», занял первые строчки сразу в нескольких странах и собрал более миллиона фунтов, которые пошли на благотворительность. Надеюсь, эти деньги помогут изменить ситуацию к лучшему.



И в том же месяце мы начали совершенно другой проект: отправились в мировое турне со вторым альбомом, «Take Me Home». В итоге путешествие растянулось на сто тридцать концертов. Звучит, наверно, странновато, но в этой поездке мы смогли хорошо расслабиться. На сей раз мы часто выступали на аренах, а это значило, что рано приезжать было не нужно. У нас появилось время днем, чтобы развлечься, выспаться, немного отдохнуть. И это было прекрасно! Как человек, который любит вздремнуть, я был особенно рад. Я много времени трачу на сон. «Найл, просыпайся!» — эту фразу я то и дело слышу в поездках.

Вот что такое настоящее турне, думал я. Мы немного меньше времени тратили на рекламу и немного больше — на запись альбома. Обкладывали матрасами стены номера в гостинице, затыкали щели подушками, чтобы сделать комнату звуконепроницаемой. Работали на одном ноутбуке с парой наушников и микрофоном — совсем примитивное оборудование, но, если знать, как с ним управляться, дает неплохие результаты. А еще в поездках просыпается особый дух, который можно перенести в песни. Ездите вместе с группой повсюду, и это слышно в композициях, что вы записываете в пути.

Мы писали и писали, каждую свободную минуту. Мы столько времени провели в дороге, что, кажется, только одна песня с нашего третьего альбома была сделана в студии. Мы записывались не каждый день, может, раз или два в неделю. Мне бы хотелось сыграть больше гитарных партий, но это не всегда получалось. Иногда такой напряженный график плохо сказывался на наших связках. Встаешь рано с утра после концерта, идешь в местную студию или — что случалось еще чаще — устраиваешь переносную студию звукозаписи в гостинице, записываешься часов пять, потом едешь на концертную площадку проверять звук, выступаешь, едешь спать, а с утра все сначала. Нужно еще следить за тем, что ешь или пьешь, не объедаться фастфудом и не напиваться. Было непросто, но мы очень старались как следует вложиться в этот альбом.

Самым безумным событием для меня было выступление на одной площадке, где на следующий день давали концерт The Eagles. И я с ними познакомился! Я их огромный поклонник. Никто не превзойдет их в мелодичности; я заслушиваю их пластинки до дыр. Очень многое почерпнул от них о композиции. Как я уже говорил, мой папа очень любит The Eagles, и я дважды побывал на их концерте еще до того, как мне исполнилось десять. Тем вечером в Штатах мы отлично поболтали за сценой, но я все равно был как громом поражен. Такие звезды! Господи Боже мой, это же сами The Eagles!

Само понятие «знаменитость» кажется мне странным. Да, когда по работе я встречаю некоторых людей, они поражают меня. С одной стороны, я и правда искренне восхищаюсь ими, но, когда мне говорят, что кто-то испытывает то же самое ко мне, это кажется мне полным абсурдом.

Помню случай, когда впервые услышал The Script. Мне ужасно нравился их сингл «The Man Who Can't Be Moved», и я часто исполнял эту песню на разных шоу талантов в Ирландии. Я почему-то думал, что сами они из Штатов, но потом узнал, что они мои соотечественники, и все понеслось по новой! И вот

настал 2014 год, и я сижу в одной студии с The Script, мы вместе записываем песню. Как в это поверить? То же самое с Pearl Jam: я большой поклонник этой группы.

В 2013 году мы выступали в Сиэтле, и тут их солист Эдди Веддер приводит на концерт своих детей. А гитарист Майк Маккриди подходит ко мне и спрашивает: «Эй, Найл, можно с тобой сфотографироваться?» Так просто не бывает. Это же Pearl Jam! Я прошел на сцену: Эдди Веддер стоит в одном из первых рядов, наблюдает. В тот вечер я играл для него и не думаю, что когда-либо выступал лучше. А вы говорите про нервы!

Конечно, мне нравится эта часть моей работы, но я правда не понимаю, как другие люди могут испытывать то же самое по отношению ко мне. Просто в голове не укладывается. Когда я восстанавливался после травмы колена (о чем чуть позже!), то меня направили к команде докторов футбольного клуба «Челси». Мы очень подружились с игроками. Клевые, разумные ребята! Правда, пара из них вели себя как-то подозрительно тихо, и я решил, что они не настроены общаться. Я переживал, не сказал ли ненароком чего-нибудь обидного, и думал про себя: «Что случилось? Может, что-то не так?» В конце концов один из тренеров признался: «У одного из них двое детей, которые просто обожают One Direction. Он несколько онемел от восторга, Найл». Мне кажется, что я аж выругался, услышав такое. Нет, ну правда! Что это за безумие такое!

Когда мы выступали в штате Вашингтон, к нам в гримерку зашла одна из самых великих звезд на свете — Ронни Вуд. Потом он посетил премьеру нашего фильма. «Ну как дела, ребята? Все хорошо? Очень интересно будет посмотреть, что вы наснимали». Он же совсем из другой лиги. Обычно самые знаменитые люди оказываются самыми дружелюбными. Джей-Зи, Уилл Смит… Он совершенно невероятный, помнит всех, кого встречал, и никакого высокомерия. Джонни Депп однажды пригласил нас к себе на барбекю. А уж его-то иначе как звездой и не назовешь.

Я никогда не стану называть себя знаменитостью. Знаменитость — это тот, кто хочет славы, кто старается всюду показаться, кого на каждом шагу щелкают папарацци. Можно держаться от фотографов подальше; я так и делаю последние четыре года. Либо вы хотите, чтобы вас преследовали люди с фотокамерами, либо нет. Я же делаю свою работу, возвращаюсь домой и сижу там. Изредка выбираюсь куда-нибудь на выходные, но вообще предпочитаю оставаться дома. Могу сходить в паб, пропустить пару стаканов пива и посмотреть матч, то же самое я делал во время учебы в колледже. Разумеется, в группе мы заработали уйму денег, это большая удача. Но я не считаю, что

из-за этого мы сами должны измениться. Не могу сказать, что я самый гламурный человек в мире. Да, у меня есть машина и неплохой дом, но вкусы мои крайне просты. Особого ухода не требую. Я не из тех, кто разбрасывается деньгами и строит из себя посмешище. Да и то сказать: если бы моя работа приносила мне меньший доход, я бы все равно ее делал.

Даже если мне говорят, что я знаменитость, я отвечаю, что в таком случае я худшая знаменитость в мире. Дерьмовая знаменитость. У меня нет никаких прославленных друзей, я не провожу время на тусовках. Выйти в свет для меня — это пойти в супермаркет. Если бы я захотел, мог бы пропадать в клубах сутками и благодаря своему статусу ходить туда бесплатно и пить за чужой счет. Но лучше я сам заплачу за свое пиво и посмотрю спортивный телеканал. Если кто хочет вести светский образ жизни, то я им не запрещаю. Каждому свое. Но такая жизнь точно не для меня.

Я расскажу вам историю, которая хорошо описывает наше отношение к звездному статусу. Мы были на церемонии VMA. Перед нами сидела Рианна. Я сказал: «Луи, посмотри, да это же Рианна!» Я был весьма впечатлен, и в итоге мы немного с ней поболтали. Не поймите меня неверно, мы не то чтобы сразу стали лучшими друзьями. С такими людьми не видишься каждый день, и о дружбе тут речи и не идет, но раз уж встретились на церемонии, не грех и поговорить.

Некоторые награды мне нравятся больше, некоторые меньше. Самые лучшие — это те, которые вручаются по голосованию фанатов. У нас лучшие в мире поклонники, голосуют как не в себя. Особенно странно бывает победить в какой-нибудь номинации крупную звезду. С ума сойти можно.

Ну, возвращаюсь к рассказу. На той церемонии мы впятером

веселились от души, может, даже перебрали немного с алкоголем. Вокруг нас ходили люди в роскошных вечерних платьях и крутых костюмах, разряженные, как и подобает. Что было надето на нас самих, я даже и не вспомню сейчас. Но помню, как мы сидели, пытаясь проглотить огромные хот-доги с горой лука и тонной горчицы. Боялись измазаться в соусе. Джастин Тимберлейк творит чудеса на сцене, толпа беснуется, зал забит звездами, от которых глаза слепит… А мы жуем эти несчастные хот-доги и ржем. Я заметил, что Луи хихикает, а потом он наклонился ко мне и сказал: «Найл, знаешь, а ведь мы самые отстойные знаменитости в мире».

Нам не терпелось поскорее выпустить третий альбом, ведь мы написали к нему столько песен. Но до этого нас ждало еще одно событие — премьера нашего фильма «Это мы»! Как же мы веселились! Съемочная группа всюду ходила за нами во время тура со вторым альбомом, начиная с тех самых выступлений в O2. Странно было жить под прицелами кинокамер, но, как я уже говорил, и сама наша группа «родилась» на телевидении, поэтому мы быстро привыкли. Во всяком случае, присутствие собственной съемочной команды быстро перестало нас смущать. Они не особо мешают, просто ходят себе и ходят…

Нам очень нравилась затея с фильмом. У Джастина Бибера уже вышло свое кино, и у Кэти Перри тоже. Конечно, тут вспоминаются еще и Spice Girls… Да, нам это казалось отличной идеей! Мы старались вести себя естественно и говорить то, что думаем, поэтому фильм вполне правдиво отражает жизнь в One Direction.

Премьера получилась невероятной. Наверно, я могу даже сказать, что это был лучший день в моей карьере. Конечно, тур по Австралии тоже был ничего. И шоу в Вероне, на которое пришли тысячи человек, тоже… Разумеется, наше появление на передаче Today. И концерт в Мэдисон-сквер-гарден. Да, с памятными моментами нам повезло, но день премьеры все равно стал одним из самых лучших.

Для начала, я никогда не видел такой огромной толпы на Лестер-сквер. Мы бывали там на кое-каких премьерах: «Гарри Поттер», «Хроники Нарнии», так что подозревали, что нас ждет. Но о таких цифрах я не мог и мечтать. Мы стоим на этой платформе, и толпа под нами просто потрясает. И я такой: «Боже мой, глазам своим не верю!» Это был один из тех разов, когда мы стояли, сбившись в кучку на красном ковре, и переглядывались. «Ребят, что за чертовщина тут происходит?»

Мы зашли в кинотеатр, где нас встретили Саймон Коуэлл, Бен Уинстон, Морган Сперлок и представители компании Sony.

Мы поблагодарили их. Там наверху была комната с балконом, и мы поднялись туда вместе с Саймоном. Он закурил, стоя в углу, а мы наблюдали за толпой, потягивая пиво. Сами не заметили, как мы с Луи напились! А потом пришел Ронни Вуд. Ронни Вуд на премьере нашего фильма, ну и дела!

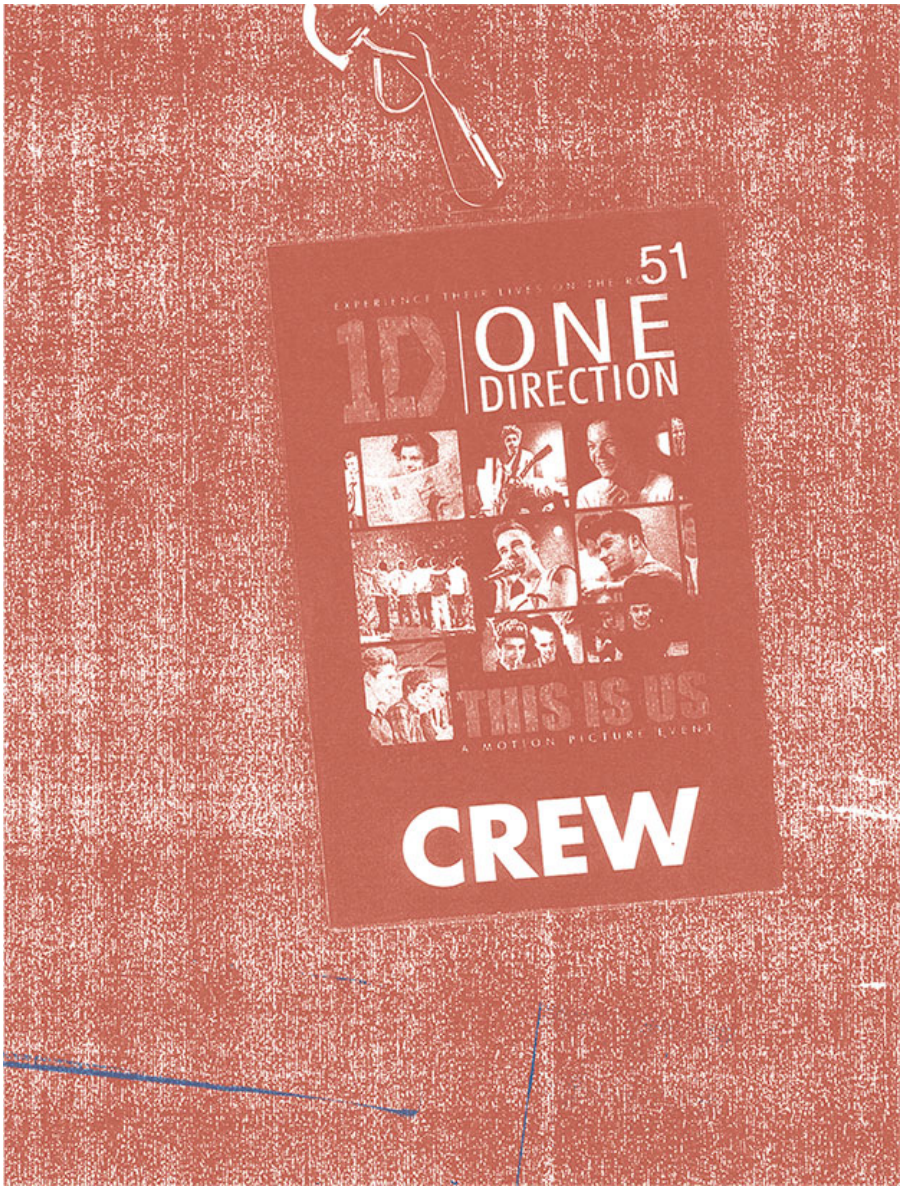
В итоге мы с Луи сели на задние ряды вместе со своими семьями. Жена Бена Уинстона весело сказала, что не слышала ни слова из фильма: мы с Луи безобразничали, как пятилетки, кидались конфетами, ржали, увидев друг друга на экране. Будто в школу вернулись! Смеюсь я заразительно, так что когда начинал хихикать, то весь класс покатывался со мной вместе, и поэтому по большей части мне приходилось хмыкать в кулак и ловить на себе неодобрительные взгляды.

Но шутки шутками, а событие и впрямь было важное. Тогда я впервые смог сказать: «Эй, ребят, слышите, а ведь мы прославились! Прикольно». Премьера нашего фильма на Лестер-сквер, красная ковровая дорожка с нашими именами, огромные экраны со всех сторон, диджеи, всякие знаменитости, которые пришли нас поздравить… Я кайфовал от каждой секунды.

Рекламная акция в поддержку третьего альбома и «День One Direction» стала просто бомбой. Сделать собственное телешоу было офигенно, но и потрудились мы немало: семь часов вещать в прямом эфире! Наша команда предложила нам уйму блестящих идей и подготовила список почетных гостей, начиная от космонавтов и заканчивая Робби Уильямсом и Дэвидом Бекхэмом — дело нашлось для всех. Как и подобает One Direction, мы крупно облажались. Передача прошла кое-как. Мы забывали смотреть в камеру, путали строчки, придумывали что-то на ходу. Смех, да и только! Правда, людям, кажется, все равно понравилось.

К тому времени нам уже не терпелось выпустить в свет новый альбом и дать его послушать нашим поклонникам. Луи с Лиамом написали больше двадцати песен для этой пластинки, просто из чистого энтузиазма.

Странно было жить под прицелами кинокамер, но, как я уже говорил, и сама наша группа «родилась» на телевидении, поэтому мы быстро привыкли. Во всяком случае, присутствие собственной съемочной команды быстро перестало нас смущать. Они не особо мешают, просто ходят себе и ходят...



Помогло здесь то, что у нас уже сформировалась команда авторов, которые нам очень нравились, и мы все отлично друг друга понимали.

Нам с самого начала хотелось самим писать песни для альбомов, но приходилось ждать подходящего времени. От наших продюсеров и композиторов первых двух альбомов мы многому научились, и мне хочется думать, что и у нас самих получилось неплохо. От нас ждали многого: успех первых пластинок задал высокий стандарт. Наверно, это и хорошо: побуждает двигаться вперед и помогает обрести цель.

Естественно, выход каждого нового альбома заставляет нас поволноваться. Мы же не знаем, как его примет публика. Я всегда говорю ребятам: «Все, что мы можем сделать, — это выложиться по полной, а потом остается только ждать». Чем ближе дата выхода, тем больше мы нервничаем. Проработав над этими песнями несколько месяцев, мы хотим, чтобы их уже услышали наши фанаты и сказали, что они об этом всем думают.

По счастью, новая пластинка, «Midnight Memories», им понравилась. Продажи были просто ошеломительные, и мы покорили множество чартов. Мне-то казалось, что успех «Up All Night» был невероятным, но как же я ошибался! Для нас этот новый альбом много значил: каждый из нас постарался оставить свой след в песнях, проявить свою личность, отразить свою жизнь… Поэтому увидеть, что результат понравился людям по всему миру, стало для нас крайне важным опытом. Мы были на седьмом небе от счастья.

Накануне Рождества 2013-м случилось нечто, что могло бы затормозить наш прогресс: я серьезно повредил колено. Летом, когда мы снимались в X-Factor, я как-то гонял с приятелями в футбол. Поставил ногу на мяч, чтобы подкатить его к себе, и тут почувствовал, будто кто-то пнул меня под колено. Я полетел вверх тормашками. Приземлившись, я обнаружил, что у меня как-то странно висит коленная чашечка. Я пошел к врачу, и мне сказали, что это называется блокада коленного сустава. После того случая такое стало повторяться.

Например, шел я как-то раз по Оксфорд-стрит и повернулся, чтобы обойти человека, что шел мне навстречу. Опять раздался щелчок. Было так больно, что я буквально рухнул на тротуар и стал кататься по земле. Еще как-то раз я играл в гольф, и меня словно током ударило. В общей сложности такое происходило раз восемь. И вот я вывихнул колено на сцене, когда мы с Луи дурачились и пытались танцевать брейк-данс. Ребята хотели помочь мне встать, но я и с места сдвинуться не мог! Я весь побелел, и колено мое торчало совсем не там, где ему полагалось.

Я стал носить поддерживающий бандаж, но без толку. Стало ясно, что с этим надо что-то делать, ведь теперь проблема сказывалась и на моей эстрадной жизни. Мне сделали МРТ, и я направился к парню по имени Ричард Стедмен, доктору из Штатов. Он посмотрел на мою ногу и сказал: «У тебя колено как у тридцатипятилетнего футболиста! Можно даже не смотреть на снимки, мне уже ясно, что нужна операция. И срочно!» Оказалось, что чашечка у меня расположена неправильно и мне действительно нужна медицинская помощь.

Я немного отдохнул на рождественских праздниках и

четвертого января полетел в Штаты на операцию, которая должна была состояться через два дня. Хирург сотворил чудо: мое колено теперь на месте и, судя по всему, навеки. Но, конечно, мне пришлось поработать над укреплением мышц. Когда я вернулся, мне опять улыбнулась удача: предложили пройти реабилитацию в Суррее, на тренировочной базе «Челси». Дочь Моуриньо, тренера команды, оказалась большой поклонницей One Direction, она даже ходила на премьеру нашего фильма. И вот я получаю СМС от Жозе: «Я слышал про твое колено. Ты хороший пацан, приезжай сюда, никаких проблем. Пользуйся оборудованием, общайся с докторами и физиотерапевтами. Только выздоравливай!»

И я стал просыпаться в четверть седьмого, два часа проводил в пробках на М25 и прибывал на тренировочную базу «Челси». Раньше меня и в полдень было не поднять, но теперь мне важно было прийти в форму до начала турне. Поначалу я думал, что буду заниматься где-нибудь в уголке, но день шел за днем, и я тренировался с командой. Когда я приходил утром, то меня дожидался собственный шкафчик в раздевалке и мешок с вещами (на мешке даже были мои инициалы!). Физиотерапевт Стив Хьюз присматривал за мной в эти семь недель, которые я провел на костылях: сгибал и разгибал мне ногу, учил заново ходить. Я

занимался в утяжеляющем костюме, упражнялся на беговой дорожке в бассейне, пользовался всеми этими высокотехнологичными примочками. Короче, смысл в том, что без помощи Челси я бы ни за что не отыграл турне в такой хорошей физической форме.

Каждый раз, когда я видел Жозе, меня охватывала почтительная робость. Просто находиться с ним — уже незабываемый опыт. Он такой преуспевающий человек, и при этом помнит имена всех, кто находится на площадке.

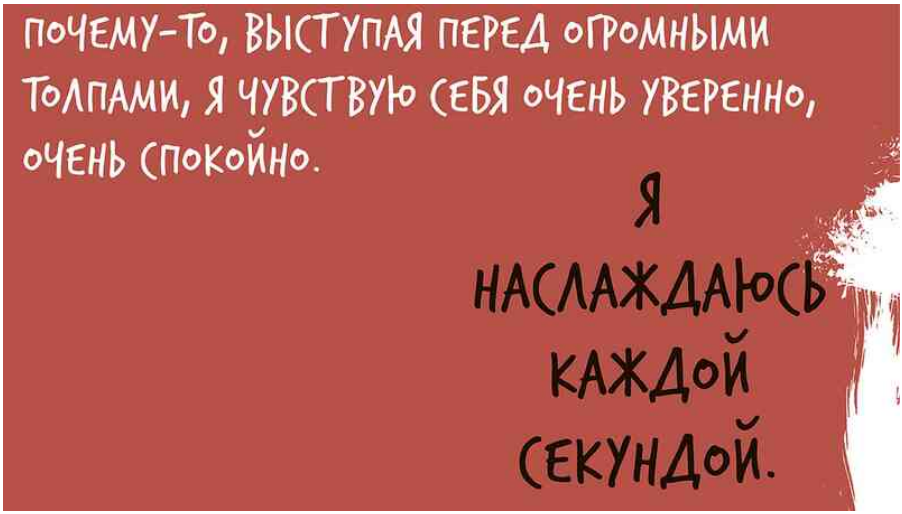
Помнит, что они сделали для клуба. Однажды он попросил меня: «Найл, а не мог бы ты принести что-нибудь со своим автографом для моей дочери?» И вот я принес духи, футболку, еще какие-то мелочи. Час спустя, когда я уходил с поля, он побежал за мной следом и вручил фирменную сумку «Челси». Внутри были его вещи: футболка и бутсы. Он подписал их для меня. Не человек, а живая легенда.

Как я уже говорил, турне 2013-го было совершенно невероятным. Мы еще не отошли от него, когда нам сообщили, что в следующий раз мы, возможно, будем выступать на стадионах. Мы сразу всполошились: «Нам не продать столько билетов! Забудьте!» От театра до арены — огромный путь. Многие группы, поторопившись и совершив этот шаг слишком рано, дорого поплатились впоследствии. Пройти этот путь еще дальше, от арены (скажем, на двадцать тысяч человек) до стадиона (восемьдесят пять тысяч), — это всегда огромный риск. Не поймите меня неправильно. Мы уверены в том, что нас ждет успех, и усердно для этого трудимся, но все же, услышав впервые разговоры о стадионах, мы встревожились. Мы думали: «На свете полно звезд покрупнее нас, и все же они не собирают стадионы. С чего нам считать, что у нас получится?»

Объявили о новой идее мы тоже в своей привычно ненормальной манере. Мы тогда работали в Европе и вечером полетели в Англию. На следующее утро отправились на «Уэмбли», где дали пресс-конференцию касательно своих планов. Затем, насколько я помню, вернулись в Европу на

вечерний концерт! Кстати, надо бы мне проверить, сколько у меня накопилось бонусных миль. Думаю, изрядно.

Когда настал первый день продажи билетов, мы все были как на иголках. Конечно, у нас много поклонников, и мы надеялись, что наше турне окажется популярным.


ПОЧЕМУ-ТО, ВЫСТУПАЯ ПЕРЕД ОГРОМНЫМИ ТОЛПАМИ, Я ЧУВСТВУЮ СЕБЯ ОЧЕНЬ УВЕРЕННО, ОЧЕНЬ СПОКОЙНО.
Я НАСЛАЖДАЮСЬ КАЖДОЙ СЕКУНДОЙ.

Но стадионы — это серьезное испытание. Если какой-нибудь группе удается продать все билеты на площадку в тридцать пять тысяч мест, это считается поводом для гордости. Однако для концерта на стадионе «Уэмбли» такое количество зрителей можно назвать провалом.

Можете представить, как мы обрадовались, когда узнали, что дела у нас идут хорошо! Сначала нам рассказали, что билеты на Уэмбли были распроданы с рекордной скоростью, потом — что нам организовали повторный концерт на том же стадионе… потом — еще один. То же самое с площадкой Кроук-Парк в Дублине. Я частенько бывал там на концертах и матчах, а теперь нам предстояло выступить там несколько раз, потому что желающих было слишком много. Какое прекрасное ощущение. Нет, ну не везунчики ли мы?

Первая пара недель в любом турне проходит в попытках привыкнуть к сцене, декорациям, ко всему представлению целиком. Мы репетируем до седьмого пота, но полностью подготовиться просто невозможно, пока не выйдешь навстречу зрителям и не отыграешь концерт. Но о веселье тоже забывать не стоит: мы импровизируем, дурачимся, меняем песни местами, выбрасываем из шоу то, что нам не нравится. Когда проводишь много времени в дороге, обкатывая одно и то же представление, бывает полезно тасовать песни в разном порядке и по-разному обыгрывать формат. Такой подход позволяет нам не терять энтузиазм и энергию, и, конечно, фанаты это чувствуют. А ведь, в конце концов, это и есть самое важное.

Мне повезло, что я не волнуюсь перед выходом на сцену (только когда появляюсь на телевидении). Почему-то, выступая перед огромными толпами, я чувствую себя очень уверенно, очень

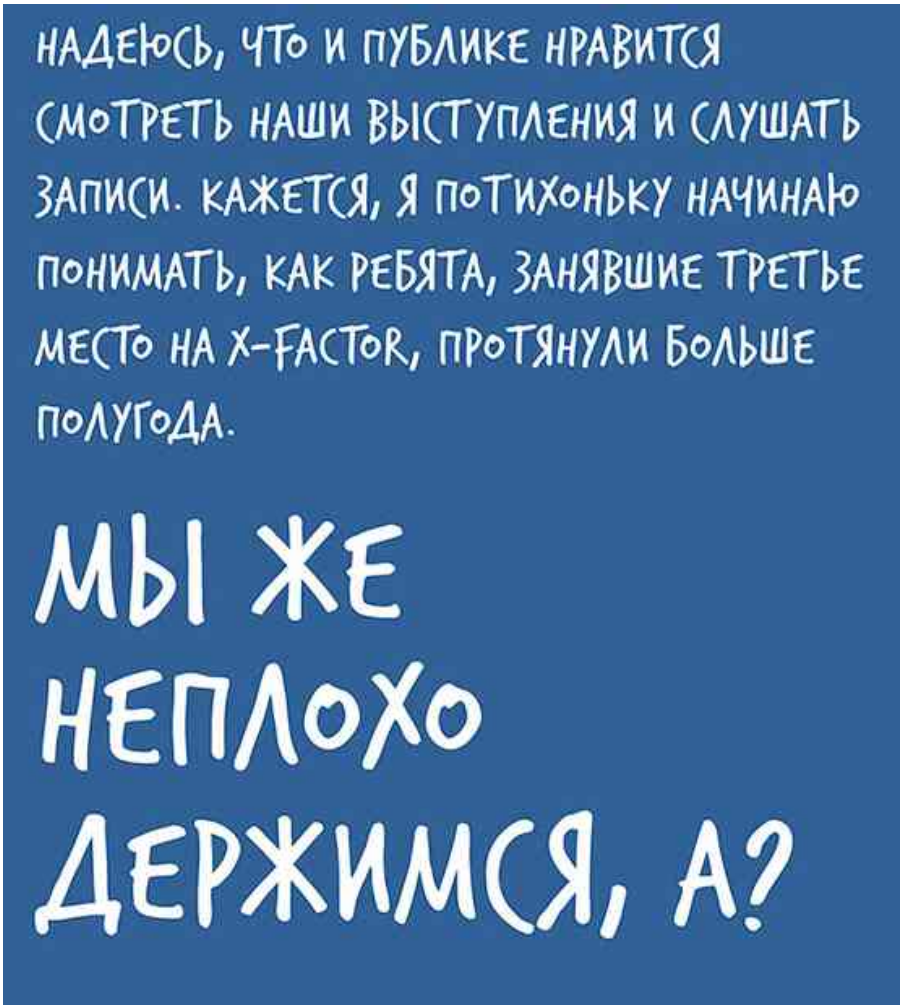
спокойно. Я наслаждаюсь каждой секундой. Нам нравится взаимодействовать с аудиторией, вовлекать ее в шоу. Как только мы выучиваем программу, каждый вечер становится настоящим приключением, и тем более волнующим, что у нас невероятные поклонники. Они заставляют нас проявлять то лучшее, что в нас есть.

Никто не возвращался с шоу One Direction с ощущением, что было как-то слишком тихо. Мы всегда шумим на всю катушку, наши концерты — самые громкие в мире. Мы даже измерили уровень шума на арене, и оказалось, что он составляет 145 децибел. Примерно столько же, сколько бы издал шаттл НАСА, если бы взлетал в помещении. Честное слово.

Мне нравится выступать на сцене, это — самая лучшая часть того, что мы делаем. С гитарой в руках я чувствую себя удивительно уверенно. Не знаю, почему так. На сцене наличие гитары тоже помогает. Кто угодно может присоединиться к группе. Выйти потанцевать, и наши ребята их поддержат. Это создает чувство товарищества.

Когда я думаю о том, что мы делаем турне по стадионам мира, у меня кружится голова. Именно для этого я и ввязался в эту работу: чтобы каждый вечер выходить на сцену перед десятками тысяч людей и чувствовать мурашки по коже. Это невероятно! Перед самым первым шоу у меня спросили, как я себя ощущаю, и я ответил, что никогда раньше не чувствовал такого волнения!

Группа дает мне так много. Я пережил столько невероятных событий, что могу осознать их, только если сажусь и целенаправленно размышляю, как сейчас с этой книгой. Тогда я начинаю чувствовать, как же восхитительна моя жизнь. Надеюсь, что и публике нравится смотреть наши выступления и слушать записи. Кажется, я потихоньку начинаю понимать, как ребята, занявшие третье место на X-Factor, протянули больше полугода. Мы же неплохо держимся, а?


НАДЕЮСЬ, ЧТО И ПУБЛИКЕ НРАВИТСЯ СМОТРЕТЬ НАШИ ВЫСТУПЛЕНИЯ И СЛУШАТЬ ЗАПИСИ. КАЖЕТСЯ, Я ПОТИХОНЬКУ НАЧИНАЮ ПОНИМАТЬ, КАК РЕБЯТА, ЗАНЯВШИЕ ТРЕТЬЕ МЕСТО НА X-FACTOR, ПРОТЯНУЛИ БОЛЬШЕ ПОЛУГОДА.
МЫ ЖЕ НЕПЛОХО ДЕРЖИМСЯ, А?

Мы сидели по домам, а потом внезапно наши жизни изменились, и вот мы уже здесь. Может, именно это в нас и привлекает: чувство, что мы просто весело проводим время, что мы в каком-то смысле обычные ребята, которым повезло. Не поймите меня неправильно: я ценю весь тот тяжелый труд, что мы вложили в проект, и усилия нашей команды и всех причастных. Да, всем пришлось поработать. Но с самого первого дня мы определились со своей целью: повеселиться, не изменять себе, трудиться изо всех сил и посмотреть, куда это все нас заведет.

Никто не знал, что так произойдет. Даже Саймона Коуэлла потряс наш успех; невозможно было ни предсказать, ни предугадать все, что случилось с One Direction за эти несколько лет. Мы с ребятами уже объездили весь мир, и я не сомневаюсь, что впереди нас ждет множество приключений. Но знаете, что? Я все еще без ума от нашей группы!

Гарри

Наверно, можно сказать, что в детстве я любил выпендриваться. Мама всегда была уверена, что я вырасту и найду работу в сфере развлечений. В школе я еще не знал, чем хочу заниматься в будущем, но уже тогда было ясно: я люблю выступать, с самых ранних лет я получал от этого удовольствие. Насколько помню, я вел себя неплохо. Иногда дерзил учителям, но не хулиганил.

Мне всегда хотелось преуспеть. Что-то двигало меня вперед — может, сейчас я бы назвал это амбициями. Тогда я не давал этому чувству определений, но чувствовал, что хочу добиться успеха, когда вырасту. Мои родители всегда меня поддерживали. Мама говорила: «Гарри, да пойди и попробуй. Если не рискнешь, так и не узнаешь, на что способен. Мы же говорим о твоей мечте! И мы пройдем весь этот путь вместе с тобой». Они всегда помогали мне достигать того, чего я хочу.

Мне повезло с воспитанием. Родители учили меня, что все люди равны, что не важно, на какой работе ты работаешь, имеешь ли кучу денег или едва сводишь концы с концами — это все не имеет никакого значения. У меня просто невероятные родители, и они всегда поддерживали меня в моих начинаниях. Не уверен, могло ли хоть что-нибудь подготовить меня к жизни в One Direction, но думаю, что привитые родителями ценности помогли мне сохранить здравый смысл. Если у меня будут свои дети, я бы

хотел, чтобы они добились большего, чем я. Для детей всегда желаешь самого лучшего. И хочешь, чтобы они занимались тем, что любят. Мне невероятно повезло: я занимаюсь тем, что даже не считаю работой.

Вспоминая об X-Factor, я каждый раз думаю, каким же маленьким я был тогда. Совсем ребенком! Я всегда буду благодарен передаче за те возможности, которые она мне предоставила. Она оказала огромное влияние на мою жизнь, и мне не стыдно признаться, что именно это шоу дало мне возможность делать то, чем я сейчас занимаюсь. Да, мы воспользовались этим шансом и из кожи вон лезли, чтобы все сработало, но X-Factor открыл для нас все двери.

Я был тогда очень юн и неопытен, и мне пришлось многому научиться за короткий срок. Думаю, что участие в программе подготовило нас к тому, с чем мы столкнулись в группе. Во время съемок многие люди, не имевшие никакого отношения к X-Factor, говорили, что мы точно продержимся до самого конца и получим

контракт. Это все очень на нас давило; если быть неосторожным, от таких мнений и рехнуться недолго. К счастью, на шоу были люди, которые возвращали нас с небес на землю, следили, чтобы мы все делали в удобном для нас темпе, и поддерживали нас неделю за неделей. Они помогли нам не потерять связи с реальностью. Помню, что как-то раз продюсеры сказали нам: «Сосредоточьтесь на этой неделе, не заглядывайте в будущее. Не слушайте сплетен, работайте и не отвлекайтесь». Когда мы покинули шоу, шумихи поднялось еще больше. Но я чувствовал, что мы уже готовы к этому и не воспринимаем слухи так серьезно. Такой вдумчивый подход с самого начала позволил нам не витать в облаках и научил, как справляться со сложностями. На X-Factor мы привыкли много работать, что тоже очень помогло в будущем.

Что бы ни ждало нас в жизни, X-Factor навсегда останется в наших сердцах, потому что именно там все началось. И дело не только в самом шоу; я бы хотел поблагодарить всех, кто принимал в нем участие: судей, команду, продюсеров, всех-всех. Люди верили в нас и дали нам такую удивительную возможность. Без них самих и труда, которые они в нас вложили, мы бы не оказались там, где пребываем сейчас.

Когда мы подписывали контракт со звукозаписывающей компанией, я дал волю эмоциям. На самом деле я нервничал каждый раз, когда надо было приходить в офис. Такие места пугают, особенно когда ты очень молод: столько взрослых повсюду! Знаю, что это звучит избито, но я родом из маленького городка, и мне было очень непривычно оказаться в огромном фешенебельном офисе звукозаписывающей фирмы в самом центре Лондона. Место, откуда я родом (Холмс-Чапел), — маленький городок, очень британский по духу. И вот внезапно я брожу по всем этим офисам, встречаю людей со всего света, удивительно разных. Это было потрясающе. Стоило мне немного потусоваться с ними, как я понял, что все они — очень творческие натуры и им нравится то же, что и мне. Это было очень приятное открытие. И все же я до сих пор очень люблю наблюдать за прохожими в Лондоне. Прекрасное занятие. Когда я только приехал, то не привык встречать новых людей, их просто не было. Поэтому попасть в лондонские офисы было словно оказаться на другой планете.

Я жадно впитывал в себя новые впечатления, учился видеть альтернативные точки зрения. Помню, как мне было весело и интересно. И какое огромное влияние на меня оказало то время.

Следующим этапом стала поездка в Швецию и Лос-Анджелес для записи нашего дебютного альбома. Мы все были сильно

взволнованы. Я говорил, качая головой: «Поверить не могу, что мы летим в студию!» — и Найл ответил мне: «В Швецию! Подумай только, мы летим в Швецию! Офигеть!» Ни у кого из нас не было значительного опыта работы на студии, так что тут тоже предстояло многому научиться. Потом я понял, что тот полет в Лос-Анджелес для записи самых первых песен нашего самого первого альбома определил многое в том, какую музыку мы стали играть и в каком направлении стали двигаться как группа. Однако тогда я был так взбудоражен, что просто не задумывался об этом. Отчетливо помню, как проснулся первым утром в роскошном отеле с единственной мыслью: «Мы в Голливу-у-у-уде!» (Так начались наши особые отношения с этим городом, о чем позже.) Теперь я думаю, что это была правильная реакция: если бы мы всерьез задумывались о происходящем, то просто не выдержали бы напряжения. А тогда я был просто счастлив, потому что знакомился с новыми людьми, такими творческими, такими интересными!

С моей старшей сестрой Джеммой (крайняя слева) и нашими друзьями Софи (вторая слева) и Райаном (крайний справа) Кантриллами

С нашей чудесной мамой

Panasonic
Hermitage

Моя сестра Джемма снова меня тискает

Тогда, в отличие от «Midnight Memories» и — в меньшей степени — «Take Me Home», мы не принимали особого участия в написании песен. На самом деле, я этому даже рад. Тогда нам надо было набираться опыта. Если бы мы вдобавок стали писать композиции, то из этого вряд ли вышло бы что-то хорошее. Мы же

вообще ничего не умели! Нам приходилось бы пробираться наугад.

Однажды мы с ребятами из группы обсудили это. Я сказал: «Не ждите, что я буду говорить этим ребятам, как нам петь!» Луи промолчал, а Зейн ответил: «У меня в голове роится уйма идей, но я знаю, что мы должны прислушиваться к профессионалам». Мы все понимали: эти парни знают, что делают.

Наши продюсеры были просто восхитительны. Им было известно, как лучше всего сделать первый альбом для группы One Direction. Мы были очень молоды и ни разу не записывались в студии. Работая с профессионалами, которые создали столько изумительных песен, мы не могли просто взять и сказать им: «А что, если мы споем это по-другому?» Не станешь же указывать авторам платиновых хитов, как лучше писать песни. Нам надо было слушать и учиться. Делать то, что нам говорили, а потом уже, на основании этих уроков, пытаться создавать что-то свое, а не прыгать с места в карьер и браться за то, что тогда было нам не по силам.

Повидаться с семьей, отоспаться и наесться вдоволь — так мы живем во время туров!

Посмотрев на оба этих фото, вы поймете, что я был счастливым ребенком, и за это я очень благодарен

Когда мы вернулись в Британию, то с удивлением увидели в аэропорту целую толпу наших потрясающих фанатов. Это было знаковое событие для группы. Помню, как мы шли в аэропорт и кто-то сказал нам, что нас дожидаются поклонники. Правда, их слова о том, что там «полно народа», не подготовили нас к тому, что случилось! Когда я завернул за угол и понял, сколько там человек, то сказал парням: «Ребята, не представляете, что я сейчас вижу!» Там царил полный хаос. В конце концов нас увели из зала и спрятали на служебной парковке где-то за терминалом, а потом запихали в настоящий бронированный фургон.

Когда двери закрылись, мы с ребятами обменялись ничего не понимающими взглядами. «Это было… сильно!» Да, именно что сильно. Ничего подобного мы раньше не испытывали.

Это событие сильно на нас повлияло. В Швеции мы уже встречались со своими поклонниками, чему очень удивлялись. Это ведь другая страна! Но в Хитроу были совсем иные масштабы. Даже не в том смысле, что мы удостоились такого внимания — просто у нас до этого не случалось таких сильных впечатлений. Помню, что это сильно повлияло и на нас самих, и на нашу команду. Фанаты выкрикивали наши имена, пели наши песни и восклицали: «Мы вас любим!» Удивительные люди.

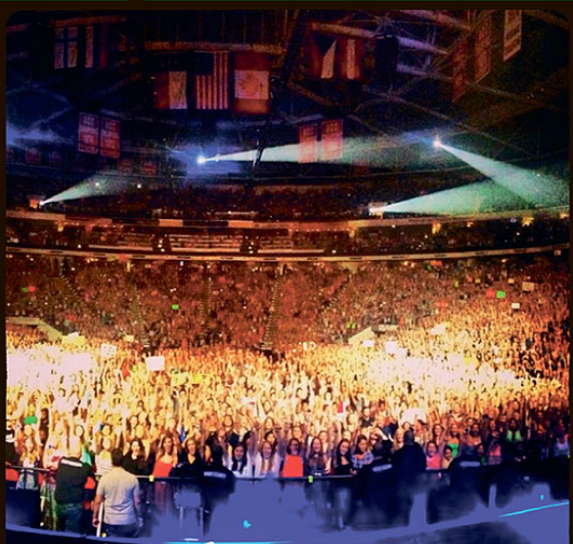
Когда мы выступали на своих первых концертах (на разогреве у других групп) и только начинали проводить автограф-сессии, эти события анонсировались в прессе, но мы каждый раз изумлялись тому вниманию, которое получали. А теперь столько людей оторвались от своих дел, проехали весь путь до Хитроу. Просто невероятно! Мы никогда не сможем достаточно отблагодарить наших поклонников за то, что они делают.

Когда выходил в свет наш первый сингл, я ощутил ответственность перед людьми: эту песню мы отдадим всем тем, кто так поддерживал нас в социальных сетях, приезжал на студии и болел за нас во время X-Factor и после того, как шоу закончилось. Я чувствовал, что мне нужно заслужить такую поддержку. Я и до сих пор это чувствую.

Мы все еще нервничали, когда впервые услышали «What Makes You Beautiful» в эфире. Помню, что мы пошли на «Радио 1». Страшно волновались. Скотт Миллс сильно поддержал нас. Запуская песню, он обратился к слушателям: «Надеюсь, вам понравится».

Заиграла музыка, и мы не могли поверить своим ушам. Луи воскликнул, схватившись за голову: «Так не бывает!» — А я запрыгал на месте, подпевая. Какой кайф! Потом, когда мы возвращались на машине домой, они запустили нашу песню еще раз. Нам очень нравился результат нашей работы, но когда слышишь свою композицию по радио, то чувствуешь себя очень уязвимым. Будто это тебя самого сейчас будут оценивать. Мы сильно переживали и очень обрадовались, когда поняли, что наша песня понравилась публике. То, что мы заняли первые строчки, превзошло все наши самые смелые ожидания.

153k 579k 239



Спасибо за гостеприимство,
Роли, Северная Каролина.
Ты была очень-очень громкой.

МЫ ЗНАЕМ, СКОЛЬКО
СИЛ ВЫ ВЛОЖИЛИ —
И ВКЛАДЫВАЕТЕ В НАШЕ ДЕЛО.

И, ПОВЕРЬТЕ,
НИ ОДНО УСИЛИЕ
НЕ ОСТАЕТСЯ
НЕЗАМЕЧЕННЫМ.

Когда наши администраторы сообщили нам эту новость, я просто затряс головой и забормотал: «Невероятно! Невероятно!» И ведь песня полюбилась не только девочкам. Было даже несколько парней, которые признались, как им нравится наш трек.

Как я уже говорил, рассказывая о Швеции, мы тогда еще только свыкались с мыслью о том, что у нас есть поклонники на родине. Поэтому, когда запустили кампанию «Приведите ко мне One Direction», мне казалось, что я очутился во сне. Помню, как сказал ребятам: «Как вообще эти люди о нас узнали?» В глубине

души я вообще не понимал, зачем мы поедем в Европу. То же самое чувствовали и остальные. Но оказалось, что слухи о нас распространились невероятно быстро, в основном за счет социальных сетей.

Нам повезло жить во времена, когда благодаря Интернету люди так быстро узнают о нашей музыке. По сравнению с тем, как работала музыкальная индустрия пятьдесят, двадцать, да даже и пять лет назад, эффект от социальных сетей просто поразителен. К счастью, мы начали выступать, когда этот процесс только запускался. Но одних только социальных сетей недостаточно. У нас была целая армия поклонников в твиттере и на фейсбуке, которые постоянно постили информацию о нас.

Именно поэтому новости о One Direction распространялись с такой невероятной скоростью. Мы очень благодарны нашим поклонникам за этот вклад. Мы знаем, сколько сил вы вложили — и вкладываете в наше дело. И, поверьте, ни одно усилие не остается незамеченным.

Волнующие новости все продолжали и продолжали поступать. Мы жили словно в тумане: работали без устали, проживали все эти удивительные события. Ко времени выхода первого альбома мы уже знали, что у нас есть множество потрясающих фанатов, и поэтому возлагали на пластинку большие надежды. Тем не менее сложно было поверить, что мы стали вторыми в Великобритании, а в некоторых странах и вовсе заняли первую позицию. Тогда мне было всего семнадцать. Я никак не мог до конца осознать, что происходит. Просто в голове не укладывалось. Если быть до конца честным, то и сейчас не укладывается. Мы всегда стремились покорять все новые

вершины, и, когда достигали чего-то, у нас даже не было времени как следует это обдумать, мы сразу двигались вперед. Нам нужно постоянно что-то делать. Головой мы понимали, что происходят удивительные, невероятные события, но нам не хватало минутки, чтобы сесть и сказать друг другу: «Боже, мы стали первыми!» Скорее все происходило примерно так: «Ребят, встретимся в автобусе утром, в пять. Сначала у нас интервью на радио, потом фотосессия, а потом…»

Мне не верится, что тогда мне было только семнадцать лет. А еще странно подумать, сколько времени прошло с тех пор. Мне ведь и сейчас всего двадцать, я еще молод, и поэтому вспоминать о прошлом как-то странно. С нами происходили чудеса и происходят до сих пор. Сложно даже описать. Мне хочется написать что-нибудь умное, что-нибудь, что бы суммировало наш опыт, давало понять, что я тогда чувствовал, но все это так сложно, так удивительно, так волшебно… Я не могу найти подходящих слов.

Но все же скажу, что 2011-й был изумительным годом. Сначала мы выступали на концертах других групп, потом поехали в турне с X-Factor, продвигали свою группу, давали интервью, появлялись на радио. Наш сингл занял первое место, а альбом — второе. В те невероятные времена мы начали верить, что, возможно, сможем добиться настоящего успеха. И все же ко времени декабрьского турне мы все еще сильно нервничали. Может, кому-то покажется, что все шло согласно нашему плану, и мы были уверены, что все сложится, как мы хотим. Но это не так. Мы волновались тогда и продолжаем волноваться сейчас. Перед каждым шоу мы стараемся изо всех сил сосредоточиться, и успокоиться бывает сложно. Расслабляться нельзя, ведь наши поклонники заслуживают самого лучшего.

404

VISITOR

BBC

MAIDA VALE

DATE 07 OCT 2011

NAME HARRY STYLES TIME IN 0630

VISITING ONE DIRECTION EXTENSION NO. MV5

VALID ON DAY OF ISSUE ONLY. PLEASE RETURN THIS PASS TO RECEPTION

...мы начали
верить, что,
возможно,
сможем
добиться
настоящего
успеха.

Выход нашего альбома в Великобритании ощущался как особо важное событие. Наши сольные концерты, большие залы… Я чувствовал, что это давит на меня. Мы все еще ощущали себя самозванцами. Турне стало большим шагом вперед: мы впервые делали что-то самостоятельно, причем что-то настолько масштабное. Нами владела одна мысль: «Мы ни в коем случае не должны допустить, чтобы хоть один концерт из этого турне прошел плохо. Нам нельзя облажаться». Мы, по сути, хотели пригласить наших поклонников разделить с нами то веселье, что мы испытывали день за днем. К счастью, все сложилось хорошо, и

мы чувствовали, что фанаты гордятся нами. Это было что-то настоящее; думаем, что слушатели получили столько же удовольствия, сколько и мы сами.

К разговору о вере в себя: в феврале 2012-го мы полетели в Штаты. Ожидания наши были самыми скромными.

Мы только-только начали привыкать тогда к мысли о том, что нас знают в Европе. Даже это было поразительно. Мы были уверены, что уж в Америке-то не найдется людей, которые о нас слышали. Я сказал тогда ребятам: «Здорово будет слетать в Штаты, посмотреть, как там все».

Думаю, что любой англичанин волнуется перед первой поездкой в Америку. До этого я испытывал нечто похожее, только когда летел на X-Factor в Лондон. Столица казалась такой далекой, что в географическом, что в культурном смысле. Все там так отличалось от того, к чему я привык. Раньше я думал, что не попаду в Лондон лет до тридцати, поэтому та поездка стала для меня знаковой. С Америкой было так же, только в десять раз сильнее. Мне нравилось чувствовать волнение от того, что я нахожусь в местах, которые до этого видел только по телевизору или в кино. Мне это и до сих пор нравится.

Часто случается, что те, кто прославился в Америке, быстро становятся популярными и в Британии, но наоборот бывает редко. Я чувствовал, что для англичан в Америке настали хорошие времена. Тропу проторила Адель, и это очень помогло. За ней последовали Эд Ширан, Mumford & Sons и некоторые другие. Они создали атмосферу, благоприятную для британской музыки. Нам сильно повезло со временем.

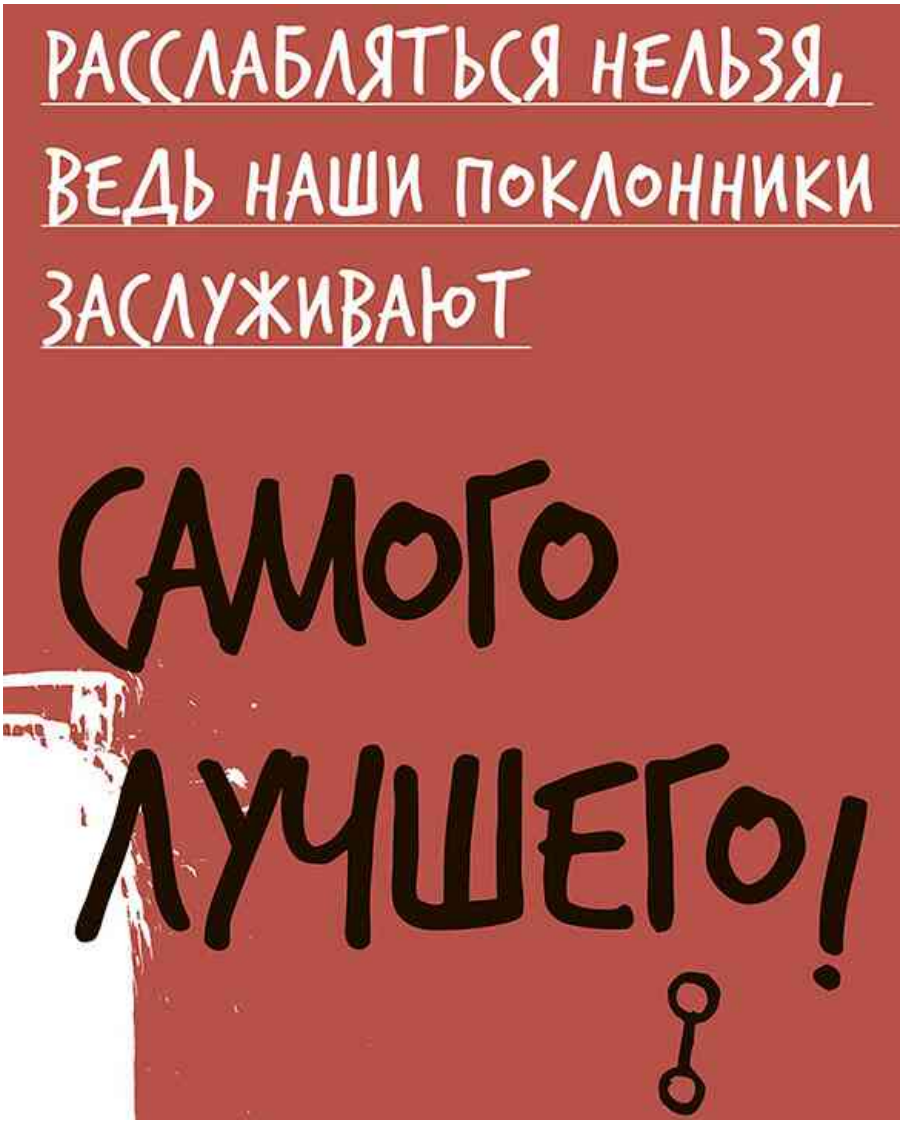
Конечно, не обошлось тут и без наших замечательных поклонников. Удивительно, что теперь мы можем вживую и по-настоящему поговорить с теми, кого раньше могли бы увидеть лишь на телевидении. До появления социальных сетей, если кто-то хотел прославиться — а особенно в Америке, — ему приходилось многие годы колесить с концертами по стране, вкладываться в рекламу, пахать до седьмого пота, разъезжая туда-сюда. Но теперь группы могут общаться с публикой множеством различных способов. Да, сейчас жить просто прекрасно.

По количеству приглашений на интервью мы быстро смекнули, что и в Штатах о нас уже слышали. Релиз нашего альбома пришлось перенести на неделю раньше, потому что его очень ждали. «What Makes You Beautiful» попала в топ-30 и начала продвигаться вверх. Когда мы впервые раздавали автографы в торговом центре, началось настоящее безумие. Мы-то думали, что человек сто наберется — и отлично, но пришло несколько тысяч наших удивительных фанатов.

Дальше наша известность стала расти как снежный ком. В первые же дни нам помогло то, что мы отправились в турне, в котором мы выступали на разогреве у Big Time Rush. В первый же вечер я увидел человека в футболке One Direction и подумал, до чего же это странно. А потом оказалось, что наши фанаты знают слова всех наших песен. Верить в это мы не решались, но такова была реальность.

Мы закончили тур и ждали выхода альбома. Первым значительным событием в Штатах стало наше появление на шоу Today. Нам сказали, что выступить там очень престижно; сами мы о такой передаче не знали, мы же из Британии. У нас дух захватило, когда мы увидели тысячи людей у студии. В Нью-Йорке есть очень, очень узкие улицы, и там было просто не пройти из-за скопления народа.

Нам казалось, что все пространство между небоскребами заполнено человеческими лицами. Люди свешивались из окон небоскребов. Это было удивительно. Когда мы начали выступать и я крикнул: «Пошуми, Нью-Йорк!» — поднялся невероятный гвалт.



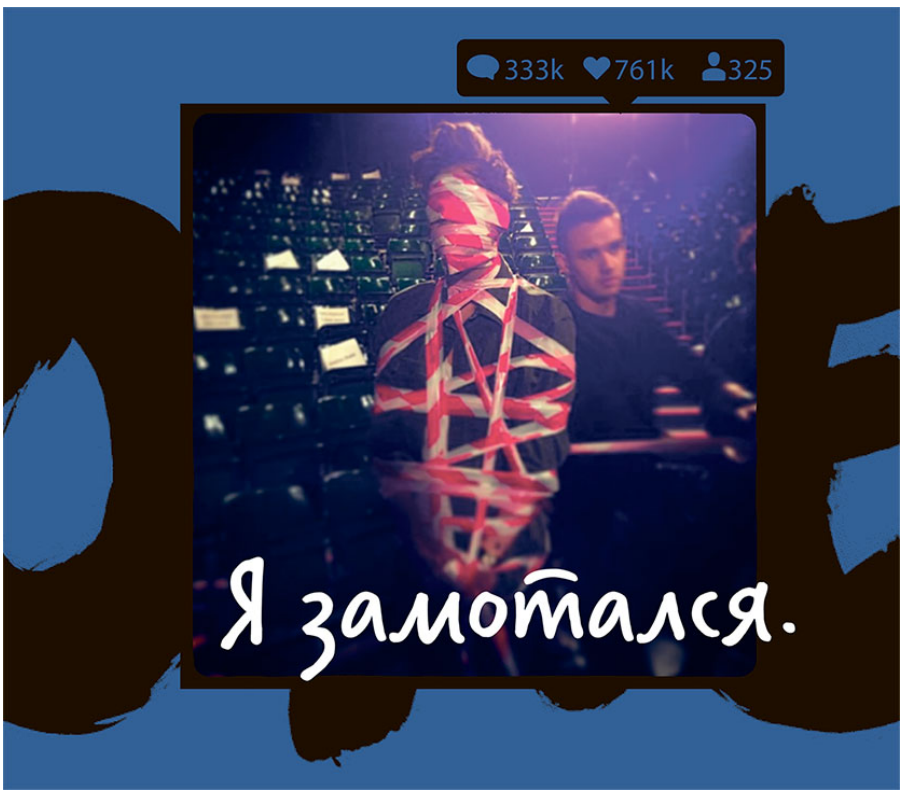
Даже сейчас, когда мы приезжаем за границу, нас неизменно удивляет реакция публики. Знаю, что многие посчитают это враньем: всем известно, что у нас много поклонников по всему миру. Однако такова правда. Меня все еще потрясает, что за рубежом наших концертов ждут тысячи людей. Я не привык к этому. А тогда и подавно! Мы точно не ждали такого от американских жителей. Так что можете себе представить, что мы чувствовали на Today. Все то выступление… весь тот день был невероятным! И ведь я тогда впервые побывал в Нью-Йорке!

А события развивались все стремительней. Мы выступали в Нэшвилле, и Стив Барнетт (руководитель нашего американского лейбла в те времена) зашел к нам в гримерку и сказал: «Мы

думаем, что ваш альбом может занять первое место». И мы такие: «Что?!» Мы уже слышали подобные разговоры, но тогда это были просто слова. Люди чего только не скажут, чтобы подбодрить. Сама мысль о том, что наша дебютная пластинка может стать номером один в Америке, казалась бредовой. Никому из Британии этого еще не удавалось. Так почему получится у нас?

Потом Стив сказал: «Ребята, время не терпит. Если вы правда хотите стать первыми, придется работать на износ, как вы никогда еще не работали».

Для нас ответ был очевиден. С той минуты мы взялись за дело всерьез. Раздавали автографы в обеденный перерыв, рекламировали наш альбом везде, где только можно, каждую свободную секунду уделяли продвижению пластинки. У нас была возможность стать первыми, и мы не собирались ее упускать!



Я знал, что на кон поставлено многое, но не знал, насколько это важно. Не думаю, что вполне осознавал тогда масштабы происходящего. Просто не мог уложить у себя в голове. Мы были так заняты концертами и рекламой, что нам некогда было посидеть и подумать, сравнить, чего добились легенды британской музыки и чего добилась наша группа. Мы были еще

так молоды и не задумывались о событиях в историческом контексте. Да и времени не было. Но все равно это было потрясающе. Словно все, что мы делали до этого, вело именно к этой точке. Как только мы узнали, что происходит, я сказал парням: «Если мы станем первыми, это будет знаковое событие».

One Direction очень гордится своими живыми выступлениями: они дают нам возможность сыграть свои песни перед нашими удивительными фанатами, благодаря которым мы очутились там, где находимся сейчас. На самом деле, мы делаем все в обратном порядке, особенно в Штатах. Обычно группы приезжают, дают множество концертов, а потом выпускают пластинку в надежде, что она будет хорошо продаваться. А для нас тур стал празднованием успеха нашего альбома и возможностью сказать «спасибо». Словно мы как следует поработали, а теперь можем веселиться вечерами вместе с людьми, которые нас поддерживали.

Мы и в Австралии побывали, и там нас ждал такой же оглушительный прием. Само количество концертов казалось мне невероятным: люди на другой стороне мира знали, кто мы такие, и хотели нас послушать! Меня всегда очень греет чужое внимание, когда я нахожусь вдали от дома.

Мы рекламировали свой альбом, но это было так весело, что мы не задумывались о том, что происходит с нашей группой. Мы по-прежнему жили одним днем. У нас было столько дел, и мы очень много путешествовали. Думаю, сложно увидеть всю картину целиком, когда находишься в центре событий. Я был настроен так: «Давайте еще поработаем и постараемся выкладываться на каждом шоу». Сложно было понять, что происходит. Я стараюсь время от времени отступать на шаг назад; думаю, это помогает ценить то, что есть. Но мне все же кажется, что ни одному из нас пятерых не дано увидеть, что по-настоящему происходит с One Direction; для этого надо смотреть на события со стороны.

Да, Америка стала для нас волнующим приключением, но как же хорошо было вернуться домой и выступить перед нашими британскими поклонниками. Лучшим примером этого стала церемония закрытия Олимпийских игр в Лондоне. Думаю, остальные ребята чувствовали то же, что и я. Честно признаюсь, что плохо помню тот день: все прошло как в тумане. Мы вошли на стадион и вышли, и казалось, что прошла лишь минута. Но я помню, сколько там было народа. Невероятно! Странно подумать, что мы поучаствовали в событии, которое было столь важным для Лондона и страны в целом. Меня часто спрашивают, что я чувствовал тогда, и я отвечаю, что был ужасно горд. Это было

всепоглощающее чувство, огромная гордость. Такое знаковое событие для Британии, и мы к этому причастны. Мы спели всего половину песни, но все равно страшно волновались. И несмотря на это было шикарно! Нас окружали такие большие звезды, просто невероятно. Мы выступали с грузовика, и нужно было сосредоточиться. Помню, как сказал парням: «Главное не свалиться отсюда».

Конечно, надо сказать и про концерт в Мэдисон-сквер-гарден. Знаю, что уже упоминал его, но это был такой удивительный день. Для нас это выступление стало поворотной точкой: мы превзошли сами себя. Словно открылось второе дыхание. Думаю, что это связано еще и с историей площадки. Идешь по коридору и смотришь на все эти фотографии, и почему-то они заставляют тебя работать лучше. Помню, как мы с Лиамом смотрели на эти лица, и я сказал ему: «Боже, какое невероятное место. Тут правда чувствуется история». Наши отцы похожи, оба страстные меломаны, и Лиам ответил: «Да, папе бы тут очень понравилось!»

Помимо самого концерта и истории места, примечательна была еще и вечеринка после выступления. Нам удалось пригласить почти всех, кто когда-либо сотрудничал с группой: людей из звукозаписывающей компании, администрацию, команду, работавшую на концертах, ребят из отдела маркетинга. Мы просто потусили вместе после концерта. Мы все так хорошо потрудились, наша потрясающая рекламная кампания подошла к концу, и эта вечеринка стала прекрасным способом отпраздновать всеобщую победу.

За пару месяцев до Олимпиады мы начали писать кое-что для второго альбома, и если быть честным, то ощущение нереальности, чувство, что мы находимся на небесах, все еще присутствовало. Мы приступили к работе еще в дороге, и, несмотря на то что первая наша пластинка так хорошо зарекомендовала себя в разных странах, я не ощущал никакого давления. Во всяком случае, никто в группе не подавал признаков беспокойства. Лично я с нетерпением ждал, когда окажусь в студии и на сей раз смогу сам что-нибудь сочинить. Мы смотрели вперед без тревоги, скорее, с предвкушением. Мы радовались жизни и надеялись, что публика по-прежнему к нам благосклонна. До сих пор такой подход срабатывал, и мы просто продолжали двигаться в том же направлении.

Понимаю, что мы смотрели на вещи несколько наивно, но мне не кажется, что это плохо. Мы просто от души старались сделать отличный альбом. Никто ведь не приходит в студию со словами: «Сейчас мы запишем альбом, который займет первое место». Это невозможно, да и зачем? Каждую песню записываешь по отдельности, потом собираешь их вместе. Работаешь над каждой, доводя их до совершенства. Повторяю еще раз: мы старались не слишком все это обдумывать. И не делали сознательных попыток относиться ко всему проще. К счастью, похоже, людям мы и так нравимся.

А вот когда второй альбом вышел в свет, я действительно почувствовал, что от него многого ждали. Хотелось уже, чтобы его услышали и сказали, что он офигенный. Хотелось услышать мнения слушателей. А потом, за пару дней до его появления в чартах, естественно, не терпится узнать, как пойдут наши дела. Да и как иначе? Вот тогда и начинаешь задумываться о первых строчках хит-парадов.

С нашей группой вечно так: самые важные новости мы получаем в самых тривиальных обстоятельствах. Я знал, что наш

альбом неплохо встретили в Штатах в первую неделю после его выхода и что есть немаленький шанс опять стать первыми.

На той неделе у меня было несколько выходных. Мы только что закончили серию концертов в Нью-Йорке и остались еще на пару дней, побродить по городу. Я покатался на велосипеде и как раз возвращал велик, который взял в аренду, когда у меня зазвонил телефон: «Гарри, альбом занял первое место». Я тогда был совсем один, и руки у меня были заняты. Я прижал телефон плечом к уху, пытаясь одновременно вернуть велосипед сотруднику магазина и продолжить разговор о первой строчке американского чарта. Ни фига ж себе, подумал я тогда. Я положил трубку, вернул наконец велосипед и вышел на улицу. И тогда до меня дошло: «Подождите секундочку! Мы опять стали первыми!» Чтобы отпраздновать, я заказал себе пиццу. «Up All Night» получил такой резонанс, и мы знали, что его успех сложно будет побить. Трудно было поверить, что «Take Me Home» стал еще популярнее.

Не думаю, что мы когда-нибудь привыкнем к своему успеху и вообще всему, что с нами происходит. Каждый раз мы с ребятами только плечами пожимаем и говорим: «Ну и дела!» Я буду с вами честным: нам до сих пор кажется, что мы полные профаны в своем деле. Да, мы трудились до седьмого пота, но при этом нас не покидало ощущение, что мы понятия не имеем, что вообще происходит. А поэтому мы решили: «Давайте засучим рукава и поработаем еще, а потом еще и еще, и тогда, возможно, эти удивительные события не перестанут случаться». Такое потрясающее чувство. Да, именно так мы и относились к происходящему. Не знали, что с этим всем делать, а поэтому просто продолжали делать свое дело.

К тому времени мы отыграли несколько изумительных концертов, например, выступили на шоу Royal Variety перед самой королевой. Это такой очень официальный вечер, на котором все ради королевы надевают свои лучшие костюмы. Она — одна из тех, кого и не мечтаешь увидеть вблизи. Когда мы узнали, что будем выступать перед ней, а потом и попадем на прием, то чуть не свихнулись. Помню, что боялся облажаться, и это чувство вообще стало моим неизменным спутником — боязнь облажаться.

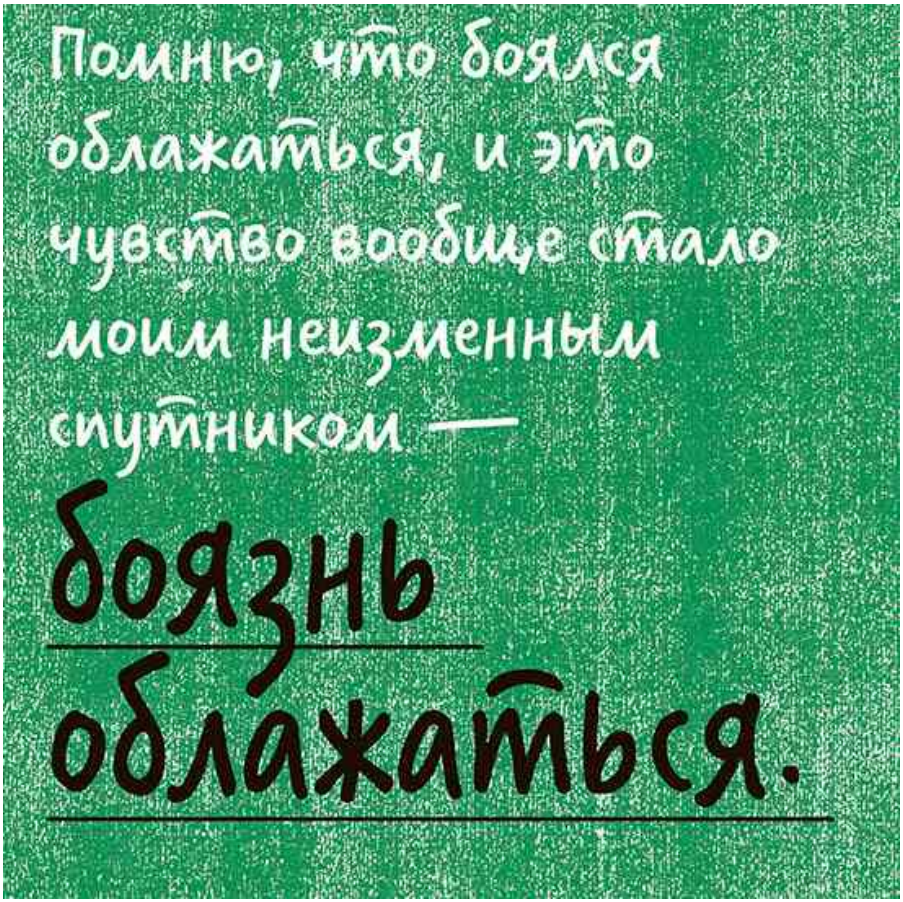
Думаю, теперь самое время поговорить о моих проблемах с уверенностью в себе, которые появились у меня после одного случая на сцене. Как многие из вас знают, мы выступили на британском шоу Saturday night, и тогда мне самому не понравилось, как я спел. После я увидел комментарии в Интернете, которые сильно меня задели. В документальном

фильме, который мы снимали в те времена, есть кусок, где я объясняю, почему тот случай так меня расстроил. Так что тут все очевидно.

Тем не менее я не знал тогда, что это послужит мне отличным уроком: я многому научился после того случая. Да, порой мне было очень обидно, те комментарии сильно меня огорчили, по-настоящему. Могу сказать, что долго не мог выкинуть их из головы. Дело было еще и в том, что на других шоу я выступил куда лучше, но получилось так, что все говорили только о том единственном разе, когда я провалился. Обычно я довольно-таки уверен в себе: не всегда, но чаще всего. И вот этот эпизод сильно пошатнул мою веру в себя. На долгое время.

Теперь я знаю, почему так получилось. Тогда вся моя уверенность испарилась под влиянием нервов. Я не умел еще сдерживать и контролировать свое беспокойство. Раньше меня мог разволновать даже сам факт выхода на сцену. Но One Direction всегда давали много концертов и рекламировали свою музыку, выступая вживую на телевидении и радио. И со временем я научился справляться со своими нервами, понимать, когда и почему начинаю психовать, как лучше всего держать себя в руках. Теперь все иначе. То неудачное выступление помогло мне понять, что для хорошего пения нужен хороший контроль над собой. На самом деле, если подойти к делу с умом, то нервы даже помогают сосредоточиться, придают остроту ощущениям. Но если дать им волю, то пиши пропало. Теперь, конечно, мне легко оглядываться назад и видеть плюсы в том, что случилось. Я помню, как тогда огорчался, но мне кажется, в жизни важно сохранять хороший настрой. Когда происходит что-то неприятное, полезно отстраниться и посмотреть, а не выйдет ли из этого чего-нибудь позитивного. Мне повезло, что я получил такой опыт. Теперь я лучше выступаю на сцене, потому что выучил свой урок.

THE
ROYAL
VARIETY
PERFORMANCE
2012
ARTIST
17th – 19th November 2012

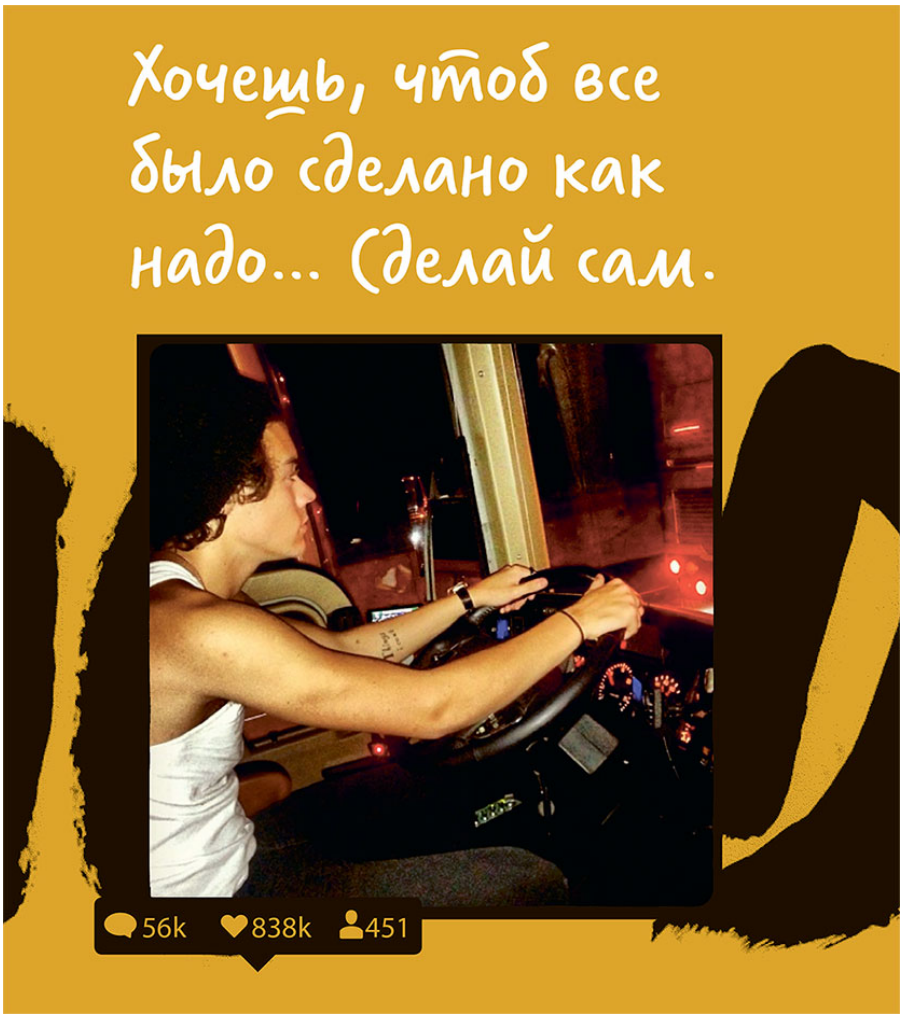


Когда мы только начинали, было сложно не утратить связи с реальностью. Нам помогло то, что мы так сдружились. Другим фактором стали некоторые впечатления, которые сильно на нас повлияли (а иначе и не могло бы быть, мы же люди). Одним из таких событий стала поездка в Гану с благотворительной акцией «Разрядка смехом».

По телеку можно увидеть целую кучу таких кампаний по сбору средств: там показывают нищету, в которой живут люди, и, конечно, это вызывает сильные чувства. Иногда невольно задумываешься: «Интересно, а насколько там плохо?»

Невозможно до конца понять всю серьезность ситуации, постичь грубую реальность, пока не увидишь ее своими глазами, не понюхаешь, не услышишь, не прикоснешься, не попробуешь на вкус. Когда приезжаешь в места, где люди живут в такой чудовищной бедности, все органы чувств подвергаются серьезному испытанию. Вонь стоит такая сильная, дым так жжет глаза, вы видите, как грязны жилища, и звуки там такие странные, и все кажется грязным на ощупь. Вы навещаете этих

прекрасных, удивительных людей, которые живут в невыносимых условиях и исполнены при этом достоинства, и глазам своим не верите. Помню, как сказал Лиаму: «А ты можешь себе представить, каково это — постоянно жить здесь? Мы сегодня вернемся в гостиницу, примем теплый душ, поужинаем, но эти люди так и останутся там, где были…»



Меня это путешествие выбило из колеи. Не только меня, всех нас. Словами не описать тех смешанных эмоций, которые мы испытали. Мы внезапно поняли, как далеко это от всего того, что происходило тогда с группой One Direction. Когда съездишь в такие места, возвращаешься с мыслью о том, как же незначительны твои собственные проблемы, они даже и рядом не стоят с тем, что испытывают эти люди. Конечно, и у тех, кто не живет в нищете, могут быть реальные сложности — все в этом мире относительно, — но, когда мы, люди Запада, испытываем какие-то затруднения, это может помешать нам трезво смотреть

на вещи, мы можем забыть, что такое настоящие проблемы. Никогда в жизни не забуду то, что увидел, и то, что это для меня теперь значит.

Думаю, важно испытать что-то похожее. Нам как группе повезло увидеть то, что мы увидели, и сделать выводы. Важно попытаться изменить что-то в мире, даже если изменения и будут незначительны. Нельзя жить, закрывая на такое глаза.

Это очень наивный подход, и глупо пытаться отстраниться и считать, что это не наши проблемы. Это наши проблемы! Все мы должны помогать другим, насколько это в наших силах.

Вернувшись из Ганы, мы сразу отправились в очередное турне, но уже со свежим взглядом на мир. Нам предстояло множество концертов, да и площадки были гигантские. Мы отправились в места, где уже бывали раньше, и, выступая в числе других исполнителей, всего-то спели по три-четыре песни да малость помелькали на сцене. А наше турне после Ганы было сольным, и мы очень удивлялись, что теперь не мы выступаем у кого-то на разогреве, наоборот. Нам это казалось совершенно невероятным.

За что я люблю турне — так это за возможность путешествовать и видеть новые места. Когда я задумываюсь о том, какие возможности предоставляет мне моя работа (если это вообще можно назвать работой!), то понимаю, как мне повезло. Я встречаюсь с удивительными людьми, езжу по всему миру. Мне всегда хотелось путешествовать, и, хотя это не очень похоже на пешие походы с рюкзаком за спиной, я все равно вижу все эти изумительные места. Когда мне было шестнадцать, я и подумать не мог, что в моей жизни будет столько всего потрясающего.

Мне всегда нравилось исследовать новые места. Обычно, когда я приезжаю куда-нибудь, где никогда раньше не был, то стараюсь найти человека или семью из местных, которые показали бы мне окрестности. Так, мне кажется, получаешь самое верное представление. Однажды, когда я был в Чикаго, меня познакомили с парнем, который с радостью согласился поводить меня по городу. Мы поиграли в гольф, а потом я сходил к нему домой на барбекю, встретился с его женой и детьми.

Конечно, очень естественно скучать, находясь вдали от дома. Мы так много странствуем, что я научился не привязываться к конкретным местам. Пока что я не вижу смысла где-то надолго оседать, ведь у меня не будет возможности проводить там много времени. Это плохо сказывается на личной жизни: строишь планы на полгода вперед и искренне собираешься их выполнить, а потом что-то происходит с группой, и ты оказываешься в другой части мира.

Я уже четыре года не бывал подолгу дома, и это дается мне нелегко. Наверно, в нашей жизни это самое тяжелое — скучать по семье. Но мне повезло, парни меня сильно поддерживают. О лучшей семье и мечтать нельзя. Мама с папой каждый раз засыпают меня вопросами: «Где ты побывал? А сейчас ты где? А что будешь делать завтра?» Обычные штуки, которые спрашивают любые родители, когда подолгу не видят своих детей. Они хотят знать, все ли у меня хорошо. Это так мило. Они знают, что иногда я очень занят и у меня нет времени на разговоры, но, когда время находится, они всегда рады поболтать.

Иногда надо менять собственный взгляд на вещи. Очень просто разныться из-за того, что скучаешь по родным, или из-за того, что торчишь в гостинице и не можешь пойти побродить по городу, как бы тебе хотелось. Но это все только добавляет мрачности. Ну да, мы не можем разъезжать по экскурсиям столько же, сколько обычные туристы, но ведь нас вообще могло не оказаться в этом городе, если бы не группа! И чаще всего мне все-таки удается выбраться наружу, и я чувствую себя везунчиком.

Моя любовь к путешествиям привела к тому, что я купил себе жилье в Лос-Анджелесе. Мне нравится бывать в этом городе. Думаю, дело в солнечном свете. Знаю, знаю, звучит избито, но мне правда нравится тамошнее солнце. Нравится просыпаться от его лучей, нравится, что постоянно хочется быть на улице. В такую погоду чувствуешь себя активным. Когда я просыпаюсь и вижу за окном тучи, мне хочется весь день проваляться в кровати. А в Лос-Анджелесе завтракаешь, обедаешь и ужинаешь снаружи. Даже если у меня сломается машина, я буду дожидаться эвакуатора, принимая солнечные ванны!

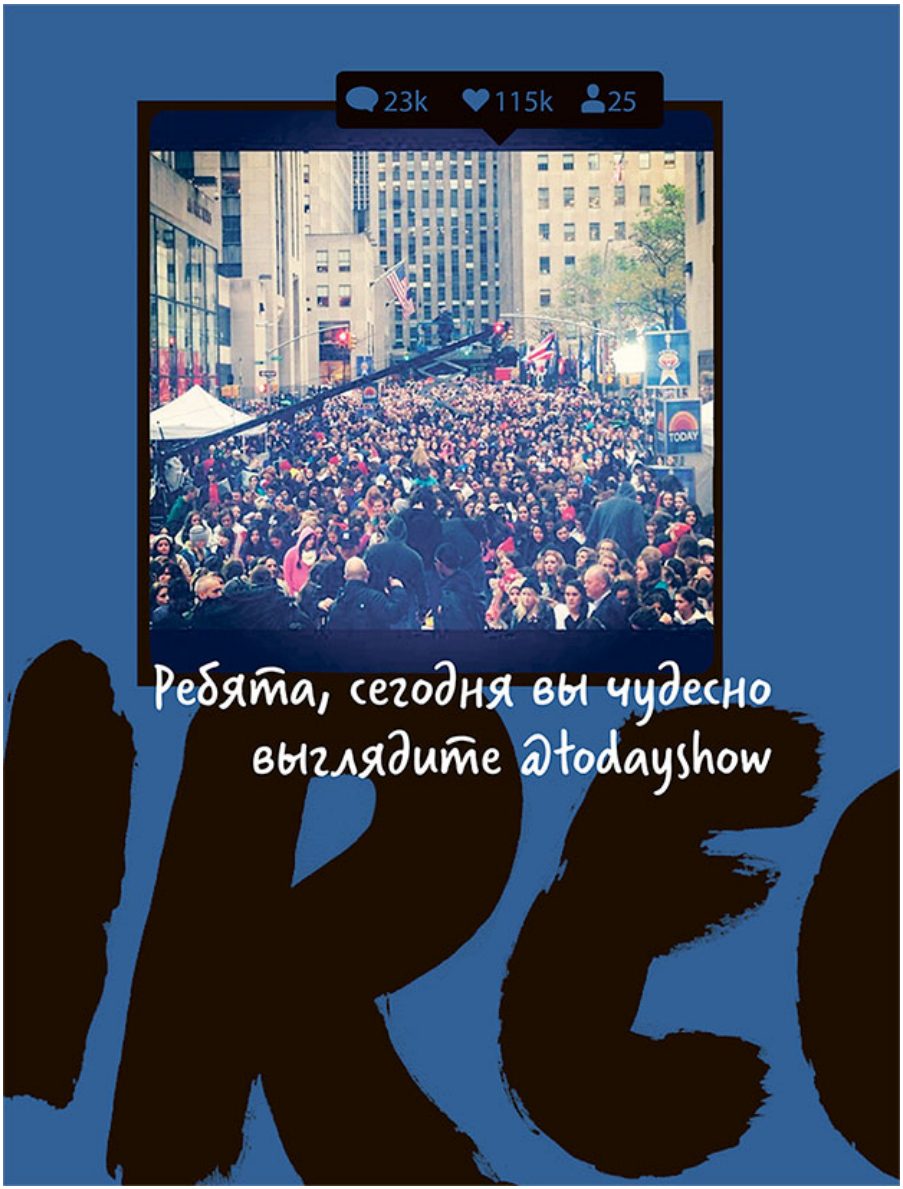
А еще там живут мои хорошие друзья. Вы наверняка слышали множество страшилок о музыкальном бизнесе в Городе Ангелов, но мне кажется, тут все зависит от того, с кем ты тусуешься. Если окружить себя поверхностными людьми, тогда и сам станешь поверхностным. Но если вокруг будут обычные, хорошие люди, то все будет в порядке. Всем нужны друзья. Мне повезло, что у меня там есть хорошие знакомые, и поэтому я от души наслаждаюсь жизнью.

Мы довольно быстро поняли, что далеко не все, что пишут в газетах про «отношения» знаменитостей, соответствует действительности. Я прекрасно понимаю, что из-за популярности One Direction многие интересуются нашими романами. Тут все понятно. Сплетни — это очень естественно.

Для меня не загадка, почему наши отношения вызывают у кого-то интерес. Самого меня слухи не сильно занимают, но я

понимаю, что другим это может быть интересно.

И, конечно, мое появление бок о бок с какой-то публичной фигурой только усиливает любопытство публики и медиа. Это неотъемлемая часть моей работы. Некоторые мои отношения, освещенные в прессе, пришлись на ту пору, когда я был еще подростком и только учился уму-разуму. Как и любой молодой человек. Мне нравится знакомиться с интересными людьми и нравится быть в отношениях, если человек действительно кажется особенным. Не думаю, что отличаюсь в этом от большинства людей. И я знаю, что мне недоступна роскошь под названием «неприкосновенность частной жизни», но я не жалуюсь; у моей работы есть множество восхитительных сторон. Надеюсь, что люди поймут: я, как и любой парень моего возраста, еще только учусь разбираться в таких делах.



Иногда очень забавно бывает, как меня «сводят» с людьми, которых я видел всего раз в жизни, а то и не видел вовсе. Когда мы только начинали выступать, я мог пойти погулять с другом и его девушкой, и если нас видели вместе, то сразу думали, что мы встречаемся. А может, я ее тогда впервые увидел! Я стараюсь воспринимать это с юмором. Чужие любовные успехи меня не особо волнуют, но я правда понимаю, почему моя личная жизнь вызывает у многих интерес.

Думаю, самым честным и искренним ответом станет такой: будь на моем месте любой другой шестнадцатилетний

мальчишка, слухи о его романах вполне могли бы оказаться правдой.

Кстати, я отлично понимаю, как постоянное внимание публики может изменить человека. Думаю, именно поэтому я регулярно заставляю себя отстраняться, смотреть на происходящее со стороны, чтобы это не становилось для меня нормой. Если человек начинает считать, что участие в поп-группе — это норма, что нормально выходить на сцену и петь перед пятидесятитысячной аудиторией, что нормально, когда девочки день и ночь дожидаются его перед гостиницей, просто чтобы сказать «привет»… если кто-то правда так думает, то мне его жаль. Это точно ненормально.

Важно держать это в памяти, чтобы звездная жизнь не стала единственно возможной. Я стараюсь сохранять какое-то подобие частной жизни: когда работаю с группой, стараюсь выкладываться на сто процентов, а в свободное время мне нравится просто видеться с друзьями, гулять, плавать, сидеть в кафе, еще что-нибудь в этом духе. После концерта или особо тяжелого дня в группе мне нужен час-другой, чтобы расслабиться. Моя жизнь прекрасна, но мне кажется, что иногда людям в похожих условиях бывает тяжело, потому что границы так легко размываются. Сложно сохранять баланс.

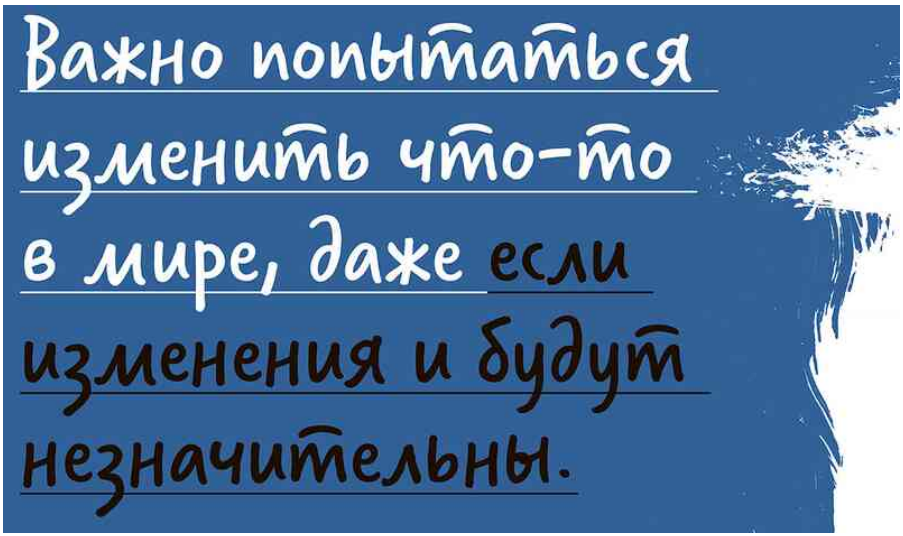
Например, когда я впервые увидел размеры сцены на нашем стадионном турне 2014 года, у меня перехватило дух. Когда вышел из гримерки и внезапно осознал масштабы происходящего, то выдохнул: «О боже мой!» Мы все были потрясены. Я с самого начала так реагирую на все большие события в жизни One Direction, и мне приятно, что я до сих пор получаю от этого такой кайф. До сих пор случается такое, что застает меня врасплох. Для меня это не стало нормой, и я надеюсь, что никогда не станет.

Разумеется, мне странно, когда нас называют знаменитыми. Нам всем странно. Я знаю, что мы заслужили признание публики, но мы не считаем себя «известными». Думаю, это помогло нам относиться ко всему проще.

Мы в каком-то смысле чувствуем себя посторонними в звездном мире. Бывает, что я сижу за обедом с каким-нибудь знаменитым человеком, который, возможно, дружит с кем-то из моих друзей, и мы мило болтаем, а потом меня осеняет: «Боже, это же такой-то и такой-то!» И я чувствую себя четырнадцатилетним подростком. Так странно, что они разговаривают со мной и называют по имени.

Мне очень повезло: благодаря One Direction я вижусь с людьми, чьим поклонником являюсь с самого детства. Мне посчастливилось познакомиться со многими звездами, и

перечислять всех я не буду. Но некоторые из них особенно примечательны. Возьмем, например, Мартина Скорсезе. Он пришел к нам в гримерку, когда мы выступали в Мэдисон-сквер-гарден, и мы просто поверить себе не могли. Странно вживую видеть человека с таким громким именем, которого все знают и признают гением. Понимаешь, что находишься рядом с тем, кто что-то изменил в мире, благодаря которому что-то теперь делается по-другому.



Когда я вижу таких людей, то едва могу говорить от

восхищения. Они меня потрясают. Я знаю, что у некоторых мы сами вызываем похожие чувства. Нам это кажется странным, но время от времени фанаты бурно на нас реагируют. И тогда я начинаю думать: «Что, я именно такой в чужих глазах? Знаменитость?» Мы — простые ребята, о которых много говорят из-за их работы. А в остальном мы ничем не отличаемся от остальных! То же самое касается и Мартина Скорсезе, и всех остальных звезд, с которыми я познакомился. В конце концов, они просто люди.

На самом деле мне ужасно не нравится слово «слава», мне кажется, оно не должно определять человека. Часто слышишь, как люди говорят «Такой-то и такой-то прославился, а потом случилось то-то и то-то, и слава ушла от него». Это должно подразумевать, что человек облажался, потому что теперь он не такой знаменитый, как раньше. Это понятие используют для составления хронологии: период, когда человек был знаменит, считают пиком жизни, и в этом смысле мне совсем не по душе слово «слава».

Я заметил, что мне нравится знакомиться со звездами, которых любят мои родители! От этого впечатления становятся еще ярче, а потом мне приятно рассказывать папе с мамой. Иногда даже получается устроить их встречу с кумиром. Я предвкушаю их предвкушение. Однажды мы с папой говорили про Рода Стюарта, и отец рассказал, как давным-давно на одном концерте залез на ворота для регби, чтобы хоть краем глаза увидеть певца. Так приятно, что я смог их познакомить.

Я всегда старался учиться у тех, кто опытнее меня. И я думаю, что могу многому научиться у «знаменитых» людей, потому что многие из них крепко стоят на земле. Потому я и думаю, что это вообще возможно: играть в успешной группе, находиться на глазах у публики и не стать при этом примадонной. Такие звезды убеждают меня в том, что люди — это просто люди. Помните, я говорил в начале главы, как родители учили меня, что все равны? Я совершенно не думаю, что моя известность делает меня в чем-то лучше остальных. Если постараться, можно найти общий язык с кем угодно.

Вокруг нашего третьего альбома, «Midnight Memories», поднялась невероятная шумиха. Одновременно с тем мы снимали фильм «Это мы», и это было превосходно. Мы уже привыкли к видеокамерам, поэтому смогли расслабиться и хорошо провести время. Так приятно было видеть, что многим понравился наш фильм! Тот день на Лестер-сквер… что про него скажешь? Отличный был день!

Думаю, это был один из тех редких случаев, когда мы могли

единодушно согласиться: может, наша группа и правда чего-то достигла, может, мы неплохо справляемся. Такое случалось нечасто, но на этот раз у нас появилась возможность посмотреть на все со стороны и оглядеть проделанный путь. То же самое с «Днем One Direction». Разве можно не испытывать восторга от поддержки такого количества людей, которые пробыли с нами практически целый день? Нам очень понравилось опять чувствовать ту непосредственную связь с фанатами. В этом вся прелесть современных технологий и социальных сетей: так можно поддерживать отношения, проявлять свое неравнодушие. Наши поклонники достойны того, чтобы мы о них думали. Нам так повезло с аудиторией, что иногда приходится щипать себя: мы поверить не можем, что это не сон.

Мы едва можем дождаться турне. Когда на репетиции мы впервые увидели размеры зала, то так и ахнули. Это огромная честь: выступать перед таким количеством поклонников в таком количестве стран. Есть в этом и эгоистичная радость. Мне ужасно нравится выступать вживую, нравится этот драйв. Говорят, что адреналин — наркотик, и я на своем примере могу подтвердить, что он вызывает зависимость. Если бы мне пришлось уйти с большой сцены, я бы скучал по приливу адреналина. Я уверен, что мы ведем совершенно потрясающую жизнь. На концертах мы испытываем такое чистое, такое незамутненное удовольствие, нас окатывает такой волной радости, что большего и желать нельзя. Мы вечно будем благодарны за то, что не раз почувствуем это, путешествуя по миру.

Группа стала для нас неиссякаемым источником возможностей. Такой шанс выпадает не каждый день, и в каком-то смысле нам пришлось многому поучиться, чтобы понять это. Никто не учит справляться с такой удачей.

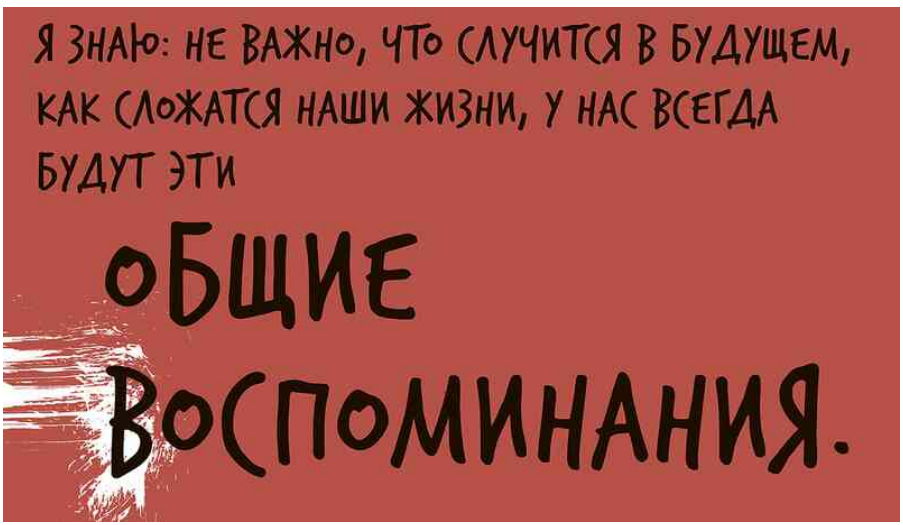
Да, временами жизнь идет по какому-то совершенно безумному сценарию, но каждый из нас пятерых знает, что чувствуют остальные четверо. И это — одна из лучших сторон One Direction. Я знаю: не важно, что случится в будущем, как сложатся наши жизни, у нас всегда будут эти общие воспоминания. Если подумать, совершенно сумасшедшие воспоминания.

Многие люди говорят, что жизнь коротка. Легко отмахнуться от этих слов, фраза-то избитая. Но я уже успел осознать, что жизнь и правда коротка, так что надо постараться и выжать из нее все до последнего.

Знаете, часто случается так, что люди хотят быть знаменитыми, мечтают о внимании, которое сопровождает славу, но как только они получают то, чего хотели, то сразу начинается.

«Ой, а не так уж это и приятно!» Но на самом деле надо думать иначе: «Нет в этом ничего настолько ужасного, незачем жаловаться, не о чем сожалеть. Плюсы в любом случае перевешивают».

Я от души благодарен за все те возможности, которые предоставила мне группа. В мире много профессий, которые требуют от человека гораздо большего и вознаграждаются куда хуже. Мне не о чем ныть. Мне невероятно повезло, что у меня появились большие возможности и что все это случилось со мной. Со всеми нами.



Зейн

Мне посчастливилось родиться в большой и очень дружной семье, и воспоминания о детстве у меня по большей части самые светлые. Вырос я в Брэдфорде, есть такой город на севере Англии. Жить там было интересно, хотя иногда и сложно. Это отличная область, там чувствуется дух семейственности и добрососедства. Но, когда я был ребенком, туда стали приезжать новые семьи, а старые, наоборот, уезжать, так что состав жителей стремительно менялся.

Это повлияло на меня по той причине, что я происхожу из смешанной семьи. В раннем детстве мне и в голову не приходило, что быть ирландцем, англичанином и азиатом — это что-то неправильное, что может вызвать проблемы. Я просто радовался жизни и играл со своими тремя сестрами и друзьями. Но я рос, и дети начали задавать мне странные вопросы. Именно тогда я понял, что некоторые из них считают меня… как бы это сказать… другим.

Детям нравится раскладывать все по полочкам: так уж идет процесс взросления, это помогает им разобраться в окружающем мире. И ничего плохого в этом нет. Таковы уж дети. Очень любопытные. Иногда это нормально, например когда в школе тебя спрашивают, за какую футбольную команду ты болеешь или какую музыку слушаешь. Но когда я стал постарше и начал тусоваться с разными ребятами, некоторые из них задавали мне

вопросы, которых я не понимал. «Откуда твои родители?» или «Откуда ты родом?» А еще «Почему мама у тебя белая, а папа коричневый?» Честно скажу: до того как у меня это спросили, я ни разу об этом не задумывался, а потому совершенно не знал, что ответить.

Я был в замешательстве. Не по поводу того, кто я такой и что для меня важно. Мне было непонятно, почему вообще детей интересуют такие вещи. Какое это имеет значение? И я подумал: «Почему вас это волнует? Ваше-то какое дело? Моя мама — это моя мама, а мой папа — это мой папа, вот и все».

Мне повезло, что у меня чудесная и дружная семья. На фото мы с сестрой Донией

Я рос со своими сестрами Сафаой, Валией и Донией, и детство у меня было очень счастливое

В детстве я много времени проводил один. Мне нравится

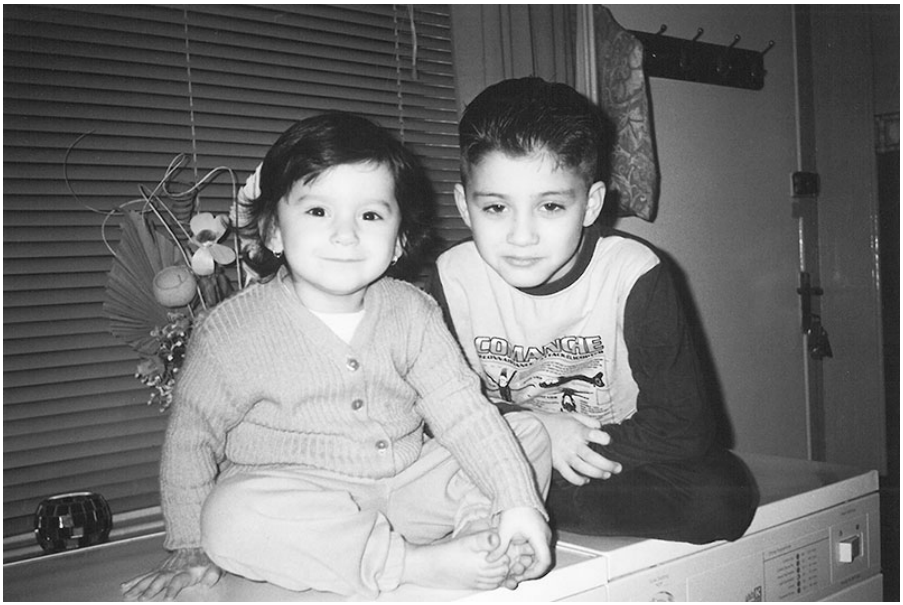
иметь личное пространство, нравится чувствовать свободу быть собой и делать все так, как захочу сам. Я — единственный мальчик в семье с четырьмя детьми и поэтому часто сидел в своей комнате и играл в компьютерные игры или читал комиксы… Ну, что мальчики обычно делают! Я любил ходить в школу, но друзей у меня было немного, буквально пара-тройка человек, но очень мне близких. Я всегда был независимым.

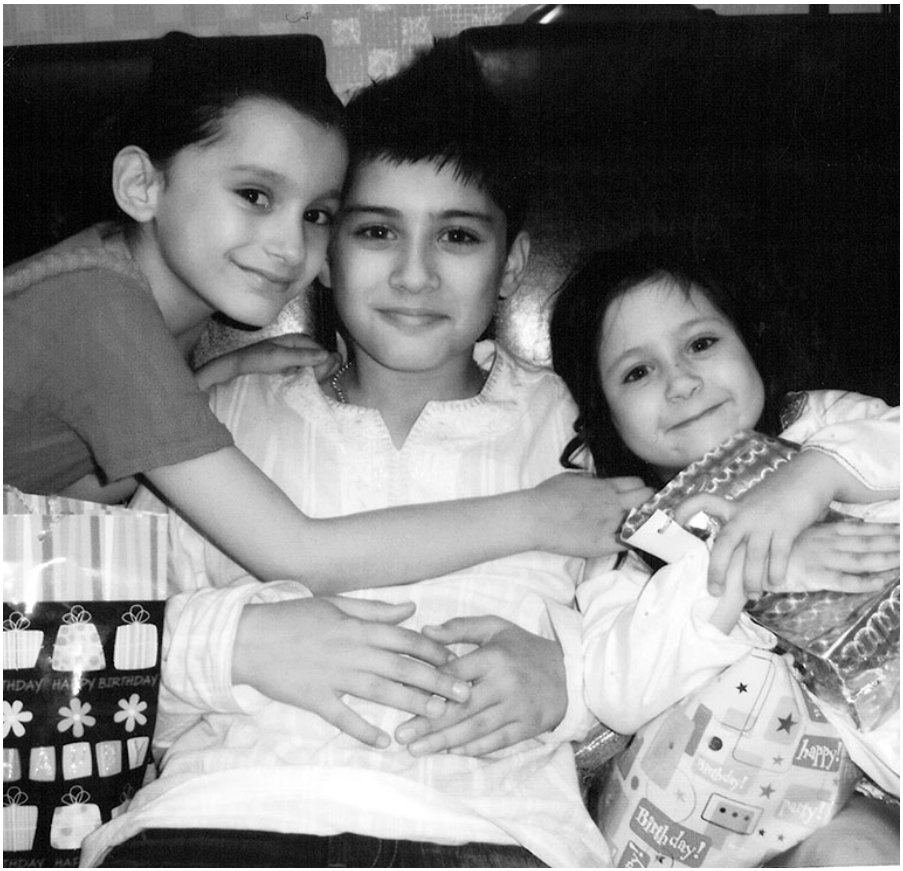
Интересно, как эта самостоятельность развивалась вместе со мной. Еще до того как стать подростком, я уже знал, что некоторые ребята считают, что я отличаюсь от них, и иногда это приводило к плохим последствиям. Конечно, в детстве хочется, чтобы тебя принимали, — никто не желает быть изгоем. Но потом, с наступлением переходного возраста, я начал любить ощущение «особенности». Я понял, что это круто — отличаться от остальных! К пятнадцати годам я уже стал наслаждаться этим чувством.

С появлением One Direction уверенности в себе у меня прибавилось. Я был вполне доволен собой. Музыка и вообще индустрия развлечений — очень интересная, разнообразная сфера; там встречаешь много ярких личностей. Среди музыкантов поощряется «инаковость», ею восторгаются. Так что могу сказать прямо: когда я попал в группу, это перестало быть проблемой. Причем как для меня, так и для всех окружавших меня людей: других участников One Direction, администрации, всех работников закулисья. Ни разу я больше не почувствовал дискомфорта по этому поводу. Теперь, когда мне скоро перевалит за двадцать, я вижу, что такие сложности сделали из меня человека, которым я являюсь.

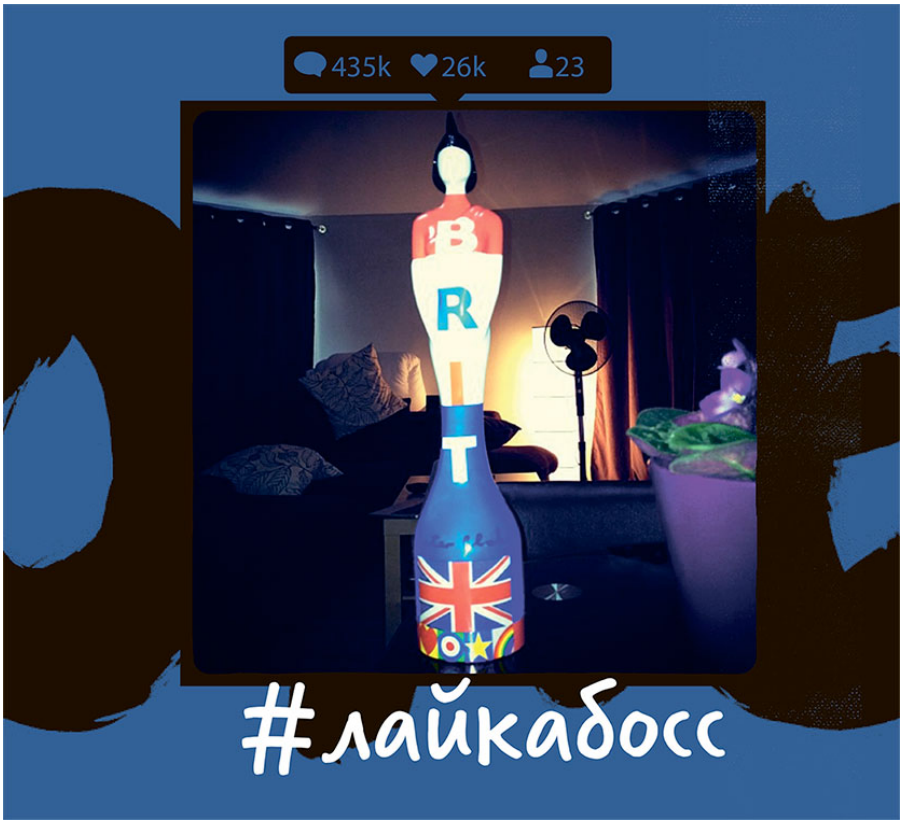
Я был хулиганистым мальчуганом и, как уже говорил раньше, не мог усидеть на месте. Прыгал по всему дому, вечно смеялся и шутил, искал, кого бы поддеть!

У моей мамы просто ангельское терпение, но и она иногда говорила мне: «Зейн! Успокойся! Пожалуйста, посиди тихо!» А я не мог продержаться дольше пяти секунд. Дошло до того, что она, не зная, чем еще меня занять, вынуждена была пойти к доктору. Хотела узнать, что ей со мной делать. Мне назначили какие-то анализы и в итоге решили, что дело в непереносимости витамина С и что именно он был причиной моей гиперактивности.


COMANCHE



Дурачимся с сестрами на дне рождения



Если я съедал что-нибудь особо витаминное, то просто на ушах стоял. Итак, мне сказали не есть апельсинов и других цитрусовых, и это помогло. С возрастом я стал спокойнее. Совсем угомонился я годам к восемнадцати: как раз, по иронии, к тому времени, когда попал на X-Factor.

Тогда я уже несколько лет провел на сцене. В начальной школе я пел в хоре, и это мне ужасно нравилось. Заняться исполнительским искусством всерьез я решил, когда мне было лет двенадцать. Но не уверен, что мои мотивы понравились бы учителю пения. Тогда дело было вовсе не в том, что я хотел выступать на сцене! Я пошел в специализированную школу и довольно быстро увидел, что многим ребятам нравится играть в театре и петь, что это не только девчачье занятие, как часто думали мои сверстники. А потом я понял, что если ходить на все эти занятия, то женского внимания будет хоть отбавляй! И я подумал про себя: «Все эти взрослые, клевые девчонки узнают обо мне!» Соотношение девочек и мальчиков тоже было в мою пользу, так что я был настроен ходить на занятия.

Однако, оказавшись в классе, я быстро забыл про свои фривольные мотивы: мне до смерти понравилось выступать. Я

погрузился в занятия с головой, и они нравились мне куда больше, чем обычные школьные уроки. Однако и другие предметы я тоже не забрасывал, учился хорошо. Время от времени родители спрашивали, чем я думаю заняться в будущем, и я каждый раз отвечал, что больше всего мне нравится выступать на сцене. Мама с папой отвечали, что они поддержат меня, что бы я ни выбрал.

В те ранние годы играть в театре мне нравилось так же сильно, как и петь. В итоге я выступил в нескольких постановках, включая «Багси Мэлоун» и «Бриолин». Мне нравилось играть разных персонажей, пробовать разные акценты. Впервые в жизни я смог направить свою гиперактивность в какое-то русло, сделать ее творческой силой. Другая же половина меня, тихая и замкнутая, радовалась возможности больше общаться под личиной вымышленных персонажей.

В подростковом возрасте я всерьез заинтересовался музыкой. Больше всего мне нравился стиль R&B, поэтому когда я начал смотреть X-Factor и задумался, а не пойти ли на прослушивание самому, то думал спеть что-нибудь такого типа. Я немного почитал про это шоу и понял, что на X-Factor не было ни одного участника, который пел бы в этом стиле. Я подумал, что если попробую, то это будет что-то… другое. Ну вот, опять это слово.

Думаю, именно поэтому я и прошел первый тур: пел песни, которые люди моего возраста вряд ли бы выбрали. Пел мелодии из R&B девяностых, и, кажется, больше никто из ребят этого не делал. Мне хотелось стать первым на этой передаче, кто попробует себя в таком стиле, и еще мне казалось, что для семнадцатилетнего паренька очень круто было бы поисследовать более неформальную музыку. Очень смелый подход для такого юнца, как мне кажется. Конечно, передо мной встала новая возможность, когда мне сообщили, что меня хотят взять в группу. Выбор был очевиден. Я подумал: «Либо я уйду домой прямо сейчас, либо попробую». Я знал, что такого шанса может больше и не представиться, и поэтому рискнул… Похоже, не прогадал!

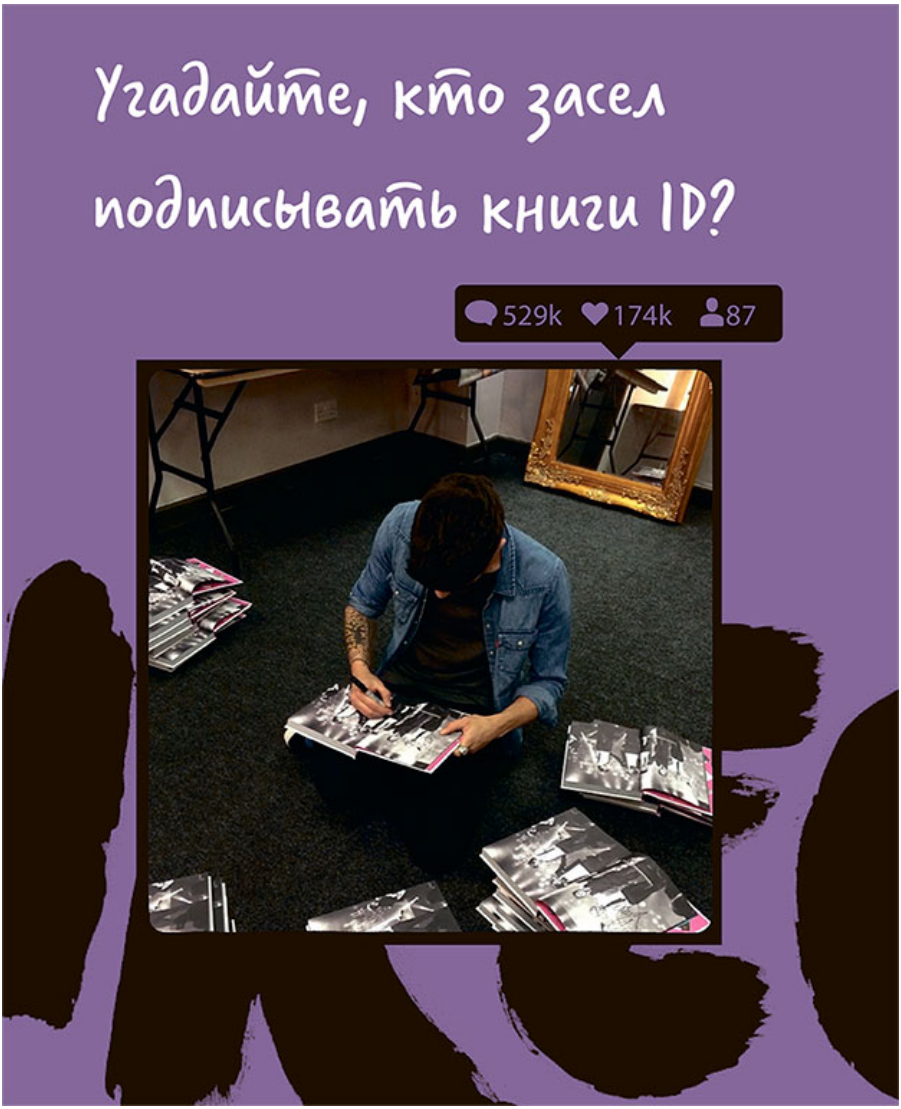
Звучит это так, будто я был очень расчетливым. Но нет, все не совсем так. В том возрасте — да и с самого детства, в принципе, — я был мечтателем. У меня были большие планы, и я мечтал, что когда-нибудь все мои намерения осуществятся. Поэтому всегда подходил к жизни с позиции «Ну а что, можно попробовать». Не могу сказать, что был амбициозен или неуклонно стремился к цели. На самом деле, даже в день прослушивания на X-Factor я не хотел вылезать из кровати! Думаю, хорошо, что я был мечтателем: это показывает, как я был невинен и как прекрасно относилась ко мне моя семья, раз она

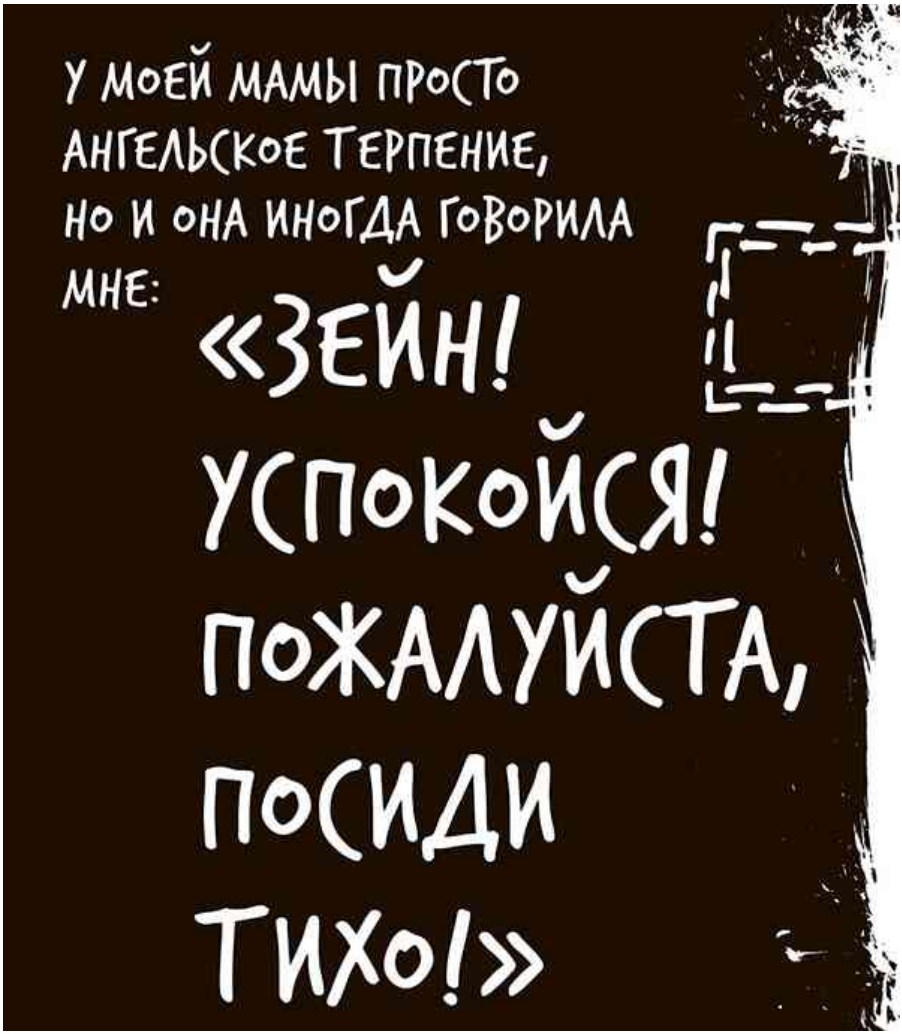
заставила меня поверить, что я могу исполнить свои мечты. Где бы я ни выступал, в школе или где-то еще, мои родители всегда были в зале, смотрели на меня, поддерживали. Они всегда говорили мне следовать за мечтой. Это прекрасный взгляд на жизнь, и он сильно повлиял на меня. Я очень благодарен папе и маме за это.

Вы все знаете, как развивались события на X-Factor. Эх, какие же это были времена! Правда, трагичное тоже случалось: я тогда потерял своего дедушку. Было очень тяжело, очень странно. Пока идет шоу, вы словно живете в мыльном пузыре. Это сложно объяснить. Наверно, не поймешь, пока сам там не окажешься. Много недель у тебя нет почти никакого контакта с внешним миром, и ты только и делаешь, что работаешь, репетируешь, ходишь на интервью… сплошная рутина. Ни на что больше времени не остается. Может, увидишься с семьей на часик после субботнего шоу, ну и все. На следующий день пора возвращаться на репетиции. На этот период внешний мир словно замирает.

Но однажды мне позвонили и сказали, что дедушка — которого я обожал — умер.

Угадайте, кто засел подписывать книги ID?





Он уже долго болел, и мы знали, что он долго не протянет. Но все равно это было огромное потрясение. Странно переживать такое. Как я уже говорил, у меня отличные отношения с семьей: мы очень близки и поддерживаем друг друга во всем. Это очень мне помогло, но все равно мое участие в шоу поставило все с ног на голову. Я жил среди постоянных контрастов. Из-за всей шумихи, что царила на шоу, я до конца осознал, что дедушка умер, лишь несколько месяцев спустя. Я сидел дома, болтал о чем-то с мамой, а потом пошел наверх, к себе в комнату. И тут меня накрыло воспоминаниями. И я подумал: «О боже, я ведь больше никогда не увижу дедушку…» Вот тогда мне стало по-настоящему плохо.

Он был таким клевым. Представляете, распорядился, чтобы на его похоронах играла «What Makes You Beautiful» — песня,

которую мы пели на X-Factor. Это было очень в его духе: находить что-то хорошее даже в самых ужасных событиях. Когда мы потеряли его, мне хотелось сделать какой-то символический жест в его память. Именно тогда я набил свою первую татуировку: дедушкино имя на правой стороне груди.

И раз уж мы говорим о тату. Наверно, вы заметили, что у меня их немало. Мне ужасно нравится набивать что-то новое, и еще мне по душе культура, связанная с татуировками. Приятно зайти в тату-студию, поговорить там с интересными людьми, почувствовать себя частью всего этого. Когда я делал свою первую тату в честь дедушки, то понял, что не так уж это и больно. И мне захотелось еще. Сейчас я работаю над рукавом до плеча. Я нашел в Лос-Анджелесе отличного парня, который теперь набивает мне все, что я захочу. Мне нравится, что татуировки помогают сказать что-то, не говоря ни слова. Понимаете, о чем я? Я не из тех людей, кто любит громкие заявления и стремится привлечь к себе всеобщее внимание.

Татуировки — это нечто иное. Это скорее тихое напоминание самому себе о значимых событиях в моей жизни.

Так или иначе, возвращаюсь к One Direction. Мы подписали контракт со звукозаписывающей компанией почти сразу же, как закончилось шоу. Это было очень неожиданно. Я сильно переживал, что мы заняли аж третье место. Чувствовал, что мы хорошо справились, но все равно говорил ребятам: «Парни, нам отлично известно: нет никаких гарантий, что у нас есть какое-то будущее, даже что нам предложат контракт». Поэтому когда мы все-таки получили это предложение, то поняли — это отличное начало. Я знал, что даже до выпуска первого сингла нам еще пахать и пахать, но по крайней мере у нас теперь был шанс.

У нас пятерых с самого начала установилось полное взаимопонимание. Если возвращаться в прошлое, то, наверно, могу сказать, что мы подружились, когда гостили у отчима Гарри в бунгало. Я приехал поздно из-за семейных обстоятельств. Пока я разбирался с ними, папа уговаривал меня остаться еще ненадолго и не уезжать на репетиции, предлагал еще побыть дома. Может, он знал, что когда я буду работать с группой, то уеду из дома практически навсегда? Может, он пытался удержать меня…

Ну, так или иначе, надо было уезжать и репетировать. За мной заехал Луи. Подъехал к самому дому и припарковался в своем маленьком «Рено Клио». Прокричал: «Выходи, Зейн!» — я выбежал на улицу и прыгнул в машину. Он вел машину неосторожно, лихачил, и я подумал тогда: «Какой забавный паренек». Мы чуть не попали в аварию на шоссе. Но на самом

деле Луи отлично водит, поэтому он умудрился как-то развернуться, и мы избежали трагедии. А вообще, если говорить серьезно, я сразу понял, что мы поладим. Он хороший парень.

И вот мы добрались до бунгало. Поначалу мне было неловко, ребята расспрашивали меня, почему я опоздал, но потом все пошло как надо. Мы практически все время смеялись. И я подумал, что проблем с ними не будет.

Первые недели после завершения X-Factor были очень напряженными: мы работали у других групп на разогреве, выступали по клубам. Тогда мы только-только начинали, и все было нам в новинку. Ездили по всей стране, играли в странных местах, куда набивалось по двести пятьдесят человек… безумные были времена. Больше всего меня удивляло, что девчонки

хлопались в обморок при нашем появлении. Я говорил ребятам: «Не понимаю, что это с ними такое. Странно, что они вообще о нас знают!» Мне приходилось напоминать себе, что мы только что провели несколько недель на самом знаменитом в Британии шоу. Люди каждую неделю смотрели наши выступления. Я сам много лет смотрел X-Factor и поэтому понимаю, что со временем зрители сживаются с участниками. Наше руководство говорило мне: «Зейн, вы очень близки девочкам, которые следили за передачей. Вы только начинаете знакомиться с фанатами, но они-то вас знают уже несколько месяцев». Теперь я это понимаю, но тогда такая реакция явилась большим шоком. Я был совершенно сбит с толку.

Мне очень повезло в том смысле, что в One Direction у нас есть возможность путешествовать по миру. Я повидал многие страны, познакомился с многими потрясающими культурами. Это удивительный опыт, я многому научился, столько всего впитал в себя. Однако, когда группа только начинала свое существование, у меня даже паспорта не было. Я никогда до этого не летал на самолете! А если совсем честно, то и поезда не видел. Не думайте, что Брэдфорд — это какая-то там крошечная деревенька вдали от цивилизации! Это не так; я родом из большого города. Автобусная остановка, откуда я каждый день ездил в школу, находится как раз за вокзалом, но я так и не удосужился сходить и посмотреть на него. Никогда раньше не уезжал из Брэдфорда.

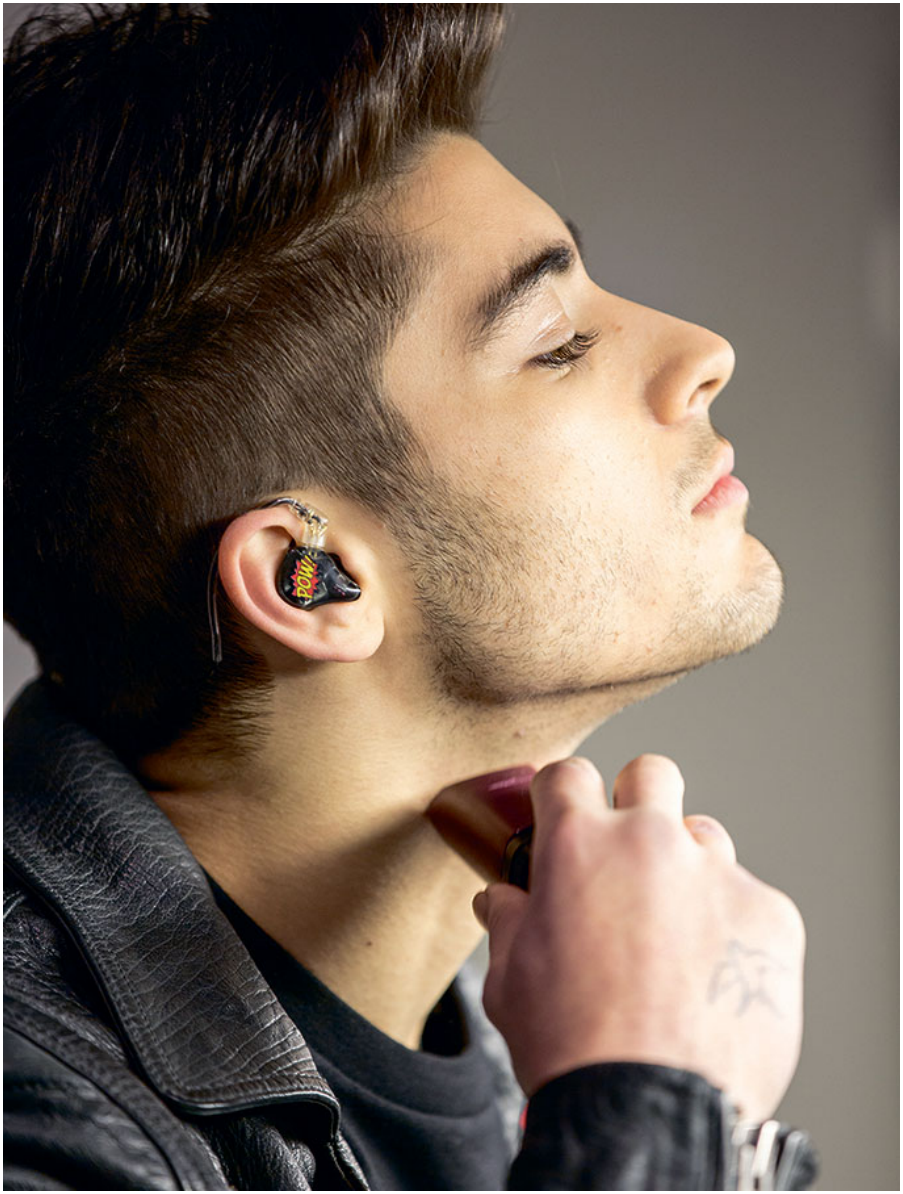
Поэтому, когда мы погрузились на самолет до Лос-Анджелеса и собрались лететь на запись нашего первого альбома, я сильно нервничал. Ребята делали только хуже: рассказывали мне, что пилот будет выписывать мертвые петли. Я чуть не обделался от ужаса! Спасибо, парни!

Эти сессии в Штатах и Швеции открыли мне на многое глаза. Пара ребят из группы уже бывали в Америке на каникулах, но я летел туда впервые и очень волновался. Встреча с американцами тоже принесла мне много эмоций: я пытался понять их акцент и незнакомые словечки. Настоящее приключение!

А еще я до этого случая ни разу не бывал на студии (вернее, был один раз, когда победители X-Factor записывали синглы, но тогда это заняло совсем мало времени). Я даже не знал, как петь в микрофон, находясь в этой кабинке. Совсем не похоже на то, когда поешь на сцене без наушников. Приходится сосредотачиваться на каждом звуке, потому что эти микрофоны улавливают мельчайшие нюансы. Мы учились петь по-новому, более технично и точно, чем на живых выступлениях.

Продюсеры на тех ранних сессиях были страшно дотошными. Требовали, чтобы мы пели определенным образом, чтобы все

звучало в точности так, как надо.



Настоящие перфекционисты, внимательные к каждой детали. Иногда целые часы посвящали шлифовке одного слова, хотели, чтобы результат был безупречным.

Для меня это было серьезным испытанием. Моя особенность в том, что я постоянно слышу в голове какие-то мелодии. Услышу какую-нибудь песню — и сразу представляю, как ее можно было бы исполнить иначе. На сцене это работает отлично: я могу

импровизировать, менять кое-что по своему усмотрению, но в студии такое недопустимо. Поэтому да, временами мне приходилось нелегко. Иногда у меня в мозгу играла своя версия мелодии, и приходилось записывать мои строки раз за разом, пока они не начинали звучать похоже на изначальный вариант. Да, это было тяжело. Продюсеры ничего не упускали из вида. Хотели, чтобы не к чему было придраться. И, давайте признаем, в результате появилась «What Makes You Beautiful».

Для первого сингла эта песня была просто идеальна. Я чувствовал, что это роскошная поп-композиция. Мы все так считали. Нет, я не думал, что она займет первые строчки во многих странах, но мне все равно казалось, что она хорошо выражает индивидуальности нас пятерых. Мы не очень любили, когда девушки красятся, и до сих пор не любим. Некоторые хиты не могут похвастаться безупречным моральным посылом, но нам не хотелось иметь дело с сомнительными темами. Если быть совсем честным, я думаю, что через несколько лет нам будет неловко петь эту песню, потому что мы повзрослеем и поменяемся. Но даже если и так, для нас это знаковая вещь. Когда мы поем ее на концертах, толпы просто с ума сходят, и мы сами тоже проникаемся. Нам очень повезло, что «What Makes You Beautiful» стала нашим дебютным синглом, а еще больше — что она заняла первую строчку в британском хит-параде. Согласитесь, прекрасное начало!

Вскоре после этого шумиха вокруг One Direction приобрела угрожающие масштабы. Вспомнить, например, тот случай, когда нас обступила толпа в Хитроу. С нас в буквальном смысле срывали свитеры. Настоящее безумие. Я сказал тогда ребятам: «Не думал, что когда-нибудь увижу такое со стороны, не говоря уж о том, что это случится со мной». Когда мы выступали на разогреве у других групп, а потом ездили с туром X-Factor, девушки иногда бегали за нашей машиной по дороге. С самого начала бред какой-то творился. Столько фанатов хотели с нами познакомиться, вы просто не поверите. Но в Хитроу это уже вышло за все мыслимые границы. Хотя наш сингл тогда еще не выпустили, я уже начал думать, что, может, нас ждет большое будущее.

Забавно, как люди иногда считают, что нашей группе все давалось легко. Отчасти это и правда так, но я помню, как неуверенно себя чувствовал после выхода нашего второго сингла, «Gotta Be You». Его приняли похуже, чем первый. Тот получился просто идеальным, но следующий за ним не попал в яблочко. Я сказал тогда парням: «Что-то клип мне не очень. Не уверен, что этот сингл будет таким же успешным». В общем и целом наша

песня людям понравилась, но ее встретили без прежних восторгов. Она заняла третье место (что было прекрасно), но я все равно беспокоился и говорил: «Ребят, а что если пик нашей славы уже позади? Может, наше время уже прошло? Может, мы не станем такими известными, как думают некоторые?» Было бы ужасно облажаться теперь, когда мы уже почувствовали вкус славы.

К счастью, в нашем распоряжении было секретное оружие: наши восхитительные поклонники. Фанаты One Direction — люди уникальные. Они делают все, чтобы продвигать нашу группу в мире. В те ранние дни нас неизменно потрясало могущество наших поклонников. И мы постоянно обсуждали это: «Ты вообще можешь поверить, что люди делают ради нас?» Есть поговорка про «оказаться в нужное время в нужном месте», и мне кажется, что с нами случилось именно это. Особенно в том смысле, что у нас такие невероятные фанаты, и вдобавок они могут говорить о нас в Интернете. Это сильно повлияло на наш ранний успех.

У меня есть своя теория насчет нашего поколения и его связи с социальными сетями. Углубляться не буду, но если в двух словах, то, я считаю, Интернет стал значительным фактором в истории нашей популярности. Мне хочется еще поговорить о том, как важны для нас наши фанаты. У каждого поколения есть что-то типично «свое», и, когда мы начинали свою карьеру, ребята нашего поколения знакомились с социальными сетями. Это и было «наше». Было какое-то чувство, что теперь мы возьмем все в свои руки. Именно так мы справляемся с жизненными трудностями: при помощи соцсетей. Если у нас есть мнение по какому-то поводу, мы просто обязаны сообщить о нем в Интернете, и именно так люди рассказывают друг другу о группах, которые им нравятся. Мы все общаемся с миром посредством твиттера, фейсбука и — в последнее время — инстаграма. Теперь мы не ограничиваемся разговорами с соседями и болтаем с людьми со всего света. Наше поколение решило стать гражданами мира.

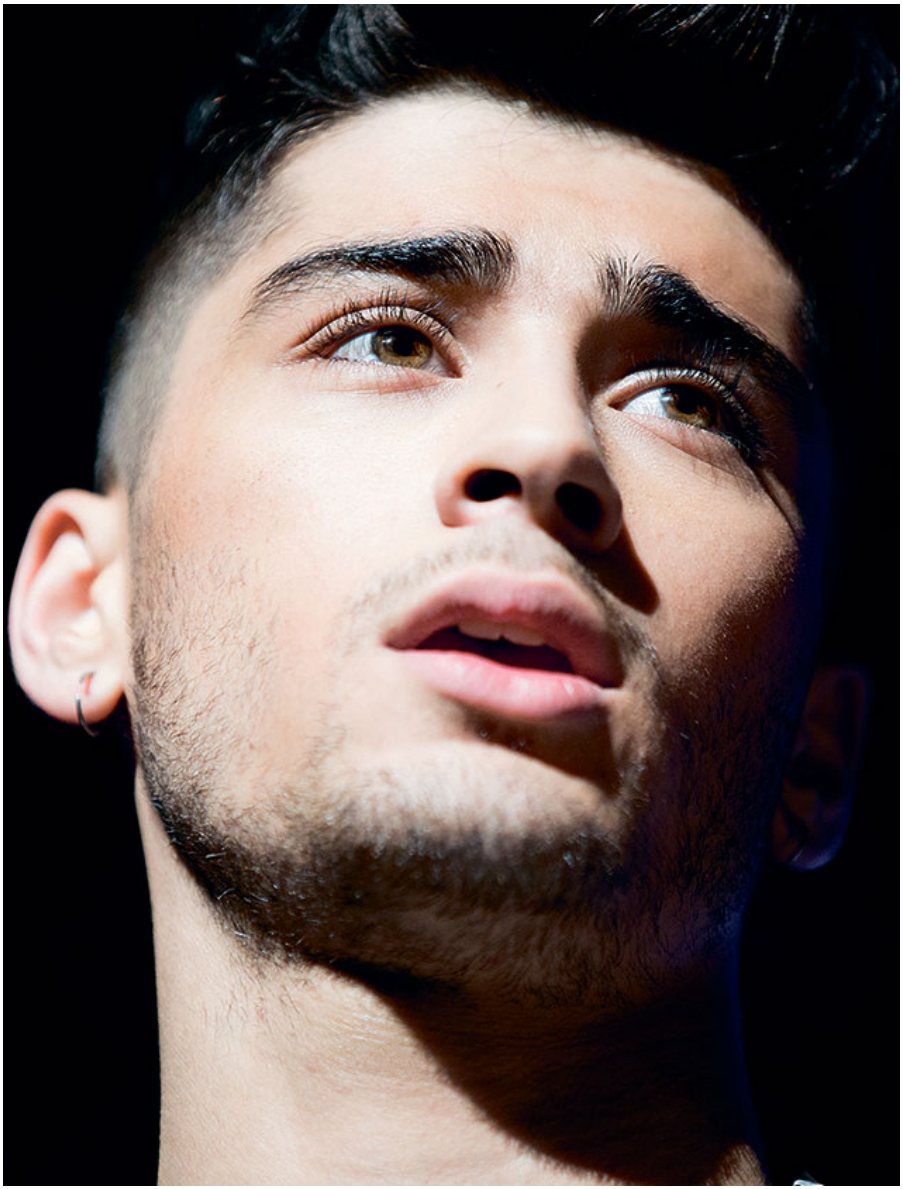
Все это происходило незадолго до и во время появления нашей группы. В итоге фанаты заговорили о нашей группе в Интернете, и их услышали люди повсюду.

Даже одно то, что мы появились на самом крупном шоу в Великобритании, уже было невероятно. Но из-за того, что жители Соединенного Королевства много общаются в твиттере, к ним прислушиваются. И вот внезапно о нас уже говорят по всему миру. Как только фанаты начали обсуждать нас онлайн, слава наша стала расти как снежный ком. В этом состоит одна из главных причин того, что мы так быстро стали знаменитыми, —

возможно, быстрее, чем любая другая группа (я сейчас говорю не о масштабах, а именно о том, как это случилось). Может, мы стали первыми музыкантами, кому помогла эта новая интернет-площадка. Не знаю, может, я слишком многое тут додумываю. Но одно я знаю точно: как только наши поклонники вышли в Сеть, все пошло по-другому.

Для меня наша первая пластинка, «Up All Night», стала знаковой для своего времени. Наверно, теперь голоса у нас стали пониже, а в песнях изменились слова (мы же стали старше!), но тот альбом — очень искреннее отражение того, кем мы были как группа и как отдельные личности. Я до сих пор думаю, что в том альбоме есть много крепких поп-хитов. Мы многого добились с его помощью: стали первыми во многих чартах и получили хорошие отзывы в самых разных странах. А ведь мы тогда были совсем детьми. Для нас крайне важно было просто выпустить эту пластинку в свет и узнать, что она нравится людям. Я очень этим горжусь.

Тур в поддержку альбома был просто потрясающим. До этого мы выступали у других групп на разогреве, дали серию концертов с другими участниками X-Factor, много сделали для продвижения One Direction, но все это не шло ни в какое сравнение с театральным турне. В то время я почти не спал, да и остальные тоже. Убойное было время!



Мы поздно заканчивали работу, иногда засиживались до утра, а потом дремали час-другой и на рассвете мчались на утреннее радио— или телешоу. Днем раздавали автографы или участвовали в разных акциях, и так до самого концерта. Я держался только на адреналине. До чего же здорово!

Было очень, очень тяжело, и единственным, что помогало мне не потерять рассудок, была мысль, что четверо остальных проходят через то же самое, чувствуют то же самое и переживают те же события. Да, мне очень повезло. При всей моей независимости и замкнутости, я был очень рад, что проживаю это

не один. Мне не приходится одному сидеть в автобусе после концерта и обдумывать случившееся. Больше всего я ощущаю этот братский дух именно в пути. Даже во время первого турне мы уже были тесно сплоченной командой. Когда мы разъезжаем в нашем автобусе, я понимаю, что эти ребята мне свои.

Думаю, что публика тоже это чувствует. Может, в этом и есть часть нашего обаяния. Я надеюсь, наши поклонники в курсе, что мы с ребятами дружим и за кулисами тоже. Играя в группе, можно притворяться на ТВ или в клипе, но мы любим проводить время вместе и в жизни. Это очень приятное чувство. Я думаю, со стороны заметно, искренне себя ведут люди или нет. Притворство ощущается сразу. А мы дурачимся вместе, как обычные приятели. И еще мы не ставим себе целью быть идеальными друзьяшками. Если кто-то из нас не согласен с остальными, мы можем повздорить полчаса, а потом просим друг у друга прощения.

И мы до сих пор отлично веселимся вместе. Если бы я не был с ребятами в одной группе, то смотрел бы на них и думал: хотел бы я с ними дружить. Мы похожи на банду: у нас есть куча приколов, которые понимаем только мы сами. Иногда мы ведем себя как закрытый клуб, но это и хорошо: помогает справиться со всякой фигней. Когда мы собираемся вместе, то со стороны, вероятно, выглядим странно. Мы вечно подкалываем друг друга. Но нам самим это очень нравится.

Нашим следующим шагом стала поездка в Штаты. Она была большим потрясением: мы понятия не имели, чего ожидать. Америка — это грандиозное место в самых разных смыслах. География, население, огромное количество радиостанций, концертных площадок. Нужно сделать уйму всего, чтобы про тебя узнали. Непростая задача! Но знаете что? Услышав о ней, мы подумали: «Скорее бы взяться за дело!»

Мы пообещали выступать на разогреве у Big Time Rush. И вот мы уже разъезжаем в обшарпанном фургоне, останавливаемся в каких-то захудалых отелях. «Что-то мне не очень нравится твой номер, Лиам!» Да, нам приходилось останавливаться в самых удивительных местах!

С самого первого концерта стало понятно, что фанаты знают слова всех наших песен. Когда мы заканчивали выступление и прыгали в наш заржавелый фургон, из концертного зала появлялись толпы девчонок и бежали за автобусом по дороге. А мы выглядывали из окон, трясли головами и спрашивали друг друга, что происходит. Так странно было видеть такое. Очень лестно, конечно… но все равно странно. Иногда, чтобы осмыслить происходящее, нам приходилось вслух проговаривать это друг другу: «Итак, эти люди живут в Северной Америке.

Откуда они могут знать слова наших песен?» Ничего не понятно!

В те ранние дни в Штатах мы как-то раздавали автографы в торговом центре. Одна девушка протянула мне диск. Когда я брал его, то, видимо, случайно задел ее руку… И девушка рухнула на месте. Упала в обморок. Прямо грохнулась на пол! Я ничего такого в жизни не видел и не мог поверить глазам. Когда я заметил, что у нее закатываются глаза, то хотел схватить ее за руку, но было поздно: она уже лежала на полу.

Я даже не понимал, что происходит. Вообще не врубался. Ребята говорят, это было заметно по моему лицу. Я совсем ошалел и думал только: «Что, это правда случилось?» Парням я сказал вот что: «Никогда раньше не видел такого, но если уж на то пошло, то так реагировать можно на Майкла Джексона или Элвиса. Никогда бы не подумал, что на кого-нибудь произведет такое впечатление мое появление». Безумно странно! Я не понимал этого тогда и, если честно, не понимаю и сейчас.

В Штатах все было так волнительно. Каждую секунду нас ждало новое приключение; совершенное безумие и вдобавок такое прекрасное. Жизнь стремительно летела вперед, но я старался помнить, как важно сохранять связь с семьей и друзьями. Нужно выделять время для общения с ними.

Безумие вокруг One Direction и не думало заканчиваться. «What Makes You Beautiful» вошла в американскую тридцатку, потом мы выиграли Brit Awards, что было уже совершенно невероятно. Наш дебютный альбом решили выпустить в Штатах на неделю раньше, потому что он мог еще сильнее подстегнуть нашу популярность.

Поначалу я не возлагал особых надежд на пластинку. А потом до нас стали доходить разговоры о том, что многие заказывают наш альбом заранее, что фанаты раскупят множество копий.

Когда я понял, что у нас есть хоть малейший шанс стать первыми, сразу сказал ребятам: «Давайте сделаем все, что в наших силах, чтобы так и случилось». Мы хотели стать первой британской группой, которая добьется этого со своим первым альбомом. Очень хотели.

Сцена Б в Мельбурне!!!

179k 480k 124

Мы соглашались на все интервью, ходили на все радиостанции, куда нас приглашали, появлялись на ТВ так часто, как только получалось. Любая акция, которая в теории могла помочь нам продать больше копий, сразу принималась на ура. Мы работали слаженно и поэтому впятером (да еще и при поддержке нашей команды!) смогли многого добиться.

Удивительно, насколько мощным оказалось наше появление на шоу Today. Само выступление прошло удачно, и мы хорошо повеселились. Мы чувствовали себя немного нелепо в Нью-Йорке, но самым внезапным оказались размеры толпы, которая пришла

нас поддержать. Я смотрел по сторонам, пока пел. И поймал себя на том, что думаю об историях всех этих людей: как они приехали сюда на автобусе или поезде, отпрашивались из школы или университета, а то и с работы, тратили деньги на поездку и еду, а еще до этого — собирались, чтобы съездить посмотреть на нас. Я говорил и говорил себе: «Сколько тут людей! И сколько они приложили усилий!» Странно уже то, что ради нас делает что-то хотя бы один человек, но, когда видишь тысячи лиц, которые хотят тебя увидеть, преисполняешься благодарности. И ведь мы даже не давали концерта, это была всего лишь телепередача! А люди приложили столько стараний, чтобы прийти и постоять на улице… Ох! Когда я задумываюсь, чего им это стоило, у меня просто крышу сносит.

Когда зазвонил телефон, я валялся в своем номере в гостинице. Другие ребята ушли бродить по Нью-Йорку, а я просто отсыпался. И тут раздается звонок, и кто-то из нашей администрации говорит: «Зейн, у меня отличные новости! Альбом занял первое место!»

А МЫ ВЫГЛЯДЫВАЛИ ИЗ ОКОН, ТРЯСЛИ ГОЛОВАМИ И СПРАШИВАЛИ ДРУГ ДРУГА, ЧТО ПРОИСХОДИТ. ТАК СТРАННО БЫЛО ВИДЕТЬ ТАКОЕ.
ОЧЕНЬ ЛЕСТНО, КОНЕЧНО... НО ВСЕ РАВНО СТРАННО.

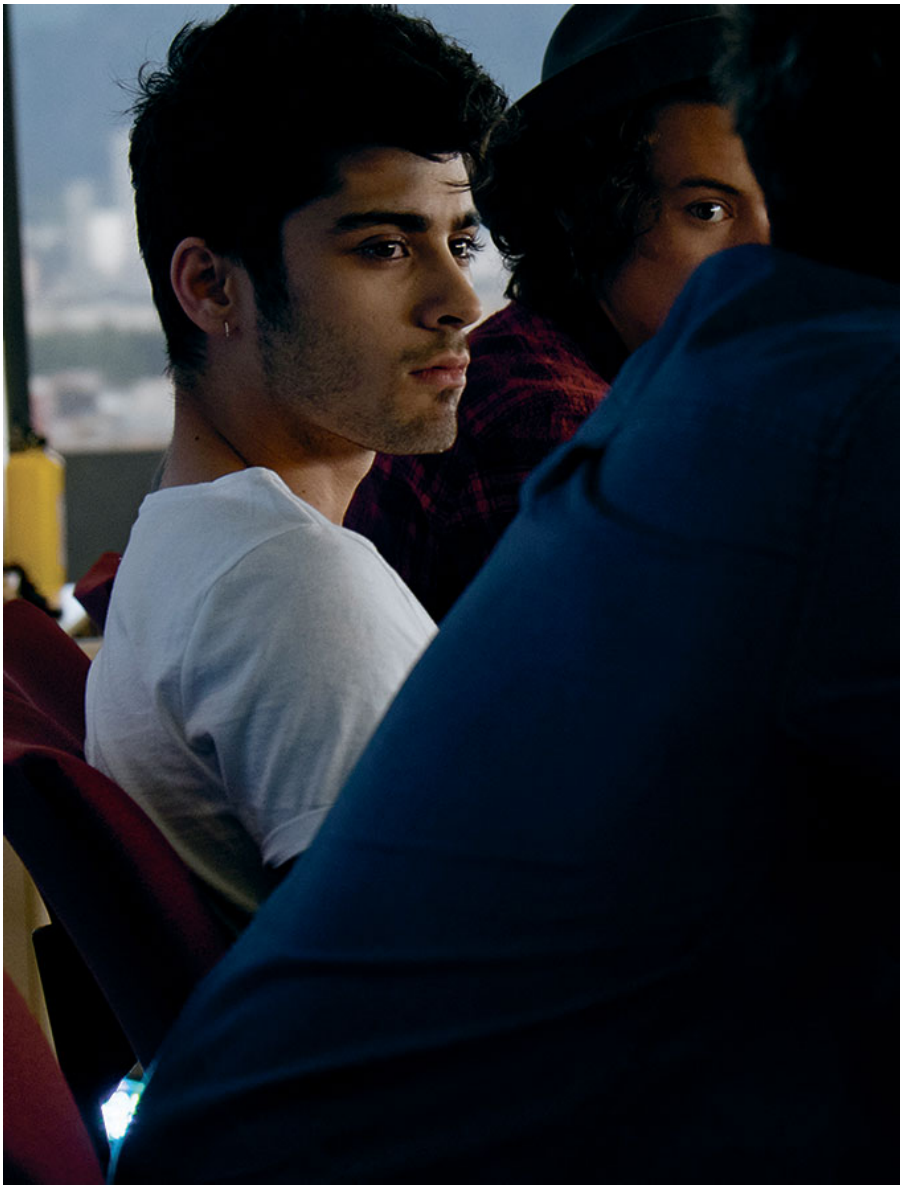
Сон как рукой сняло! Самое крутое в этом то, что до нас никому из британцев это не удавалось. Мы знали, что произошло нечто очень важное, но времени обдумывать это не было. Как и происходит обычно с One Direction. Мы продолжали выступать, и все ведущие и журналисты как один повторяли: «One Direction стали первой группой из Великобритании, чей дебютный альбом занял первое место в Штатах». Постепенно и до нас самих начало доходить. Я до сих пор думаю об этом с восторгом. Особенно если задуматься обо всех великолепных коллективах, которым не удалось то, что сделали мы. До чего странно! У меня слов не

найдется, чтобы выразить свои чувства.

После этого события сменяли друг друга в бешеном темпе. Мы встретились с Мишель Обамой, съездили в турне в поддержку альбома, тысячи раз появлялись на публике, участвовали в телепередачах. Ни минуты покоя. Но нам нравилось! Уставали ли мы? Конечно. Хотели закончить? Ни разу!

Самым невероятным событием того лета, конечно, стали Олимпийские игры. Выступать было непросто: мы стояли на грузовике посреди гигантского стадиона, и все взгляды были направлены на нас. За несколько дней до этого моя девушка красилась в блондинку, и я сказал: «Было бы забавно мне тоже осветлить пару прядей спереди». Ради смеха я так и сделал: прокрасил широкую полосу на лбу. А потом внезапно понял, что мне через несколько дней выступать на Олимпийских играх, и запаниковал. Что же мне делать? Я попытался зачесать их назад, но толку было мало. Решил так и оставить. И потом, выступая с того грузовика, я в глубине души думал: «Надеюсь, люди не обложат меня матом за эту светлую прядь!»

Но оказалось, что всем, наоборот, понравилось. Потом я, к огромному удивлению, узнал, что моя прическа повлияла на новый образ Призрачного Гонщика: светлая прядь стала огнем, который зажигается от него. Представьте себе! Я большой любитель комиксов, в детстве всерьез ими увлекался. У меня даже есть татуировка со словом Zap! на предплечье. Поэтому, когда я узнал про Гонщика, то очень обрадовался. С тех пор я успел побывать на студии Marvel. Прекрасное воспоминание.



За кулисами Олимпийских игр происходили невероятные вещи: к нам подходили и с нами разговаривали все эти офигенно знаменитые люди, которых я всю жизнь видел по телевизору: Spice Girls, Madness, Расселл Брэнд, Лиам Галлахер, все эти крупные звезды. Расселл Брэнд просто отжигал. Сказал, что мы выступили очуменно, а потом начал давать мне советы по планированию семьи! А я такой: «Расселл, тебе не стоит говорить со мной о таких вещах!» Очень забавный и милый человек.

С Олимпийских игр я начал понимать одну странную вещь: нас узнают звезды, все эти настоящие знаменитости. Были там и

такие, кто несколько смущался, общаясь с нами. Вот представьте себе!

И все это время мы писали для второго альбома. Проводили сессии в Лос-Анджелесе, Швеции и даже поработали в Лондоне. На этот раз мы хотели, чтобы пластинка вышла более личной, хотели больше вложиться в нее. Отчасти такое желание было вызвано тем, что теперь мы знали: эти песни нам предстоит петь годами. Я был целиком за такой подход и думал: «Надо, чтобы песни что-то для нас значили. Это важно».

Когда мы закончили альбом, я был очень им доволен. Во всяком случае, песни вроде «Live While We're Young» казались мне настоящим прогрессом. В пластинке чувствовалось больше драйва. Мы сохранили свою энергию, но на сей раз в каком-то улучшенном варианте. Как и в случае с первым альбомом, музыка правдиво отражала наши личности и нашу группу как целое. Нам очень нравилось выступать в поддержку этой пластинки — наверно, потому, что многие песни на ней вышли очень личными.

Еще больше мы обрадовались, когда и этот альбом занял первое место во множестве стран. Так нас вознаградили за старания: за все это время, что мы провели в дороге, работая над музыкой, за долгие часы работы, за попытки отыскать правильное слово или ноту. Наши усилия оправдались, и мы были очень горды. Особенно значительным достижением стало первое место альбома в Штатах. На сей раз от нас ждали большего, и мы чувствовали это давление, но оно лишь заставляло нас работать больше, стараться лучше. И все получилось!

Мы уже все рассказывали про концерт в Мэдисон-сквер-гарден, но это правда было знаковое событие для группы. Не только для нас пятерых, но и для всех, кто как-либо связан с One Direction. Мне показалось, что это был очень странный концерт: уйма знаменитостей захотела прийти и встретиться с нами. Крис Рок пришел со своими детьми. Это было офигенно, и он вел себя крайне мило. Мы начали тогда понимать, что звезды — это такие же обычные люди, у них есть свои семьи. Что слава — это просто часть их работы. А потом к нам в гримерку пришел легендарный режиссер Мартин Скорсезе. Ну что тут еще скажешь!

Адреналина после всех этих событий было хоть отбавляй. Может показаться, что наша работа начинается с выходом на сцену. Да, это важная часть вечера, но до этого мы провели время за кулисами, виделись со всеми этими знаменитостями, проверяли звук, общались с журналистами, готовились к выступлению, все такое. Нужно позаботиться обо всех этих вещах, а потом проследить, чтобы к нашему появлению на сцене все было идеально. Такие хлопоты добавляют новые нотки в

атмосферу концерта на большой площадке вроде Мэдисон-сквер или Олимпийского стадиона. Мне нравится!

Иногда мне не нравится, что моя работа связана с вниманием публики. Я довольно скрытный человек; наверно, именно поэтому мне в детстве так нравилось играть в театре. Мне было приятно то, что в пьесе или в мюзикле я играл кого-то другого, изображал персонажа. Но в One Direction все совсем иначе: я не исполняю роль, я являюсь самим собой. Думаю, поэтому я иногда смущаюсь. Я больше не кто-то другой; я — это я. Это делает меня в какой-то степени более уязвимым. Я понимаю, как работает этот механизм, но не вижу проблемы. Я стараюсь вдумчиво относиться к тому, что говорю или делаю, чтобы никого не обидеть и не осложнить никому жизнь, но это не всегда возможно. Люди забывают, что мы — обычные ребята, что мы еще растем, а потому иногда лажаем. Иногда нам приходится нелегко, но мы всегда стараемся делать то, что лучше всего для наших фанатов. Мне просто хочется заниматься музыкой: сочинять, записывать, выступать. Это мне больше всего по душе.

Разумеется, я не считаю себя знаменитым. Да и почему бы? Я понимаю, что наша группа привлекает много внимания, ну и что? На самом деле я даже не уверен, что такая категория людей — знаменитости — вообще существует. Зачем навешивать какие-то ярлыки лишь потому, что человек появляется на телевидении, поет песни или снимается в кино?

Да и не самый лестный это ярлык. Гораздо почетнее быть доктором, медсестрой или полицейским, заниматься чем-то таким. Каждый раз, когда слышу, что кто-то хочет быть знаменитым, я просто не понимаю зачем.

Мне бы не хотелось, чтобы меня называли звездой. Чем больше я встречаю прославленных людей, тем лучше понимаю: никаких звезд нет. Просто обычные люди. Однако для меня очень важны те знаменитости, которые нравятся лично мне. Они повлияли на меня, я от них чему-то научился, может, они заставили меня что-то переосмыслить. Если наша группа и оказывает влияние на чьи-то жизни, пусть это влияние будет именно таким. Я сейчас говорю не о политике или о прочих важных масштабных вещах. Может, у нас получится оставить хороший след на судьбах нескольких людей. Может, благодаря нам они смогут иначе взглянуть на музыку. Может, они даже начнут сами писать песни, выступать, играть на сцене? Или мы

сделаем их жизнь чуточку лучше и приятнее? Это было бы великолепно.

После Рождества 2012 года наша работа только начиналась: в 2013-м нас ждало масштабное турне в поддержку второго альбома. Всего мы провели около ста тридцати концертов. Тур получился совершенно безумным; сейчас я думаю, что был просто не готов уехать из дома на такой долгий срок. Я все еще пытался обдумать то, что с нами уже произошло. Возможно, было бы хорошо немного передохнуть, как следует подумать о том, как прошел наш первый тур, прежде чем приниматься за второй. Но жизнь One Direction развивается по другому сценарию, и поэтому мы опять отправились в путь!

Помню, что к середине поездки мне стало тяжело. Один из ребят спросил, в чем дело, и я ответил: «Я просто очень, очень скучаю по дому».

Мне все еще ужасно нравилось играть на концертах и встречаться с фанатами, это никогда не вызывало никаких неприятных эмоций. Парни иногда спрашивали, все ли у меня хорошо, и я отвечал, что мне не хватает семьи. Я до смерти хотел оказаться дома, в привычном окружении. Забавно, как сложности дороги иногда одолевают: порой я до смешного скучал по мелочам вроде сидения на своем диване. И такие штуки подолгу не идут из головы.

Но не поймите меня неправильно: я не жалуюсь. Мы бесконечно благодарны за то, что у нас есть. Просто иногда сложно находить время для собственной жизни, особенно когда ты еще молод и неопытен.

Мы провели в дороге уйму времени, и, скажу вам по правде, иногда кто-нибудь из нас начинал хандрить. По временам я скучал по дому, по семье и друзьям. Как вы уже знаете, в то время я уже начал встречаться с Перри Эдвардс, совершенно необыкновенной девушкой, и находиться вдали от нее тоже было нелегко. В августе 2013-го состоялась наша помолвка. Я знаю, что людей очень интересуют подробности нашей жизни и планы на будущее, но я бы предпочел не распространяться. Такой уж у меня характер. Тогда же, когда мы столько времени провели в дороге, я ужасно скучал по Перри. Так что с личной точки зрения иногда бывало очень нелегко.

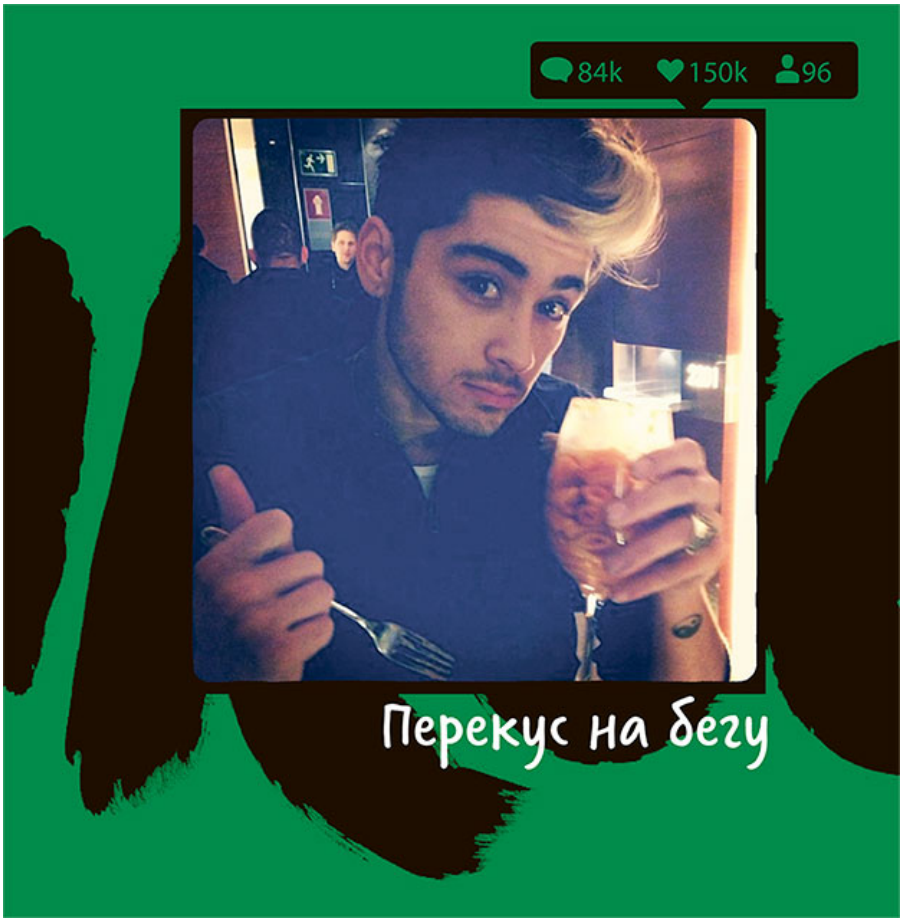
И снова дух One Direction пришел нам на помощь: мы теснее смыкали ряды вокруг того, кто скучал по дому, или уставал, или грустил. И двигались дальше. Я слышал, что лучшие группы получаются у тех, кто дружит между собой, и я с этим согласен. Мы друзья и останемся друзьями, что бы ни случилось в будущем. Если кто-то из нас захочет сделать сольный проект, пусть даже

лет через пятьдесят, я бы хотел быть рядом и поддерживать его.

При всей той шумихе, что царила вокруг One Direction, мы испытали и совершенно противоположные эмоции. Принесла их поездка в Гану с кампанией «Разрядка смехом». Она стала самым тяжелым опытом из всех, что мне довелось пережить. Никогда раньше я не видел такой всепоглощающей нищеты, и мне сложно было справиться с чувствами. Я вернулся из того путешествия, думая о том, как же нам повезло. И я сейчас не только про One Direction; я говорю о всех, кто не живет в таких условиях, как те люди. Это был очень тяжелый для того времени опыт, который позволил мне не утратить связи с реальностью. Я очень горд, что познакомился с такими людьми.

В том же году мы снимали наш фильм «Это мы». Со времени концерта в O2 камеры следовали за нами практически повсюду. Лично мне идея с кино сразу понравилась: я помешан на фотографии и фильмах. Люблю копить визуальные впечатления. В детстве родители постоянно говорили мне, чтобы я фотографировал и снимал на видео, говорили, что это очень важно. Куда бы мы ни приходили, даже на обычные праздники в честь дня рождения, они обвешивались огромными объективами, как безумные туристы. Щелкали фотоаппаратами, снимали видео. Что бы я ни сделал, это неизбежно попадало на пленку. Я унаследовал эту черту, и теперь, если вокруг происходит что-то интересное, а у меня нет возможности это запечатлеть, я нервничаю. Мне нравится хранить воспоминания.

Поэтому, когда нам предложили снять фильм, я был в полном восторге: я думал, что лет через пятнадцать мы сможем оглянуться назад, и у нас будет эта восхитительная хроника нашей жизни в эти безумные годы.


84k
150k
96
Перекус на бегу

Конечно, легко запомнить крупные события вроде самых значительных концертов или телешоу, премии, все такое. Но ведь есть уйма вещей, которые тоже важны, только в ином смысле: приколы в автобусе, болтовня за сценой, веселые воспоминания. Обычно я стараюсь снимать все это сам, но в тот раз было приятно, что кто-то сделает это за меня.

У нас не было никаких сценариев или заранее написанных диалогов: мы снимали все на ходу, как есть. Если съемочная группа следовала за мной в туалет — что ж, я не против. Хотя такие кадры скорее всего вырезали из финальной версии! Но если серьезно, то у них правда был доступ в любые помещения: мы хотели, чтобы фильм получился как можно ближе к реальности. Можно предположить, что нас это утомляло, но нет: мы не старались ничего изображать, были сами собой, а это легко. Мы делали то же, что и обычно, только на сей раз в присутствии камер. А что творилось на премьере! Оглядываясь назад, я чувствую гордость, что мы сделали этот фильм и что многие захотели его посмотреть. А еще я предвкушаю вечер лет через пятнадцать или двадцать, когда сяду и пересмотрю эту пленку.

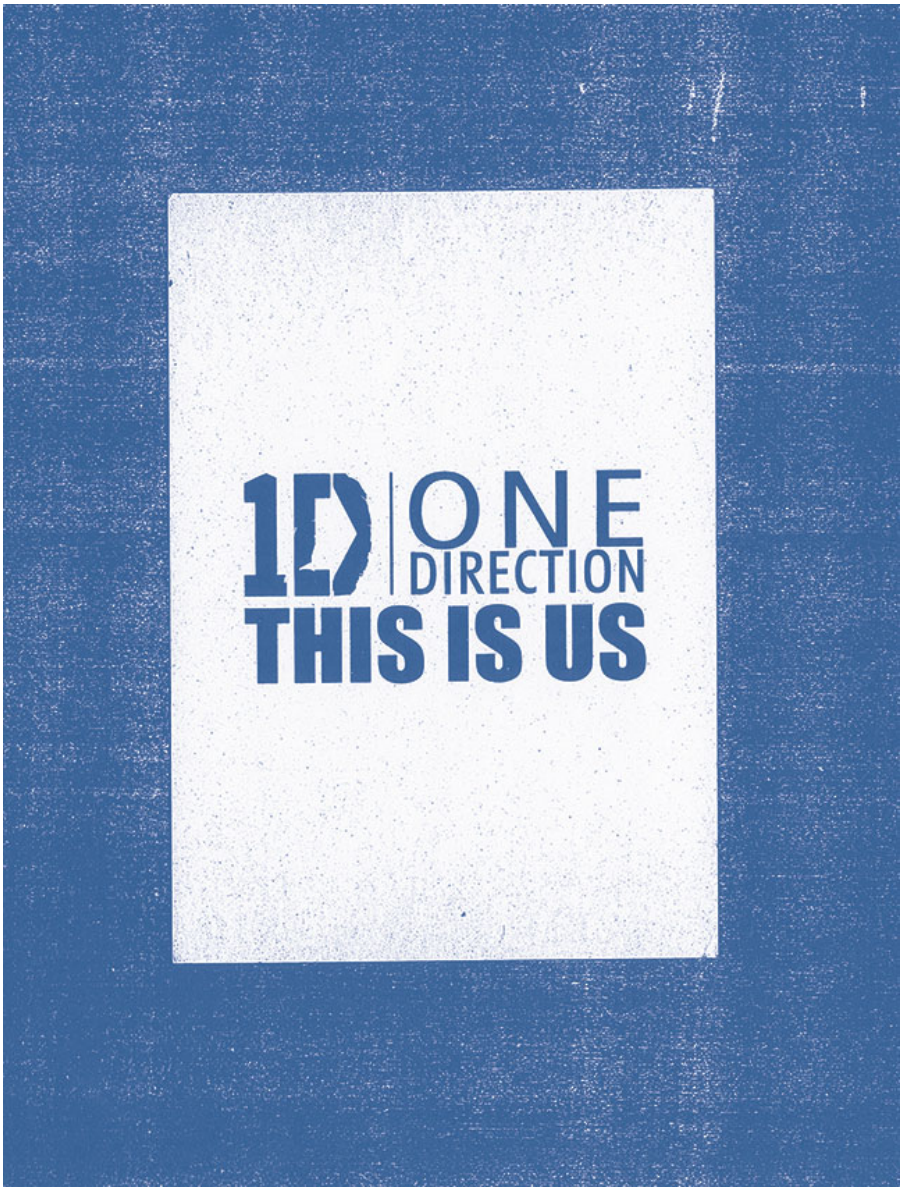
Как всегда происходит с One Direction, со времени выхода фильма случилась куча всего. Например, наш третий альбом «Midnight Memories». Его очень хорошо приняли по всему миру! Казалось, мы движемся вперед все быстрее и быстрее. Как и в случае со второй пластинкой, для которой мы решили писать песни сами, на сей раз мы посвятили себя сочинительству даже больше, чем раньше. Это было очень непросто: мы же почти все дни проводили в пути, но все равно умудрялись выкроить время. Записывались на передвижных студиях и создавали импровизированные студии в номерах гостиниц. Было бы желание, а возможности найдутся.

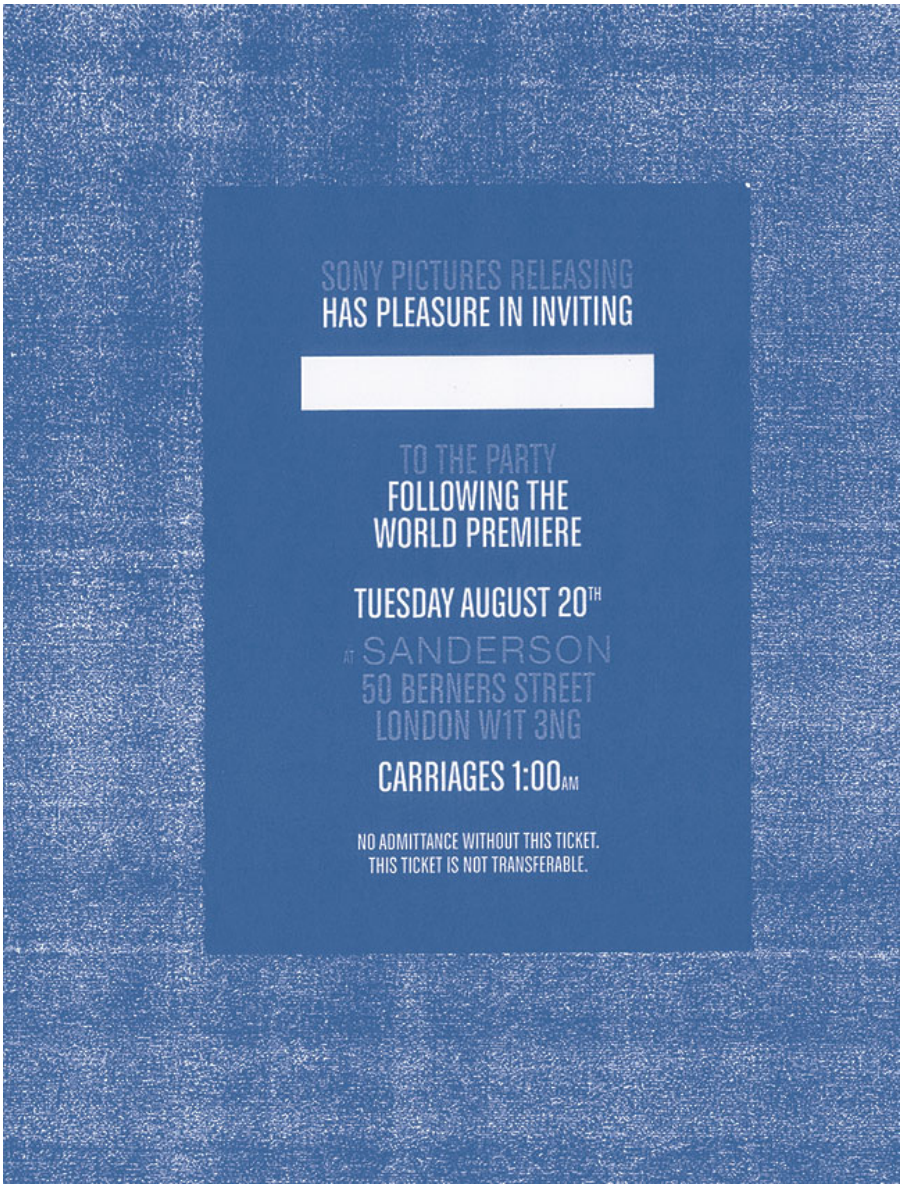
Нам очень хотелось сделать эту пластинку еще более личной, выразить в ней, кем мы были в то время. Мы никогда не пытаемся никого ни в чем убедить: просто хотим делать то, что делаем по жизни, и говорить об этом посредством нашей музыки. Это хорошо выражено в песне «Story of My Life». Надеюсь, люди согласятся, что наши песни взрослеют вместе с нами… эволюционируют. Мы именно такие парни. Хотим, чтобы наша музыка была правдивой, хотим оставлять правильные послания, чтобы можно было через много лет оглянуться назад и сказать: «Да, именно это мы и ощущали тогда». И мне кажется — я надеюсь, — что с «Midnight Memories» у нас это получилось.

Но на этот раз мы чувствовали бремя ожиданий. Группа достигла такого успеха по всему миру, что теперь от нас многого

ожидали. По счастью, альбом вышел отличный и занял первое место во многих странах. Мы очень гордились реакцией поклонников на наши песни. Мы ведь, можно сказать, вывернули душу наизнанку, и поэтому любая критика была бы очень болезненной. Но нам повезло. Очень повезло.

Перед началом турне 2014 года мы все были по-хорошему взволнованы. Помню, как на первой репетиции мы увидели сцену: вид у нее был просто потрясающий. Отличный был день. Я не знал, чего ожидать. Знал, что концертный зал будет большим, но и понятия не имел, что настолько! Он просто гигантский! Есть такой фильм, «Рок-звезда», с Марком Уолбергом в главной роли. Так вот, зал напоминал одну из сцен в этом фильме. И я сказал парням: «Ребят, это просто капец!»


1D
ONE
DIRECTION
THIS IS US



Когда настало время объявить о турне, у нас немного дрожали колени. Мы заранее сообщили, что у нас есть большая новость, а потом, когда раскрыли планы касательно турне по стадионам, нашлись люди, которые отнеслись к этому с иронией. Называли этот проект «Одним Большим Разочарованием», оставляли негативные комментарии в Интернете. Разумеется, мы беспокоились, сможем ли распродать билеты на такие огромные площадки. А потом у меня зазвонил телефон. Это была наша администрация. Я ждал, что они скажут: «Прости, Зейн, похоже, вы прыгнули слишком высоко. Боюсь, мы не сможем

распространить все билеты. Видимо, надо притормозить и еще несколько лет выступать на аренах. Тише едешь — дальше будешь». Но оказалось, что они хотели сказать совсем другое: мы будем играть на «Уэмбли» не один, а целых три раза, потому что билеты разошлись за считаные минуты. Вот такие у нас фанаты. Лучшие в мире.

До этого мы выступали на стадионах дважды, оба раза в Мексике. И теперь я предвкушаю (с некоторым волнением), каково будет сыграть на этих колоссальных площадках. Помню, что в Вероне мы один раз выступили в амфитеатре, и все прошло отлично. Я был очень взволнован: на таких огромных сценах нам еще не приходилось выступать. И весь день я пытался успокоить себя: «Так, все хорошо. Я не нервничаю, все под контролем». А потом зрители начали проходить внутрь, и я увидел, как их много. И тогда начал волноваться. И я подумал про себя: «Ну ладно, масштабы несколько неожиданные. Но я все еще спокоен. Все хорошо, все хорошо».

Когда подошло время идти на сцену, я все еще думал, что совершенно спокоен, а потом выбежал на сцену — и БАБАХ! Меня ударило мощной волной энергии.

В буквальном смысле: голоса, энергетика, волнение… все это чуть не сбило меня с ног. Я задыхался. Сцена внезапно выросла до невероятных размеров, и толпа была столь огромна, что я не вполне понимал, где нахожусь. Чистое безумие! Если быть совсем честным, то я чувствовал себя не в своей тарелке. Мы уже выступали на больших площадках раньше, но тут было совсем другое дело! Я испытал огромное потрясение.

Мы начали петь первую песню, и я все еще не оправился от изумления. А потом огляделся по сторонам, обменялся взглядами с другими ребятами. «Эй, парни, вот это жесть!» Мы немного посмеялись, и я перестал нервничать. Концерт прошел превосходно.

Я дождаться не могу, когда мы выступим на этих гигантских стадионах, которые намного больше всех мест, где мы выступали раньше. На медленных песнях есть время оглянуться по сторонам, оценить масштабы происходящего. Знаю, что во время этого турне обязательно будут минуты, когда я подумаю: «Это невероятно!» Вспоминая о размерах площадок, подозреваю, что так будет происходить каждый вечер. И не могу дождаться!

Меня часто спрашивают, когда я начал свыкаться с жизнью в One Direction. Честно? Я до сих пор не свыкся и не думаю, что когда-нибудь это случится. Иначе я уже буду не я. Странно воспринимать как «норму» то, что по сути своей ненормально. Мы не делаем ничего нормального!

Когда людям надоест One Direction и поклонницы станут кидать в нас помидорами, а не нижним бельем, вот тогда придет время зачехлить гитары и уйти со сцены. А пока что мы уходить не намерены.

Работая над этой книгой, я вспоминал все, что с нами произошло. Это непросто. Как я уже говорил, мне не хочется казаться амбициозным карьеристом. Не было такого, чтобы я видел перед собой возможность и думал: «Мне непременно нужно ей воспользоваться». Все происходило куда более спонтанно. Я оказался там, где оказался. И, если честно, понятия не имею, как это произошло. Просто благодарю жизнь за такой дар и недоумеваю, как вообще такое случилось. Я благодарен за все, что ждало меня в этой группе. Наслаждаюсь жизнью и — как и все прочие — совершенно не понимаю, почему мы стали такими популярными.

Это не значит, что успех принесли нам на блюдечке с голубой каемочкой. Мы работали до седьмого пота. В жизни ничто не дается даром. Начиная с первого прослушивания на X-Factor и заканчивая первым концертом на стадионе в 2014-м, к которому мы целые месяцы готовились и перед которым репетировали, мы пахали и пахали. Иногда едва справлялись с объемами работы. Мне приходится прикладывать множество усилий, чтобы сохранять свои позиции. То же касается и остальных ребят в группе, и всех, кто как-то связан с One Direction, — все мы провели множество часов в работе, вложили много сил. В то же время есть множество других, которые работали так же усердно, ходили на те же интервью и прослушивания, каждый день проводили в труде, но такого успеха не добились. Мне сложно понять, насколько мы знамениты и как это случилось. Но одно я знаю точно: мы своими усилиями заслужили всю ту славу, которая к нам пришла.

Как я уже сказал, в детстве я любил помечтать. Всегда верил, что смогу добиться чего-то необычайного, не знаю уж почему. Может, это вера родителей подстегивала меня, а может, и что-то внутри меня самого. Не знаю. Но, как бы то ни было, теперь, благодаря One Direction и нашим поклонникам, я живу жизнью, о которой мечтал.

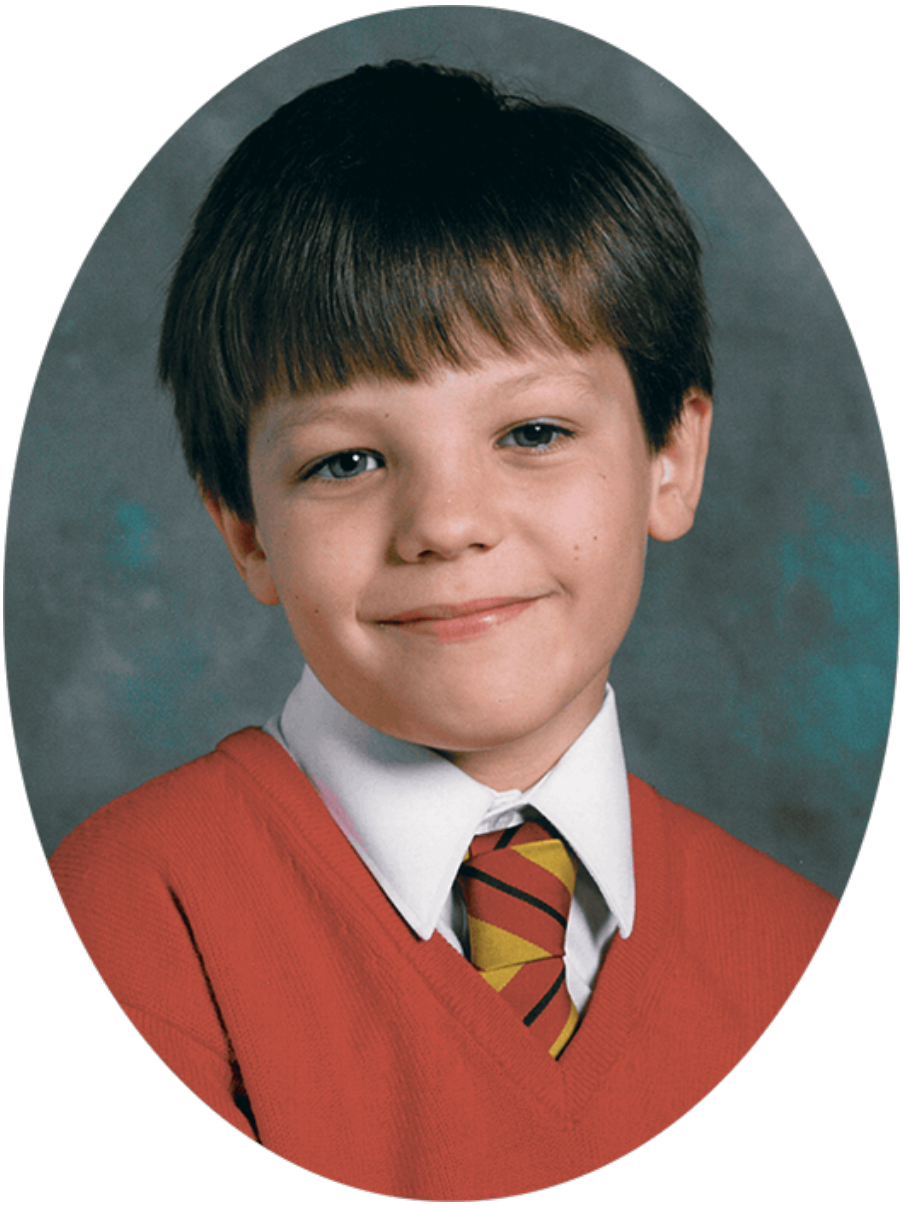
Луи

Не секрет, что выступать я любил с самого детства. Мне всегда хотелось быть в центре внимания, и я постоянно хохмил. Я из большой семьи, и мне нравится находиться в гуще событий. В школе я учился неважно, как-то не до того было. То же самое — с временными работами. Меня с них выгоняли, потому что мне все было фиолетово. В университете это продолжилось. К учебе я относился несерьезно, приходил не поучиться, а расслабиться, но при этом экзамены сдавал нормально. Мне казалось, что и в колледже будет так же просто, но, как множество людей проверило на своем горьком опыте, это невозможно!

Я не испытывал никакого интереса к занятиям и посещал колледж, только чтобы пообщаться с приятелями. И чувствовал себя отлично при этом. Жаль только, преподаватели не разделяли моей радости. В школе и колледже я провел лучшие годы своей жизни и сейчас скучаю по тем временам. Но ученая жизнь мне не давалась. Зато я всегда любил петь и выступать на сцене. Когда дело доходило до этого, то я выкладывался по полной. Наверно, мне просто нужно было найти в жизни что-то такое, что мне до смерти интересно.

Оказавшись в One Direction, я могу так много путешествовать, что раньше и представить себе не мог. Мне всегда хотелось выехать за пределы Донкастера, моего родного города. Когда я был подростком, учителя часто спрашивали меня, кем я хочу

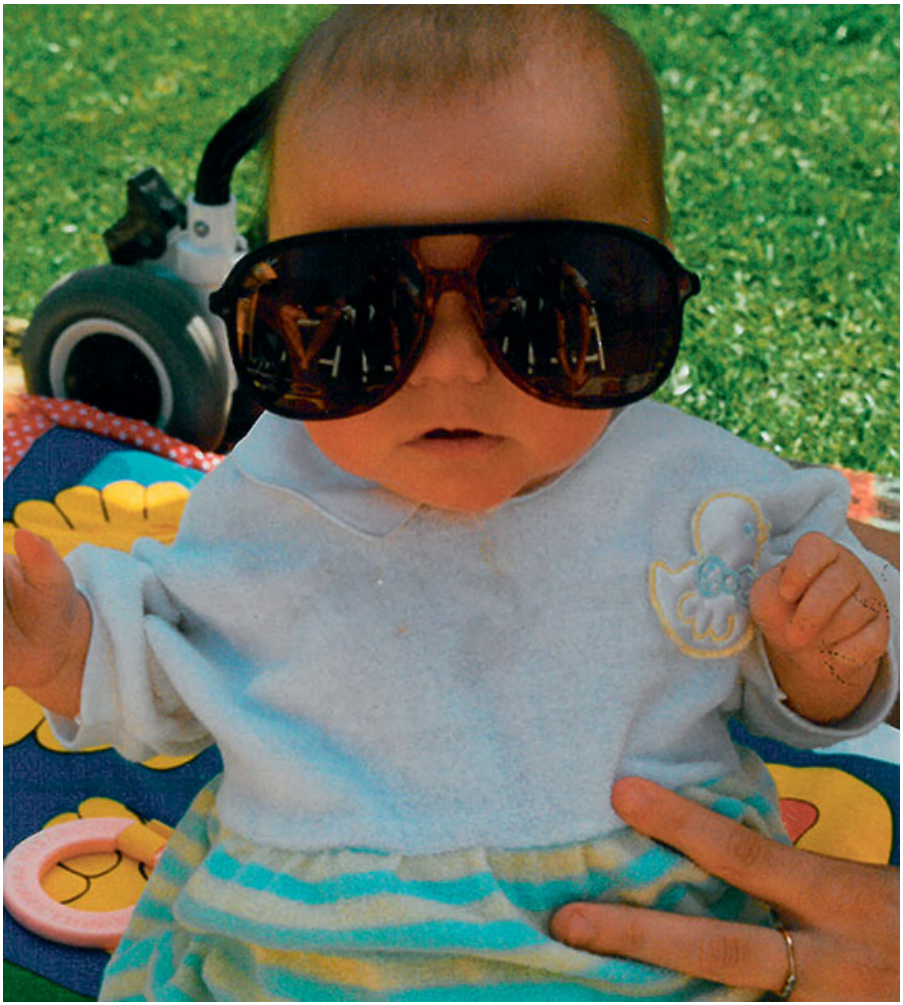
быть. Я отвечал: «Ну, видимо, пойду в университет и после этого, наверно, стану учителем. Или займусь профессионально спортом». Мне нравилось жить там, где я родился, но при этом я четко осознавал, что рабочих мест там мало, а потому мне придется уехать. Но кто бы мог подумать, что я буду столько путешествовать!



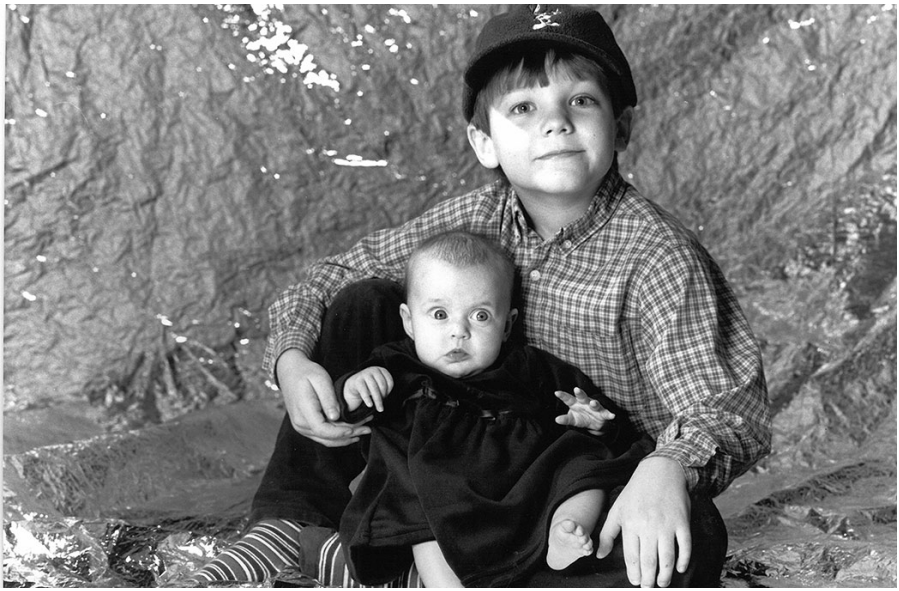
Сколько себя помню — я всегда любил быть в центре внимания!

Сижу в песке и решаю, как построить свой первый дом. На отдыхе в Борнмуте

Стопроц сам постриг себе челку!

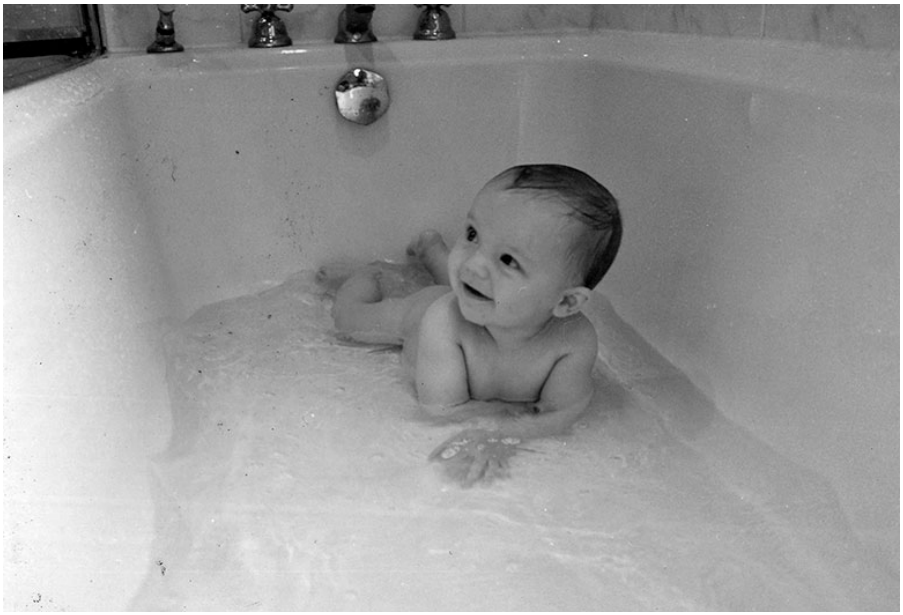


Вот настоящий малыш из «Мальчишника в Вегасе»!



С сестрой Лотти

Еще малышом я любил чай с молоком



Балдею в ванной!

Мы с моей любимой бабулей

Я с какой-то псинкой

Меня называли целеустремленным, амбициозным. Но уверяю вас: я не сидел и не планировал то, что со мной случилось. Я не из тех, кто продумывает свою жизнь наперед, не стремится все проанализировать. Если оглянуться назад и вспомнить, как я в четырнадцать лет выступал в местных постановках, то я понимаю одно: я никогда не воспринимал это всерьез, не считал, что это *нужно* делать. Я просто выступал, потому что мне нравилось. Очень, очень нравилось.

Но одна черта была у меня всегда — это настойчивость. Думаю, что унаследовал ее от мамы. Она всегда подталкивала меня делать то, что мне нравится, всегда говорила: «Луи, сходи, попробуй, постарайся!» у меня очень амбициозная мама, и мне передались некоторые ее черты. Начал замечать, что если выложиться, то все складывается так, как надо. Теперь я подхожу к своей жизни именно так. Если уж решусь что-то делать, становлюсь страшно упрямым и стремлюсь к цели изо всех сил. У меня было много случаев убедиться, что настойчивость вознаграждается, да и One Direction это доказывают.

Так вот, тогда, в Донкастере, я радовался жизни, играл в местной группе, ходил в колледж и выступал в разных постановках. Вдобавок к этому мне иногда доставались роли в телесериалах вроде «Fat Friends» или «Waterloo Road», и все это двигало меня вперед. Каждый раз, когда я добивался какого-нибудь успеха, пусть даже незначительного, это подливало масла в огонь, заставляло идти дальше. Я говорил маме: «Мне просто

нравится выступать, и я собираюсь заниматься этим, пока будет возможность». Я очень любил находиться на сцене, наслаждался каждой минутой и считал, что это хороший шанс заявить о себе за пределами нашего городка.

Именно это побудило меня пойти на X-Factor. Как вы, возможно, уже знаете, в первый раз (в 2009-м) я провалился на первом прослушивании у продюсеров, но это только подстегнуло меня. Когда я вернулся на следующий год, то был готов задать всем жару. Неудача прошлого года была забыта. Пока часами толчешься перед студией, ожидая своей очереди, неизбежно заводишь разговоры с другими кандидатами. Меня спрашивали, что заставило меня прийти. И я раз за разом отвечал: «Хочу услышать, что скажет Саймон, хочу узнать, что он думает о моем голосе и обо мне самом. Считает ли он, что у меня есть талант». Как только я пройду прослушивание у продюсеров, то смогу услышать его искреннее мнение о том, стоит ли мне выбрать эту карьеру.

Для меня все время на передаче пролетело как во сне. Это был восхитительный опыт, но именно потому, что все происходило так быстро, мчалось со скоростью света, сложно оглянуться назад и осознать, что же случилось. Тот период был самым удивительным в моей жизни. Когда я пытаюсь думать о том времени, то, конечно, вспоминаю кое-что, но одновременно с этим понимаю, сколько всего я забыл! Если бы у меня был ребенок, который захотел бы попробовать себя на X-Factor, я был бы обеими руками «за»: это уникальная возможность. Я сам был просто парнишкой из никому не известной школы. Я рискнул. И вот я здесь! Так что если такое произошло со мной…

Учтите, однако, что не всегда на X-Factor вокруг меня царили свет и радость. Разумеется, шоу шло в записи, и поэтому я немного раньше растрезвонил друзьям, что прошел во второй этап в составе группы. Но неделя шла за неделей, а меня так и не показывали! Я чувствовал, как люди вокруг начинают думать, что я их попросту дурачу. А затем наконец на последней неделе в Манчестере по телеку показали Гарри. И я подумал: «Ага! Вот оно, начинается!» Но я так и не появился в кадре. Я изрядно смутился и решил, что теперь-то меня уж точно посчитают неудачником. Пара моих приятелей уже заказали билеты на Магалуф и подтрунивали надо мной, что я еду сниматься во второй части шоу, а не с ними на курорт. Я не обижался, знал, что они это несерьезно.

А потом, во второй части («Лагерь»), меня опять почти не показывали. Даже тогда я смотрел на это все и переживал. Наверно, зрители подумают: «А это что еще за чудик в шляпе? Откуда он вообще выскочил?»

Странное было время. С одной стороны, я был страшно рад, что оказался в One Direction, а с другой — беспокоился, что меня совсем не показывают и что люди могут подумать все что угодно.

И, если я считал, что те первые дни были напряженными, оказалось, что это — еще цветочки по сравнению с тем временем, когда меня выгнали из моей категории, а потом продвинули дальше уже в составе группы. Я неоднократно говорил об этом важном событии, но сейчас добавлю еще кое-что: этот отказ и затем второй шанс оказались именно тем, чего жаждала моя настойчивая натура.

За такое предложение я схватился обеими руками. Все было так волнующе, и я знал, что мне придется проявить волю, делать все, что от меня зависит, постараться как следует, как сказала бы моя мама. Я был настроен выложиться, чтобы оправдать этот второй шанс.

Участие в передаче было очень мощным переживанием, особенно для нас, тогда еще таких юных. Мы пытались осмыслить, что же с нами произошло, и это сильно сблизило нас пятерых. Обстановка на шоу была такой напряженной, что мы бы не справились, не возникни у нас мгновенного взаимопонимания. Но мы сразу же подружились. Думаю, что решающим событием стала наша поездка в бунгало к отцу Гарри: именно тогда мы и сблизились (и продолжаем оставаться близки до сего дня). Меня сразу поразило, как легко мы нашли общий язык, потому что до тех выходных мы разговаривали друг с другом ну от силы раз десять. Мы пробыли там несколько дней и занимались тем, что обычно делают подростки: играли в компьютерные игры, дурачились, смотрели телик. Просто хорошо проводили время. Я заметил, как много мы смеемся и болтаем, и все время меня преследовало ощущение, что это неспроста. Не знаю, назвать ли это искрой, что пробежала между нами… Но что-то точно случилось.

Я отчетливо помню день, когда мы подписали контракт. Это и неудивительно. Мы закончили концерт и пошли в офис Syco. Там все было совсем не так, как я ожидал. Хотя я и не знаю толком, что рассчитывал увидеть. Наверно, что-то более безумное, что-то более в духе шоу-бизнеса. Но офис все равно оказался очень милым. Да, очень милым! Все эти золотые диски крутых исполнителей на стенах, не какая-нибудь захудалая контора! И я сказал тогда: «Посмотрите, ребят! Они записали этот альбом… И этот тоже!» Повсюду висели хитовые пластинки.

Мы то и дело таращились по сторонам. Подписали контракт и вскоре ушли. И лишь потом я понял, какое значительное это было событие. С One Direction вечно так: с самого первого дня жизнь несется так стремительно, происходит столько грандиозных, невероятных событий, что надо как следует сосредоточиться, чтобы обдумать их.

Запись первой пластинки стала для нас уникальным опытом, потому что с ней было связано множество «первых разов». Например, некоторые из нас никуда не летали за пределы Великобритании. Я всего-то однажды до этого летал на самолете — когда мне было четыре. А все остальные годы мы отдыхали во Франции, куда добирались на пароме. Я никогда не был в городах вроде Лос-Анджелеса, на таком огромном расстоянии от

дома. Некоторые из моих друзей в детстве бывали в Диснейленде (штат Флорида), но сам я туда не ездил. Можете себе представить, какое огромное потрясение испытал в Лос-Анджелесе простой паренек из Донкастера.

Это было такое блаженство! Я чувствовал себя невероятным везунчиком. Я никогда раньше не останавливался в таких роскошных гостиницах, и у меня дух захватывало, когда я думал, что, возможно, это не последний раз. Я в разное время говорил другим парням: «Если дела у группы пойдут хорошо и мы будем как следует трудиться, то, возможно, в будущем нас ждет именно такая жизнь». Несмотря на все безумие, что царило вокруг нас в те времена, и на то, что мне сложно вспоминать кое-какие события, я четко помню одно: чувство, что надо работать и работать, хвататься за возможность, которую нам предоставили.

Лос-Анджелес словно сошел с ума. Но истинное сумасшествие настигло нас, когда мы вернулись домой. К счастью, с самого начала карьеры мы видели поклонников у студий и гостиниц, поэтому примерно представляли себе, чего можно ждать. Думали, что нас встретит сотня, ну, может, пара сотен человек. Однако, когда мы приземлились в Хитроу, увидели целое море лиц. Я подумал: «Боже, это что, происходит по-настоящему?» Мы никогда ничего похожего не видели, и особенно удивительно было то, что это случилось в Англии. Помню, что мне начисто оторвали рукав свитера, и я решил оставить его и бежать. Сказал себе: «Уматывай отсюда!» А потом полицейские затащили нас в свой крошечный офис, но толпа продолжала бесноваться снаружи: стучали кулаками о стены, о двери. Очень драматично.

В итоге мы все-таки выбрались наружу. Сидели в полицейском фургоне и переглядывались: «Что за фигня только что случилась?» По нашим лицам было понятно, что нас просто оглушило. Это был первый звоночек той истерики, которая охватила мир впоследствии. Настоящий шок.

Как ни странно, запись на студии тоже принесла противоречивые эмоции. Обычно я очень уверен в себе и люблю пробовать новое. Поэтому вы можете немного удивиться, узнав вот что: когда моя голова не была занята волнующим круговоротом событий, что творились с нами каждый день и каждый час, я страдал от низкой самооценки.

Да, странно слышать такое от человека, у которого обычно уверенности хоть отбавляй, но я стараюсь быть с вами честным. Позвольте мне пояснить.

За все время X-Factor я ни разу не выступил с сольным номером. Как вы знаете, я люблю быть в центре внимания, и

поэтому оказаться на периферии было для меня непростым испытанием. Мне нравится свет софитов. Так вот, после выступления мы обычно вставали перед судьями, и они комментировали наше пение и прочее. Но я слушал Шерил, Саймона, или кто там еще говорил, и думал про себя: «Ну, это ведь все равно не обо мне!»

Когда мы приступили к записи первого альбома, стало только хуже. Конечно, сессии в Лос-Анджелесе и в Швеции принесли кучу положительных эмоций, но мне было тяжело. До этого мне не приходилось бывать в звукозаписывающих студиях, и оказаться там стало испытанием для моих нервов. Я был меньше уверен в своих певческих способностях, чем другие ребята в группе. Порой меня охватывала настоящая паника. Все было так непонятно. Входишь в будку с этими знаменитыми продюсерами, и они говорят тебе: «Хорошо, Луи, а теперь пой». Обычно я бы немного смущался, но моя уверенность в себе держала бы меня на плаву. Но на этот раз дело было не только в нервах, а в чем-то более глубинном.

Сейчас я предельно откровенен с вами. Мне очень нелегко приходилось в то время. Я был в восторге от того, что оказался в группе и мне предоставили восхитительную возможность что-то сделать, но одновременно с этим мне было тяжело. Я не сразу нашел свое место в One Direction. На самом деле я совершенно не понимал, что делаю в группе. И это поначалу сильно меня мучило. Да, это было самое непростое время для меня. Я чувствовал, что у меня нет какой-то определенной цели, что меня просто прихватили по пути. Я чувствовал себя очень одиноко и грустно.

В итоге я решил, что буду делать то же самое, что срабатывало в прошлом: буду настойчивым. Продолжу работать, вносить свой вклад и стремиться, чтобы мое присутствие в группе стало необходимым для ее творческого и коммерческого успеха.

Насчет своего пения я успокоился только ко второму альбому. Ребята очень меня поддерживали, всегда стремились поднять мою самооценку, подбадривали: «Отлично сработано, Луи, в той песне твой голос был просто фантастика…» Всякое такое. Это невероятно помогало.

Оглядываясь назад, я понимаю: тот период, когда я сомневался в своих способностях, оказался благотворным. Я стал работать еще усерднее и доказал, что заслуживаю своего места в группе. Сомнение в себе заставило меня трудиться над вокалом, побудило встать в полный рост и потребовать, чтобы со мной считались. Мне повезло, что я пережил такое сложное время и выбрался из него. Я до сих пор стараюсь работать от души и вносить большой вклад в успех One Direction.

Но не спешите меня жалеть. Честно говоря, если отбросить в сторону мои сомнения, те первые дни в группе были просто офигенными.

Мы выступали с другими группами, играли по маленьким клубам, потом поехали в турне с X-Factor — время летело, как на крыльях. Я знакомился ближе с ребятами в группе, был по горло занят интересными делами. Столько радости!

Жизнь становилась все безумнее. Мы услышали свой дебютный сингл «What Makes You Beautiful» на «Радио 1». В это сложно было поверить! Особенно если учесть, что потом, когда мы возвращались с радиостанции в машине, то услышали, как они проиграли песню еще раз. Ясно помню, как сидел в тачке, качал головой и повторял: «Это же “Радио 1”, парни! “Радио 1”! Очуметь можно!» Сейчас, конечно, кажется, что этой песне сто лет, и текст совсем не похож на нас нынешних — на время записи нам было лет по семнадцать-девятнадцать. Но она мне все равно нравится, отличная поп-композиция. Запоминающаяся мелодия, да и слова зацепили фанатов. Думаю, дело в том, что она искренняя, не вымученная. Писали песню не мы, но это и не важно. «What Makes You Beautiful» стала прекрасным началом. Когда она взлетела к первым строчкам хит-парадов, мы знали, что нас ждет большое будущее.

С тех пор ход событий ускорился еще сильнее, да и масштаб стал иным. Конечно, мне бы хотелось думать, что мы сами всего добились: выступали на разогреве (что было прекрасно!), продвигали себя как могли. Но я признаю, какую роль сыграли в этом всем социальные сети. Не сомневаюсь, что без них наша карьера сложилась бы совершенно иначе: Интернет дал нам огромную фору. Наши имена упоминают наряду с яркими звездами шоу-бизнеса: мы добились значительного успеха и много для этого потрудились. И все же я понимаю, насколько

сложнее было группам вроде The Beatles, которым приходилось ездить с концертами по всему миру безо всякой поддержки соцмедиа.

Конечно, надо было поддерживать имидж, созданный Интернетом, и мы не жалели сил. Давали невероятное количество концертов. На одних твиттере, фейсбуке и инстаграме далеко не уедешь. Надо выступать, наращивать темпы, появляться на интервью. Нужно, чтобы вас узнали, запомнили и полюбили. Останавливаться нельзя: поп-бизнес — дело капризное. Всегда есть опасность, что вам в спину дышит другой бойз-бэнд. Поэтому мы решили не жалеть сил, чтобы остаться на вершине. Когда выдавалась редкая свободная минута, я говорил парням: «Нужно продолжать дальше, выжать из этой возможности все, это наш шанс». Они все со мной соглашались.

Может, мы научились этому в детстве. Я даже не уверен, что мы поступали сознательно; нам сказали работать и развивать группу, и мы испробовали все, что могли. Мы знали, как нам повезло, и поэтому считали своей обязанностью приложить максимум усилий. Я всегда думал, что, раз уж тебе предоставляют шанс, будь добр поработать. Это такая невероятная возможность, и вокруг полно людей, которые на нашем месте сделали бы все, чтобы ее не упустить.

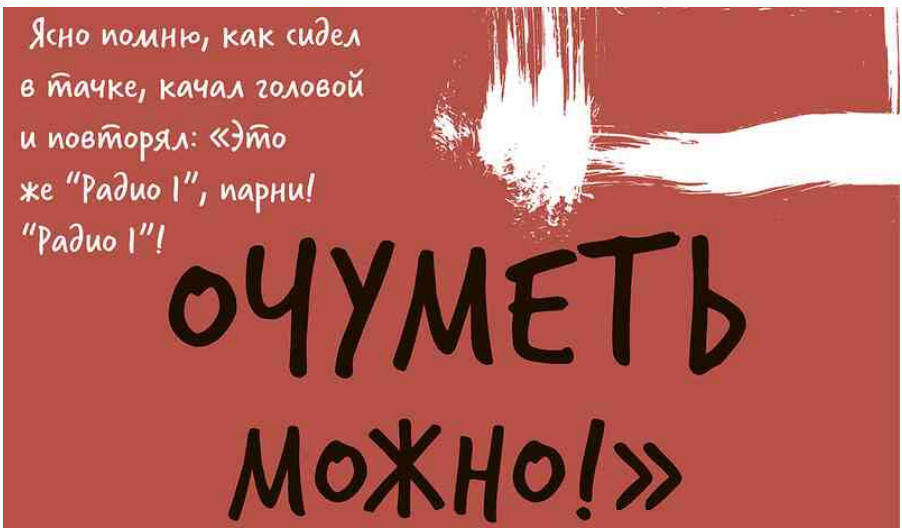
Например, мы провели игру под названием «Приведите ко мне One Direction» и в итоге посетили четыре европейские страны за четыре дня. Жесть, конечно, но как такому не порадоваться? И мы в один голос заявили: «Давайте сделаем! Отличный план!» Да это и работой-то сложно назвать.

Конечно, мы много часов проводили за такими занятиями, но главной нашей задачей на всех интервью и акциях было просто оставаться собой, а это не так уж сложно. На ранних пресс-конференциях я несколько раз замечал: вот мы входим в комнату, и обстановка как-то меняется. Мы веселимся, шутим, и журналистам это, похоже, нравится. Несколько раз я просто сидел и слушал, как ребята перебрасываются приколами, и мне становилось понятно, почему людям это нравится, почему это умиляет. Было очевидно, что у каждого из нас есть своя роль, но вместе мы представляем из себя нечто большее, чем сумму отдельно взятых частей.

Кульминацией этой промоакции и серии концертов было то, что наш альбом стал вторым в Великобритании и первым в семнадцати других странах. Совершенно невероятно! Во всяком случае, для меня: я-то думал только про то, сможем ли мы добиться успеха дома. Заграница мне даже на ум не приходила, хотя мы уже ездили кое-куда на интервью. Тогда мы в первый раз

почувствовали, что можем претендовать на всемирную известность. Я внезапно понял, что потенциал у нас, возможно, гораздо больше, чем мы думали.

Вам это может показаться наивным, и я с вами соглашусь. Думаю, мы все тогда были наивными, просто плыли по течению. Нам говорили: «Вы объедете четыре страны за четыре дня», и мы отвечали: «Звучит очуменно! Когда выезжаем?» Нам говорили: «Слушайте, ваш альбом позанимал первые места, пора отправляться в дорогу», и мы отвечали: «Отлично! Где автобус? Сядем — и в путь!» В нас была уйма заразительной энергии, уйма жизни.



Первый тур по Великобритании прошел превосходно. Выступать в театрах, а не на аренах оказалось верным решением. Нам хотелось двигаться постепенно, да и надо было многому научиться. Да, мы уже побывали в турне с X-Factor, где играли на аренах. Мы понимали, что это значит, но тогда нам приходилось петь всего по три-четыре песни за вечер, поэтому нужно было сначала проехаться по театрам и крепко встать на ноги. Сразу замахиваться на арены было бы глупостью. Думаю, мы и так бы всему научились, но выступить сначала в театрах оказалось идеальным решением.

Мы тогда отчаянно веселились, и с каждым выступлением все больше. Мы то и дело говорили: «У нас нереальные фанаты!» Нам очень повезло с первого дня заслужить любовь таких поклонников. И теперь, спустя все это время, они все еще поддерживают нас. Тогда же каждый день происходило столько всего нового, что нетрудно было и голову потерять, но, как я уже

говорил, я редко заморачиваюсь по такому поводу. Просто не вижу в этом смысла.

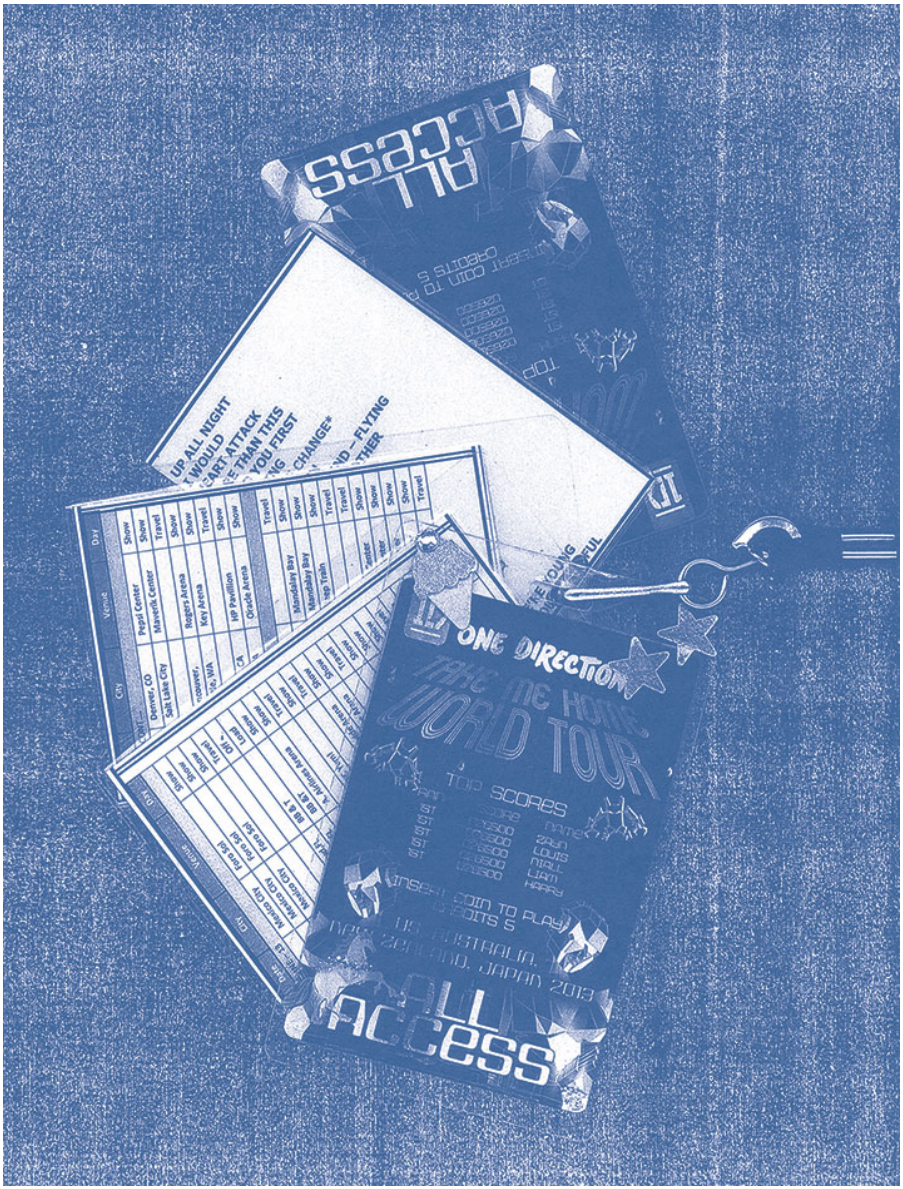
А теперь скажу вам вот что: знаете, что сделало то время таким потрясающим? Мои друзья по группе. Когда они рядом, я не чувствую напряжения, могу с ними поговорить, обменяться идеями или просто повалять дурака. Мы будто с самого начала стали чувствовать, что нужно каждому: кого надо подбодрить, кого ненадолго оставить в покое. И это так круто, особенно если учесть, какими мы были юными. И тогда, и сейчас я неизменно наслаждаюсь нашим товариществом. Интересно, а как сольные исполнители справляются с тяготами дороги? Каждый раз говорю в поездках: «Фиг его знает, что делают певцы без групп!»

Если мы считали, что в Великобритании разразилось настоящее безумие, то это были еще цветочки по сравнению с

тем, что ждало нас в Америке. Мы подписали контракт с американским лейблом примерно тогда же, когда в Соединенном Королевстве вышел наш дебютный сингл. Нам пришлось ждать до февраля, чтобы начать наш первый американский тур, где мы выступали на разогреве у Big Time Rush.

Даже если учесть, что в Британии группа привлекала к себе много внимания, насчет Америки мы особых надежд не питали. Да, у нас было много подписчиков в социальных сетях, но ведь это ни о чем не говорит. По крайней мере, мы так думали. До начала турне мы поголовно считали, что не стоит ждать слишком многого. Наша администрация обратилась к нам с такими словами: «Послушайте, это не ваше шоу. И это не Великобритания. Народ придет послушать Big Time Rush, и ваших песен они знать не будут. Может, синглы они и слышали, но на особо теплый прием не рассчитывайте. Надо смотреть на вещи трезво».

Ну что ж, на первом же концерте, когда мы вышли выступить перед хедлайнерами, зал словно с ума сошел. Я подходил к ребятам и спрашивал у них: «Слушай, ты вообще веришь в то, что здесь происходит?» Нас приняли в десять раз лучше, чем мы ожидали. Да что там, в сто раз лучше. Было немного неловко: мы же приехали по приглашению Big Time Rush. Они прекрасные ребята. Трудились от души и отлично к нам отнеслись. Истинные джентльмены.


ALL ACCESS
UP ALL NIGHT
ONE DIRECTION
TAKE ME HOME
WORLD TOUR
TOP SCORES
ALL ACCESS

После первых двух концертов, которые прошли как в сказке, я сказал парням: «Может, все фанаты Штатов сумели достать билеты на два первых шоу?»

Но вот настал третий вечер, четвертый, пятый… слушатели реагировали совершенно одинаково. До нас понемногу начало доходить, что такой прием нас будет ждать на всех концертах. И тогда я впервые задумался: может, в Америке это тоже возможно? Были и другие признаки того, что Штаты расположены к нам хорошо. «What Makes You Beautiful» попала в тридцатку лучших песен, что было прекрасно. Хотя, если быть честными, то поп-

группы часто выпускают в Штатах успешный сингл, а потом их альбом проваливается в чартах. Поэтому мы наслаждались теплым приемом, но старались не слишком заноситься в мечтах. Говорили друг другу: «Давайте работать дальше. Не время почивать на лаврах, не останавливаемся».

Мы чувствовали, что наша слава уже бежит впереди нас. Да, я говорил, что мы были очень наивными, но все же были некоторые ключевые события, после которых мы могли взглянуть на все со стороны и подумать: «Ну и безумие!» Одним из таких событий стало наше появление на шоу Today на той же неделе, когда вышел наш дебютный альбом. Это было очень веское доказательство того, что интерес к группе растет. Мы только-только начали верить, что дела в Штатах у нас могут пойти неплохо, и тут — БАБАХ! — это шоу.

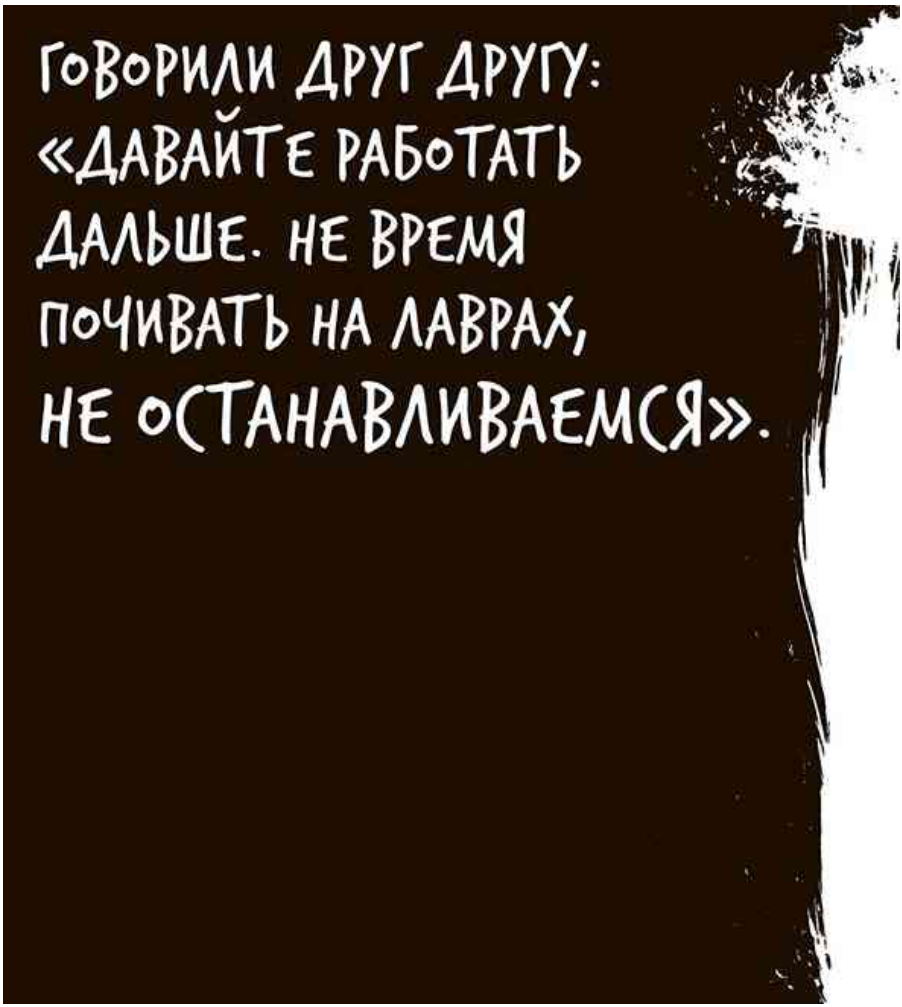
Мне до сих пор кажется, что оно было одним из лучших наших шоу. Все было похоже на сон: мы в Нью-Йорке, вокруг нас — море лиц, над нами громоздятся небоскребы, и повсюду — массовая истерия. Нам было крайне сложно осознать, что происходит, но отыграли мы все равно шикарно. Когда столько людей приходит посмотреть на группу, сложно понять, каково же число людей на самом деле.

До начала выступления один из ведущих сказал что-то вроде: «До нас дошли сведения, что на этот утренний концерт придет много народа». И он был прав! Собрались тысячи фанатов. Видишь первых двести человек, а дальше уже сложно даже думать о чем-то еще. Я стараюсь охватить вниманием как можно больше людей. Они пришли, чтобы посмотреть на нас, и мне хочется, чтобы все они поучаствовали в шоу. Люди, которые стоят в задних рядах, имеют точно такое же право почувствовать себя частью концерта, как и те, кто устроился спереди. И если я могу как-то этому поспособствовать, то обязательно постараюсь. На том шоу улицы Нью-Йорка просто колыхались от количества людей, стоял ужасный шум. Уйдя с площадки, мы посмотрели свое выступление в записи. Только тогда до нас начало доходить, каких масштабов случилось событие. Ну и денек!

Проснувшись на следующее утро, мы взялись за работу с новыми силами. Ничто не могло нас остановить, мы хотели работать, добиться настоящего успеха, и чем больше нам выпадало возможностей, тем яростней мы за них хватались. В те относительно ранние дни существования группы мы были еще очень наивны, но работали сообща, и наша наивность была скорее достоинством, чем недостатком.

Думаю, мы признали масштабы своего успеха, когда альбом занял первое место в американском хит-параде. Тогда мы поняли:

«Ладно, ребят, с Америкой получилось нормально». Поначалу, когда мы говорили о перспективах пластинки, то решили, что попасть в двадцатку было бы просто шикарно. А потом узнали о том, сколько людей заказало альбом заранее, и стали надеяться на большее. Врать не буду. Когда в середине первой недели продаж мы узнали реальные цифры, то я внезапно осознал: «Парни, у нас есть шанс стать первыми».



И это было как красная тряпка для быка: мы рванули в бой с новыми силами, каждую секунду посвящая продвижению нашего альбома. Мы стали точно одержимые.

И все же, услышав про первое место, мы поначалу не могли поверить. А потом, когда нам рассказывали, что же это достижение значит, мы были вынуждены сесть и как следует все обдумать. Конечно, я знал про The Beatles, но эти глупые сравнения только выводили меня из себя: битлы были куда круче, чем One Direction. И я говорил тогда: «Давайте смотреть на вещи реалистично». Просто смешно было слышать эти разговоры

про The Beatles. Конечно, нас нельзя сравнивать. Ни в чем нельзя, если уж вы хотите знать мое мнение. Я слишком уважаю эту группу и вклад, который она внесла в историю музыки, чтобы меня можно было прельстить подобными сопоставлениями.

Однако я понимаю, что в финансовом смысле мы достигли беспрецедентного для британской команды успеха. Надо помнить, что мы тогда были еще подростками, а меньше двух лет назад стояли в очереди на прослушивание для шоу талантов. Поэтому слышать новости о том, как мы бьем очередной рекорд, очень удивительно. «Ни одна другая британская группа не дебютировала на первом месте в американских чартах». Ни одна. Странно слышать свое имя, когда говорят о таких громких достижениях.

И тут есть странная штука. Мы, конечно, невероятно гордимся (и по праву), но вместе с этим испытываем и… ну, я бы не сказал, что чувство вины, потому что мы и правда работали в поте лица. Но все же есть тут что-то такое. Не знаю, может, я слишком суров к нам. Мы достигли первой строчки, мы сделали для этого все возможное, мы заслужили славу. И, давайте признаем, получилось на самом деле великолепно. С того дня жизнь закрутилась с новой скоростью. С новой, бешеной, стремительной скоростью.

Меня часто спрашивают, как я справлялся со всеми новостями того времени. Как я уже говорил, прошло всего полтора года с завершения X-Factor, и вот уже тысячи людей выкрикивают наши имена на улицах Нью-Йорка. Я бы мог наболтать тут чепухи о том, как сажусь и спокойно обдумываю события одно за другим, стараясь смотреть на все в целом и вдумываться в контекст. Но самым честным будет ответить, что я просто живу дальше. Этого не поймешь до конца. Поэтому я вроде как беру воображаемый щит, и, что бы люди ни говорили, что бы ни происходило, я сижу в своем пузыре. Просто живу дальше день за днем. Да, я прямо так и говорил: «Давайте будем проживать по одному дню за раз. Сначала сегодня. Потом завтра».

Когда альбом занял первое место в Штатах, работы стало еще больше. Никогда мы не ощущали этого так отчетливо, как во время турне по Америке и Австралии. То были очень утомительные два месяца, но БОЖЕ МОЙ! Что за прекрасное время. Конечно, случалось, что кто-нибудь из нас уставал, скучал по дому или просто чувствовал упадок сил. Но это никогда не длилось долго: остальные всегда были рядом, поддерживали и веселили. Мы к тому времени были уже тесно сплоченной командой. Мне очень понравилась та поездка.

Тем же летом мы выступили на Олимпиаде, и это было

огромной честью для нас. Я помню, как был польщен. Конечно, я в восторге от того, что оказался в One Direction, но футбольный фанат во мне говорит, что офигенно было бы еще надеть майку сборной и сразиться за свою страну.

Наверно, это лучшее чувство в мире! Когда мы пели на закрытии Олимпийских игр, я испытал нечто похожее: чувствовал, что мы представляем Великобританию на мировой арене. Какая честь!

Как и большинство знаковых для One Direction событий, церемония закрытия прошла невероятно быстро. Мы проверили звук накануне, а в сам день выступления приехали около обеда. Страшно волновались. Слонялись там. Нам с Лиамом стало скучно, и мы решили пойти посмотреть на олимпийский стадион. Мы проскользнули наружу и решили устроить что-нибудь глупое, чтобы побесить менеджера. Пол ужасно любит понервничать. Мы сфотографировались в тех местах в зале и за сценой, где нам нельзя было появляться, и прислали ему фото. У нас получилось попасть на водное поло без билетов, мы посмотрели матч и вернулись в чужой одежде, потому что одна женщина из компании «Мерседес» подарила нам свои шляпу и куртку. Ребячество и глупость? Ага, именно так!

Когда вас приглашают выступить на Олимпийских играх, это значит, что вас признают известными, ну или хотя бы думают, что у вас есть много поклонников. Но я все-таки не понимаю, как мы прошли отбор. Я никогда не хотел стать звездой. По-моему, быть известным и быть звездой — это две большие разницы, и лично мне не хочется, чтобы меня считали звездой. В жизни должна быть цель; надо, чтобы тебя уважали за то, что ты делаешь, а не за то, сколько вечеринок ты посетил. Забавно, но я встречал не так уж много звезд. И все эти вечеринки — зачастую сплошная фальшь.

Странно приходить куда-то, где все думают, что они по умолчанию твои друзья просто потому, что их тоже многие знают. У меня от этого зубы сводит. Я стараюсь — мы все стараемся — оставаться нормальными людьми, насколько это возможно на такой ненормальной работе. Нельзя дать славе изменить себя.

На разных церемониях награждения у нас есть возможность краешком глаза взглянуть на то, что представляет из себя эта «звездная культура». Честно говоря, мне никогда не нравилось туда ходить, хотя с самого начала нас приглашали на некоторые престижные премии. Например, когда мы впервые появились на VMA, я сказал: «Никогда не слышал о такой премии». И Зейн не слышал. Теперь это звучит бредово, но такова правда. Это было одно из знаковых событий для One Direction: сентябрь 2012-

го, когда мы выиграли три награды. По большей части церемонии награждения представляли из себя большие корпоративы, где куча важных шишек восторгаются сами собой. Никто особо между собой не общается, ну, может, обведут зал взглядом и кивнут знакомым. Мы пошли на какую-то премию в 2013 году, и прямо перед нами села Рианна. Ну ничего себе! И мы такие: «Эй, ребят, посмотрите! Это же Рианна!» Не то чтобы мы чувствовали себя недостойными таких церемоний, но мы все же ощущаем себя слегка не в своей тарелке, словно новенькие в школе. Кто-то сказал мне, что Рианна оглядывалась на нас, но что-то мне не верится.

На самых первых церемониях мы порой встречали снисходительный прием, но чем дальше, тем больше было понятно, что к нам относятся с уважением за весь труд, что мы вкладываем, чтобы добиться успеха. Я понимаю, что не всем нравится X-Factor, где мы начинали, но вы не услышите от меня презрительных реплик в отношении шоу, пусть бы это и понравилось скептикам. Я думаю, что это прекрасная передача, которая предоставляет новичкам возможность прославиться.

45k 661k 140

Возвращаясь к разговору о знаменитостях: нам повезло встретить некоторых очень крутых знаменитостей. Я уже убедился: чем известней человек, тем он обычно крепче стоит на земле. Возможно, они достаточно долго пробыли под прицелом камер, привыкли к взлетам и падениям и знают, как подниматься после ударов судьбы. Отличным примером этого можно назвать Джонни Деппа. Мы слышали, что его дети любят нашу группу, и думали, как же это круто. Изначально он должен был прийти на шоу с семьей, но получил какую-то травму и передвигался на костылях. Поэтому он сказал нам: «Я не смогу прийти. А почему

бы вам не зайти ко мне в гости и не познакомиться с детьми?» И мы такие: «Эм-м, ну ладно. Давайте затусим у Джонни Деппа. Отлично!» Мы так и поступили, и получилось здорово. Я прихватил с собой Олли, моего приятеля, и он не мог поверить своему счастью. Родители готовы на все ради своих детей, и я рад, что Джонни Депп как раз из таких. Какой человек!

Как заядлый футбольный болельщик, я не могу не упомянуть Дэвида Бэкхема. Он — единственный человек в мире, ради встречи с которым я готов стоять в очереди сутками. Меня часто спрашивают, с кем из музыкального мира я бы хотел встретиться лично, но никто не идет ни в какое сравнение с Бэкхемом. Он мой кумир. Я рос в Донкастере и гонял с ребятами в футбол. Конечно, я думал, что Бэкхем великолепен. И сейчас думаю.

Ну так вот. В первый раз, когда он был поблизости, мне никто об этом не сказал, и я просто пропустил встречу с ним! Чуть с ума от огорчения не сошел. Все подумали, что мне уже сказал кто-то еще, и в итоге я был просто не в курсе. Я услышал, что Бэкхем где-то рядом, стал расспрашивать, и кто-то из команды мне сказал: «Луи, прости, чувак, он уже ушел». — «Вы что, смеетесь надо мной? Дэвид Бэкхем был здесь, а я сидел в трейлере и играл в компьютерные игры!» К счастью, позже нас пригласили на премьеру «Класса ‘92». Фильм продюсировал наш друг Бен Уинстон, и Бэкхем пришел опять. На сей раз мы встретились, и он оказался очаровательным человеком. Я думал, что надо было вести себя непринужденно, но не мог. Это же Бэкхем! В итоге я много молчал. Надо отдать ему должное: он всегда ведет себя очень достойно, а ведь он зарабатывает более чем неплохо! И вот я просто смотрю на него и восхищаюсь тем, как он держится. Думаю, мы совсем разные: я не смог бы двадцать лет подряд жить на глазах у публики.

Но возвращаемся к One Direction: мы давали концерты один за другим, рекламировали свою группу и готовились к выходу второго альбома. К этому времени я уже не так переживал за свои вокальные способности.

На этот раз мы активнее участвовали в сочинении песен. Мы провели неделю в Швеции и понемногу начинали чувствовать себя частью творческого процесса, но на том этапе это касалось больше слов, чем музыки. Но все равно было круто. Думаю, наш ранний успех помог нам ощутить уверенность и выражать свое мнение на студийных сессиях. Когда записывался первый альбом, мы были к этому еще не готовы. А теперь нам все больше хотелось проявить себя. Я часто говорил что-то вроде: «А может, такая строчка тут подойдет лучше?» или: «А давайте поменяем их местами и споем так?» Просто предлагал свои идеи,

альтернативы какие-то. Но на самом деле особо мы не настаивали, опыта у нас тогда еще было маловато. Осторожность никогда не повредит. Лучше двигаться постепенно.

Что еще изменилось, так это ожидания публики. С первым альбомом они не знали, на что рассчитывать, а тут у нас уже была пластинка, которая в буквальном смысле слова прогремела по всему миру.

По поводу первого альбома нам говорили: «Он может занять первое место», а теперь внезапно эта фраза изменилась на: «Как вы думаете, сможете ли снова стать первыми?» Это совсем другое дело, другие ожидания. К счастью, наш супернапряженный график не оставлял много времени на прокрастинацию, надо было срочно выпускать альбом, и нам просто некогда было переписывать его или обдумывать все по сто раз. Мы сосредоточились на песнях. Звучали они прекрасно, да и люди, которым мы давали послушать, говорили, что им нравится. Но особо тут не повыбираешь. И мы решили: «Надо выпустить альбом побыстрее и посмотреть, что о нем думают фанаты». Их мнения нас интересовали больше всего.

Можете представить наш восторг, когда «Take Me Home» сразу взлетел на первую строчку в тридцать одной стране. В тридцать одной! Впечатляет, правда? Мы чувствовали, насколько это важное достижение. Отчетливо помню, как зашел на iTunes, чтобы посмотреть рейтинг. «Гарри! Ты видел эти чарты?!» Наша пластинка оказалась наверху и тут, и там, — по всему миру! Первое место по всему миру! Ну и кайф!

Спустя месяц после этих невероятных новостей мы дали концерт в Мэдисон-сквер-гарден. Какой это был вечер! В нашей истории были моменты, которые уже тогда казались переломными точками, словно мы писали собственную летопись, создавали ключевые события, которые станут знаковыми для One Direction. Мэдисон-сквер-гарден был как раз одним из таких событий. И на сей раз мы сразу ощутили, насколько это важно.

До того как мы договорились о концерте, я и не знал, какое легендарное это место. Но выступление приближалось, и я решил немного разузнать об этой площадке и ее истории. В день концерта мы бродили по коридорам и смотрели на фотографии тех, кто бывал здесь до нас. И все мы думали: «Это фантастика!» Все эти музыкальные иконы, что играли здесь. С нами была съемочная группа, так что день получился нервным еще и поэтому. Но еще мы чувствовали, ощутимо чувствовали, какая нам оказана честь. Настоящая привилегия.

И раз уж мы заговорили о привилегиях… что я могу рассказать про нашу поездку в Гану с «Разрядкой смехом»? Это,

без сомнения, одно из самых удивительных событий в моей жизни. Для начала, мы приехали в место, где никто не знал наших имен. А ведь до этого нас повсюду узнавали на улицах! Многие из тех, кого мы встретили в Гане, едва говорили по-английски, но это было не важно. Мы все равно смогли поболтать, и все были очень любезны.

Это потрясающий опыт. Когда побываешь в таком месте и увидишь их жизнь своими глазами, то потом возвращаешься домой и постоянно ловишь себя на мысли: «Мне пора перестать ныть». Я заметил, что в большинстве роликов для сбора средств показывают, как ужасна жизнь и какое отчаяние охватывает людей в нужде. Конечно, это правда (к огромному сожалению), и нужно отдавать себе отчет в том, что есть люди, доведенные до крайности. Но в обычной жизни эти же люди бывают очень счастливы и смотрят на мир с оптимизмом. Вот это и поразило меня в путешествии больше всего: вот народ живет в невыразимой нищете, среди вони сточных вод, и тут же бегают смеющиеся ребятишки, играют в футбол, радуются жизни. Мальчишки расхаживают в девчачьих футболках, потому что только такие пришли с гуманитарной помощью, и все-таки они смеются и играют. Все здороваются друг с другом, машут и улыбаются.

Это была невероятная поездка. Как только мы вернулись, я сразу сказал своей подруге: «Однажды я обязательно свожу тебя туда, потому что, по-моему, это совершенно удивительный опыт». И я посоветую это кому угодно. Когда мы уезжали, я сильно грустил, не хотел расставаться с этими потрясающими людьми. Они перевернули мое представление о жизни. То, как они ведут себя перед лицом такой нищеты… И еще они очень дорожат своей общиной. Ведь это, по сути, все, что у них есть.

И — на резком контрасте — в том же месяце мы поехали в свое сольное мировое турне, самое долгое за историю

существования нашей группы. Так непривычно и дико было столько времени провести в дороге. Мы знали, что уезжаем надолго, и одновременно боялись и предвкушали. Начали мы с O2, что было совершенным безумием (спасибо за такое бодренькое начало, администрация!), и вдобавок записывали концерты для запланированного фильма. Было о чем поволноваться.

Когда снова оказываешься в автобусе или номере отеля после шестидесятого концерта и знаешь, что предстоит еще столько же выступлений, это может немного надоесть. По счастью, мы сумели несколько раз съездить домой, но в принципе были не против и поколесить, сколько будет нужно. Это была наша возможность хорошо познакомиться с публикой и показать, на что мы способны в живых выступлениях. Если отбросить все лишнее, то в этом вся суть рок-н-ролла — играть вживую. Такова наша работа, и мы ее любим!

Обычно мы заканчивали концерт около десяти вечера, а потом тусовались в автобусе часов до шести утра, потому что только так могли пообщаться и расслабиться.

После этого я спал примерно до двух, просыпался и старался набраться сил к следующему выступлению. Свободное время заполняли разные интервью и акции. Да, работы много, но мне нравится сидеть в автобусе. Это мое любимое занятие. После шоу меня аж трясет от адреналина, поэтому даже мысль о том, чтобы вернуться в гостиничный номер и сидеть там одному… бр-р-р, ничего хуже и быть не может. Поэтому мы проводили время в автобусе, смотрели фильмы, играли в компьютерные игры, перекидывали мяч. Отличное время.

Как и у пары других парней из группы, у меня бывают проблемы со сном. Мы столько работаем днем, что я просто не могу после этого лечь и вырубиться. Нужно перед этим разгрузить голову, побыть с друзьями, повеселиться. Мое участие в группе занимает все время, поэтому если я не буду сознательно выделять время на что-то еще, то ничем больше и не буду заниматься. Хорошо еще, что мне не надо долго спать, четырех-пяти часов за ночь вполне хватает. Один я бы с такой жизнью не справился, да и веселья без парней не было бы совсем.

Что же касается нервов и страха перед большими толпами, то тут мне повезло: я от такого практически не страдаю. Обычно перед выступлением я настроен так: «Скорее бы уже! Давайте уже пойдем, парни!» Если я знаю, что на шоу будет присутствовать кто-то из семьи или друзей, то немного волнуюсь, но, как правило, концерты проходят нормально. Мне не нравится говорить, что я не нервничаю, это может прозвучать высокомерно;

я бы скорее сказал, что я с нетерпением жду выхода на сцену. Первые выступлений пять в любом турне мы обкатываем программу, осваиваемся с декорациями, находим нужную волну.

Никакое количество репетиций не подготовит к появлению перед десятками тысяч людей! Но как только мы освоимся, выступление превращается в сплошной скачок адреналина, и каждый вечер лучше предыдущего. К тому времени я перестаю нервничать, адреналин перекрывает волнение. Когда выучишь шоу от первой ноты до последней, выступать становится сплошным удовольствием. А с нашими фанатами, такими шумными, безумными и благосклонными, как не радоваться очередному турне и встречам с ними?

Думаю, часть обаяния One Direction состоит в том, что мы часто импровизируем в той или иной степени. Есть группы с тщательно отрепетированными шоу, с хорошо поставленной хореографией. Но мы то и дело лажаем, забываем слова, смеемся — и надеемся, что это сойдет нам с рук. Народ смеется вместе с нами, и это помогает снять напряжение.

Бóльшая часть пленки для нашего фильма «Это мы» была отснята как раз во время турне «Take Me Home». Как прекрасно, что у нас получилось снять такое кино! Камеры следовали за нами повсюду, но мы уже к этому привыкли. Мы же начинали на телепередаче! Тем более, съемки на X-Factor были устроены так, чтобы результат был максимально приближен к реальности, и нам разрешали вести себя естественно.

Правда, парни смотрятся отпадно?

Тот ранний опыт многому нас научил. И вот мы выступаем в поддержку второго альбома, и снова камеры следуют за нами по пятам. То есть бывало, конечно, что их присутствие в нашей жизни надоедало. Изредка хотелось, чтобы от нас просто отстали и нам не приходилось говорить в микрофон. Но такое было нечасто, обычно нам это нравилось.

И еще мы все чувствовали, что это прекрасная возможность подробно запечатлеть все, что происходило с One Direction в то время. Возможно, с моей стороны эгоцентрично так думать, но ведь правда будет приятно пересмотреть такой фильм через

тридцать лет. В нем рассказывается наша история. А еще он предоставил нам редкую возможность взглянуть на себя со стороны, увидеть толпы на наших концертах. Помню, как сказал парням: «А ведь клево хоть раз посмотреть свое собственное шоу».

И премьера тоже была чумовая! Целое событие. На Лестер-сквер собралась куча народа. Я тогда сказал Найлу: «Чувак, только представь, как круто: мы дошли до Лестер-сквер!» В тот день мы были полны гордости: на премьеру пришли наши семьи в полном составе. Моя мама с сестренками, моя вторая половинка. Мы с Найлом дурачились в кинотеатре и получили немало раздраженных взглядов в свой адрес. Ну и что, это наш фильм! Что хотим, то и делаем.

Забавно, но лично мне было сложнее провести семичасовую онлайн-трансляцию, чем появиться на той пафосной премьере. Да, «День One Direction» был очень нервный, но и прекрасный одновременно. Мы раньше никогда не работали ведущими шоу в прямом эфире, и это оказалось удивительно сложным делом. Особенно если заниматься им несколько часов подряд! Когда наблюдаешь ведущих по телевизору, то как-то не приходит в голову, что им трудно. Теперь же я проникся к ним восхищением. Возникла пара технических сложностей, например, когда мы с Найлом пытались дозвониться до Доктора Кто и у нас не получалось. Неловко вышло. Телеподсказчик то и дело выключался, и нам приходилось болтать всякую чепуху, чтобы заполнить паузы. Но в общем и целом день прошел прекрасно. Это был огромный успех. Похоже, у нас получилось интересное шоу, и я от души наслаждался процессом.

К осени 2013-го мы уже побывали на самом гребне волны, и я сомневался, что третий альбом станет таким же хитом, как и первые два. Ну что ж, «Midnight Memories» стал первым в тридцать одной стране. Я до сих пор не могу этого до конца понять… Я совершенный лох в географии, даже не назову вам с ходу тридцать одну страну. А ведь подумайте, сколько людей в этих странах купили наш диск или скачали его в Интернете в первую неделю продаж. С ума сойти! И снова я зашел на iTunes проверить наши позиции. «Гарри, чувак, пора опять посмотреть на чарты…» Это уже было даже не смешно. Наш альбом стал первым практически в каждом списке.

Итак, все три наших альбома заняли первое место в Штатах, и это стало еще одним из наших внезапных рекордов. На самом деле мне немного стыдно, что мы не можем поехать сыграть концерты во всех тех странах, но мы ужасно благодарны всем поклонникам, которые купили тот альбом. Мы написали его практически самостоятельно, поэтому нам важно, что о нем

думают. И мы очень счастливы, что он вам нравится.

Есть очевидные плюсы того, что я играю в такой известной группе, как One Direction. Во-первых, естественно, мы смогли купить себе хорошие дома, машины и разные такие штуки. Конечно, молодым парням вроде нас это очень нравится! В начале карьеры случались разные события, которые показали мне, кто мои настоящие друзья. Некоторые из знакомых отнеслись к моему успеху с завистью и злобой. До настоящего дня я сохранил с десяток друзей, с которыми мы вместе с самого детства. Думаю, этого достаточно.

Это люди, которым я могу доверять и про которых знаю, что они желают мне добра. Для семьи мое участие в группе стало удивительным опытом. Они всегда невероятно меня поддерживали: одобряли все мои планы и ни разу не подводили. Я очень благодарен им.

Нам необходимо сознательно выделять время на частную жизнь, потому что иначе работа в One Direction будет занимать целые сутки! В начале 2014 года мы ушли в трехмесячный отпуск, и это было прекрасно. Мы наконец смогли расслабиться и набраться сил. Я бóльшую часть этого времени провел на тренировках: футбольная команда «Донкастер Роверс» по какой-то странной причине подписала со мной контракт. Теперь у меня есть майка с номером и все такое. Я играю под номером 28. Четыре недели я тренировался, а потом меня попросили сыграть на замене в настоящем профессиональном матче. Перед игрой я нервничал куда сильнее, чем накануне концертов. Единственное, с чем я могу это сравнить, — это прослушивание на X-Factor. Меня спрашивают, почему же я так нервничал, я же привык выступать перед многотысячной аудиторией. Но это совсем другое дело. Я ведь не профессиональный футболист, как тогда, давно, я не был профессиональным исполнителем, и поэтому я чуть не обделался! На той игре мне казалось, что все смотрят только на меня. Сами посудите: в команде десять профессиональных игроков — и я. Мы сыграли вничью, ноль-ноль. Я вроде неплохо справился.

Так волнительно было попасть в футбольный клуб! Словно мы опять только-только собрали One Direction. Мир футбола интригующий… Помню, как в конце января, в последний день перехода игроков из команды в команду, мы сидели с главным тренером… Я тогда ощутил, что такое настоящий большой спорт. Меня взяли в совет директоров, так что я буду активно участвовать в делах команды и продолжу поддерживать клуб, как только смогу. На одном из кадров с нашего стадионного турне-2014 видно, что на мне майка «Донкастер Роверс». Я пойду

на все, лишь бы прославить любимый клуб! Я слежу за программой каждую неделю. Футбол — моя страсть, и я жду, когда смогу делать для клуба больше.

Помимо футбола я в те три месяца съездил с Лиамом в Лос-Анджелес, где мы писали песни, а еще провел время со своей второй половинкой и нашим псом. Ну, обычные человеческие занятия.

Когда нам изредка выпадает немного свободного времени, я ношусь как безумный, пытаясь повидаться с семьей и всеми друзьями. Иногда у нас бывает, ну, скажем, дня три. Я со всех ног лечу в Донкастер, где вижусь с близкими: с мамой, бабушкой, сестрами и друзьями. Иногда от этого устаешь не меньше, чем от гастролей! Но всегда приятно повидаться с людьми вживую, и я стараюсь не упускать такой возможности. Когда играешь в группе, особенно в такой известной, как One Direction, иногда сложно выкраивать время, но я стараюсь изо всех сил.

Однако я замечаю, что во время выходных я почти постоянно думаю про группу. Да, я знаю, что сказал, как стараюсь не слишком все анализировать и наслаждаться настоящим днем, но время от времени на меня нападает дух самокритики. Не настолько, чтобы заниматься самоедством, но все же иногда я себя ругаю. Я склонен к самоанализу и размышлениям о том, хорошо я или плохо поступил в той или иной ситуации. Когда я стал играть в группе, времени на это почти не осталось. Но если я все же задумываюсь, то всегда нахожу что-то, над чем бы хотел поработать, что исправить или изменить. Думаю, что это вполне здоровая черта характера: так я добиваюсь своих целей и могу гордиться собой и тем, что делаю. Иногда я скатываюсь в перфекционизм, но тогда мне помогает настойчивость, которой я отличаюсь с детства. И я тружусь и тружусь, пока не достигну результата.

Иногда жизнь в группе очень выматывает. Легко оступиться, совершить ошибку или сделать какую-нибудь глупость, о которой потом пожалеешь. И график у нас напряженный. Но знаете что? Я ни о чем не жалею. Ни об одном дне, ни об одном часе, ни об одной минуте или секунде. Как не наслаждаться каждым мгновением, как не благодарить судьбу за удивительные возможности и волшебный опыт, которые она мне предоставила?

Пока я не стал играть в One Direction, то думал, что жизнь знаменитостей — это сплошной праздник, никаких сложностей. Так считают очень многие. «Получают деньги ни за что», ну, вы сами знаете. Так вот: теперь я оказался по другую сторону от этого предрассудка и могу сказать, что в шоу-бизнесе приходится работать до седьмого пота. Есть и очевидные недостатки: никакой

личной жизни, но все это мелочи по сравнению с огромным счастьем быть частью One Direction. Необходимо об этом помнить. В нашем жестоком мире многие трудятся до изнеможения и не получают за это достойных денег; у других нет возможности путешествовать и знакомиться с разными сторонами жизни. Поэтому, если мы сталкиваемся с какими-то профессиональными трудностями, надо смотреть на них в этом контексте.

И все же я думаю, что лучший способ двигаться вперед — это не слишком анализировать прошлое и просто радоваться каждому мгновению. Поэтому я лично стараюсь не углубляться в размышления. Да и как до конца понять, что произошло с нашей группой? Если выключить телефон и как следует задуматься обо всем, что случилось с нами, то я просто сойду с ума.

Мне очень нравится заниматься такой творческой работой. Особенно круто, что я могу это делать в молодости.

Если бы я не пошел на прослушивание, то, вероятно, не поступил бы в университет. Думаю, потратил бы кучу времени впустую. А так я могу сказать, что уже кое-чего добился.

Часто слышишь о группах, которые выдохлись, сгорели на работе, не выдержали бешеного темпа и высоких требований. Что до меня, то я все еще полон сил и решимости трудиться в группе; во всяком случае, энтузиазма испытываю не меньше, чем тогда, давным-давно, когда стоял на прослушивание на X-Factor. Когда мы перестанем стремиться к совершенству, с One Direction будет покончено, но мы просто не позволим этому случиться. Мы все время стараемся стать лучше сами и сделать лучше нашу музыку, стараемся двигаться вперед. Если мы начнем довольствоваться тем, чего уже достигли, то нам станет скучно. И нашим поклонникам станет скучно. Этого нельзя допустить.

Если бы я мог поговорить с тем пареньком из Донкастера, который в 2010 году стоял в очереди, готовясь удивить своим талантом Саймона Коуэлла… Теперь, когда я знаю то, что знаю, когда вкусил безумной жизни One Direction, я бы сказал ему: «Пой от всего сердца. Пой — и приготовься к лучшему времени в своей жизни».

Все парни

Лиам: У нас постоянно спрашивают, а что делают One Direction в свободное время. Есть множество волшебных вещей, связанных с работой в этой группе, и сочинение песен — одна из лучших, самых важных и приятных. Мы постепенно полюбили писать песни так же, как любим выступать на концертах. Так мы можем проявить свое творческое начало и пообщаться с

поклонниками напрямую.

Найл: Я стал писать песни во многом под влиянием гитарной музыки. Я начал играть на гитаре еще в детстве, но сочинять что-то свое стал поздно. Это просто не совсем мое. Я подбирал аккорды, пытался выучить любимые песни. Хотя да, больше всего мне нравятся композиции авторов-исполнителей. Я всегда слушал много кантри-музыки и продолжаю слушать ее сейчас. Такая сильная мелодика. С давних пор моя любимая группа — это The Eagles. У их песен невероятные мелодии, одни из лучших в мире, и они сильно повлияли на то, как пишу я сам.

Зейн: Я с раннего детства без ума от исполнительских искусств. И, разумеется, раз я играл в мюзиклах (а еще открыл для себя R&B и рэп), то начал задумываться о том, как были созданы мои любимые композиции. Меня всегда завораживала творческая сторона сочинительства.

Лиам: Кто-нибудь из вас помнит первую песню, которую написал?

Гарри: Я вот помню! Мне тогда было около пятнадцати. Недавно старый школьный приятель скинул мне ее на почту. Забавно слышать свой голос: я звучу совсем иначе, чем сейчас. В школе я сочинил несколько песен, не слишком серьезных. У меня тогда была группа, называлась White Eskimo, и мы с ними записали трек с названием, кажется, «Багаж». В припеве пелось о том, чтобы уехать куда-нибудь на неделю или две: «Не возьму с собой ни носки, ни порты / Все, что мне нужно в пути, — это ты». Если через несколько лет вы услышите такие слова на одном из альбомов One Direction, то знайте, что автор — я.

Лиам: Ха, прикольно. Что до меня, то, когда я начал писать что-то для группы, стеснялся предлагать свои идеи. Мы ведь были совсем детьми.

Луи: Вначале я не чувствовал, что причастен к процессу: в студии всегда толпилась куча людей. Писать песни — это все-таки что-то очень личное, поэтому чем меньше народа, тем лучше.

Зейн: Думаю, из-за того что я от природы застенчив, поначалу не высказывал идей, что приходили мне в голову. Мы не могли настаивать, чтобы все было по-нашему, у нас еще было недостаточно опыта. Мы даже не знали, с чего начать писать песню.

Лиам: Со временем я заметил, что даже самые талантливые авторы иногда могут только пробормотать пару строк или напеть приблизительную мелодию, просто чтобы выпустить идею на волю. Иногда, если поначалу это звучит глупо, мы посмеемся, но затем, когда долго играем с идеей, из нее получается что-то

дельное. Раньше я боялся высказываться вслух, но теперь стал поувереннее, и мне нравится вносить свой вклад.

Гарри: Да, сейчас предлагать свои идеи стало гораздо легче. Теперь мы имеем на это больше права: во-первых, мы вложили столько сил в группу, а во-вторых, некоторые из наших собственных песен уже засветились в альбомах, и в концерты мы их тоже включаем. Теперь у меня есть девять тетрадей со стихами! И это очень круто: я могу прийти на репетицию, показать стихи ребятам и подумать, что можно с ними сделать. Я просто говорю: «Эй, вот парочка моих идей. Как думаете, выйдет из них что-нибудь?» Мне нравится, какую свободу я ощущаю в процессе. И если ты пишешь что-то, что тебе самому нравится и что ты бы хотел слушать на плеере, то, возможно, другие люди тоже захотят.

Луи: Я вот даже не заметил, как развилась моя страсть к сочинению песен. Мне всегда хотелось писать, но я не прилагал к этому никаких усилий. Просто начал — и все. Обычно мы пишем вместе с Лиамом.

Лиам: Все люди разные, и тут надо выбрать, что подходит лично тебе. Меня идеи песен могут посетить когда угодно. Вот еду я, например, в машине, и тут меня осеняет. Тогда я звоню Томмо и рассказываю о задумке, а потом присылаю то, что получилось. Мы часто так работаем.

Луи: Мы очень много работали для третьего альбома и для четвертого тоже. Мне нравится это восхитительное чувство гордости, когда заканчиваешь песню. И это чувство подогревает тебя на следующей сессии.

Гарри: Теперь, оглядываясь назад, я рад, что все получилось, как получилось. Мы не торопились и погружались в сочинительство постепенно. Каждый раз, когда мы слушаем прекрасных композиторов, великий альбом или гениальную песню, мы чему-то учимся.

Луи: Сочиняя песни, мы можем внести свой творческий вклад в группу и влиять на музыкальную сторону жизни тех, кто поддерживает One Direction. Когда я слушаю музыку и оказываюсь на одной волне с композитором, это настоящий кайф. Нам нравится думать, что наши поклонники испытывают то же самое. Именно поэтому мы так любим писать песни для альбомов. Чувствуешь гордость за то, что можешь так напрямую влиять на музыку группы и поддерживать прямой контакт с поклонниками.

Лиам: И мы не собираемся останавливаться. Хотим продолжать работать над этим. Наши фанаты растут, и музыка растет вместе с ними. Нам ужасно нравится писать песни самим. Иногда в выходные я сразу же принимаюсь сочинять. Мне как-то сказали, что авторы любят просыпаться пораньше, чтобы сразу писать песни. Так и есть. Когда начнешь, остановиться уже невозможно. Это затягивает.

Найл: И раз уж заговорили о том, что затягивает: помимо сочинения песен, самое клевое в группе — это живые выступления. Когда мы только начали давать концерты после X-Factor, мы испытывали настоящий кайф на сцене. А теперь, когда мы пишем эту книгу весной 2014 года, мы как раз готовимся к турне по стадионам… И кайф становится все сильнее и сильнее!

Лиам: Как считаете, надо рассказать про тот случай за кулисами во время гастролей с Big Time Rush?

Все: Конечно!

Лиам: В первый вечер с Big Time Rush произошло нечто, что хорошо показало, какие у нас поклонники и как невероятно было тогда быть частью One Direction. Да и сейчас тоже. Как мы уже упоминали в этой книге, мы с опаской ждали первых выступлений в Америке. Не думали, что кто-то будет знать наши песни, и уж конечно не рассчитывали, что люди станут подпевать.

Найл: Нам даже не разрешили настроить звук, потому что это было не наше шоу. Так что завышенных ожиданий у нас не было.

Гарри: И вот в первый же вечер мы увидели, что многие в зрительном зале надели футболки One Direction. Это навело нас на определенные мысли. А потом, когда мы пошли за кулисы после выступления, то к нам в гримерку вломился американский продюсер.

Найл: Мы услышали его еще в коридоре, он очень шумел… Такой, знаете, высокий, огромный американец, колоритный персонаж, с раскатистым голосом и бездной энергии… Мы тогда впервые встретились с ним.

Луи: Именно что. Он ворвался в гримерку, и мы все офигели.

Зейн: Я вытаращился на него. «Кто этот парень вообще такой?»

Лиам: И тут он говорит…

Все: «У МЕНЯ ОТ ВАС КРЫШУ СНОСИТ!»

Гарри: И он такой: «Это будет нечто невероятное. Вы, парни, невероятные!» Мы все офигели. Мы думали, что приехали в Штаты повеселиться, а этот чувак был уверен, что нас ждет большое будущее.

Найл: Он сказал: «Вы станете настоящими звездами!» Оказалось, что он до этого работал с группами, которые прогремели по всему миру. Сказал, что ничего подобного раньше не видел.

Лиам: Это было и забавно, и странно. Мы ведь ни разу его до этого не видели. Даже не знали, кем он работает! Нас очень впечатлила его эмоциональная реакция.

Зейн: Да, это было захватывающе, смешно и серьезно одновременно. Мне кажется, эта история хорошо описывает, как невероятно энергичны и влиятельны наши поклонники. Да, мы неплохо выступили тем вечером, мы были в хорошей форме, но на этого парня сильное впечатление произвела реакция наших фанатов. Они вызвали в нем серьезный отклик.

Луи: Мне очень жаль, что у нас почти нет времени общаться с

ними лично. Без них мы бы не стали тем, кем стали. Я до сих пор не могу поверить, что люди способны прийти от нас в такой восторг.

Найл: Я надеюсь, что поклонники видят в нас все тех же простых ребят, которые собрали группу несколько лет назад. Правда надеюсь. Мы всегда стараемся почаще выходить в люди, потому что, даже если не учитывать самого факта, что я играю в такой потрясающей группе, эти люди полностью изменили мою жизнь и жизнь моей семьи. Я так смотрю на это. Они дали мне эту возможность.

Гарри: Я чувствую огромную благодарность. Сколько бы ни прошло времени, это чувство не ослабевает.

Лиам: Мы все знаем, что, как сказал Найл, не оказались бы здесь, если бы не наши фанаты. Они так старались, зарабатывая нам очки популярности в твиттере. Я считаю, что большим маркетинговым компаниям стоит обратить внимание на таких энтузиастов из твиттера. Им можно найти работу. Они прекрасно справятся, да еще и получат огромное удовольствие. Наши поклонники поддерживали нас с самого первого дня. Я знаю, мы постоянно повторяем, что очень ценим все их усилия, но ведь так оно и есть. Никогда не забываем об этом. У нас нет ни малейших сомнений, что наши фанаты — самые лучшие в мире.

Луи: Точно. Это — главная причина, по которой мне нравится гастролировать. Так мы можем лично пообщаться с поклонниками и отлично провести время. Вся шелуха отпадает, и остается только чистая энергия, от которой мы подпитываемся вечер за вечером.

Гарри: Мы много репетируем перед каждым турне, потому что хотим, чтобы наши слушатели гордились нами. Для репетиций перед нашим турне по стадионам в 2014 году мы сняли бывший самолетный ангар к северу от Лондона. И там наша команда воссоздала сцену: экраны, пиротехнику, все как по-настоящему.

Луи: Я не сразу осознал масштабы сцены и декораций. Это офигеть что такое! Если задуматься и вспомнить, как мы начинали… Сначала проехались по нескольким клубам в Шотландии, потом театральное турне. Да уж, такого мы и ожидать не могли!

Лиам: Когда мы впервые вошли в ангар и увидели сцену, у нас захватило дух. Такое невероятное чувство — стоять на этой огромной площадке. И это же все наше, ребята! Это правда наша сцена, такая огромная, такая замечательная. А еще все эти люди, с которыми мы теперь работаем. Не буду врать: это накладывает на нас определенные обязательства, но одновременно и огромная

честь.

Найл: Когда мы вошли и увидели сцену, я подумал: «Блин, это же просто невероятно!» У меня, если честно, не хватает слов. Для репетиций турне 2014 года нам даже закулисье сделали настоящее. Если бы вы следили за нами со скрытой камерой, то увидели бы именно это. Пару трейлеров, где мы можем тусоваться, передвижной офис, где происходят всякие административные дела. А если пройдете дальше, то увидите мягкие игрушки от фанатов, они восседают на колонках.

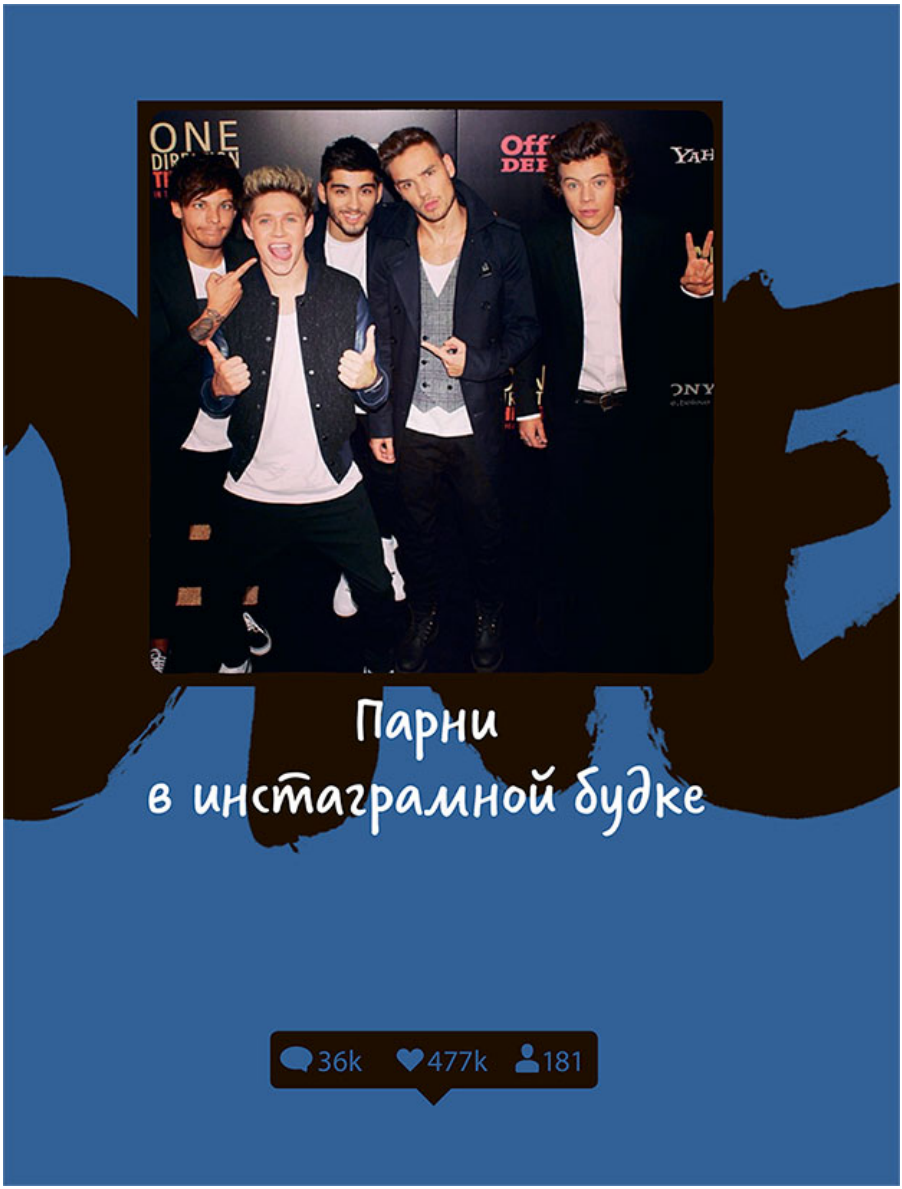
Зейн: Да, а еще огромный шатер, и самое лучшее — это еда! Трехразовое питание для всех-всех. А ведь у нас в команде около ста человек! Рядом еще одна палатка с нашей одеждой, там мы переодеваемся.

Луи: А снаружи пара передвижных домов: наши гастрольные автобусы, где мы можем поспать, если захочется. Все удобства, как в обычных домах. Что самое важное, даже PlayStation есть! Иногда мы жарим барбекю снаружи. Просто чтобы расслабиться.

Зейн: Еще у нас есть пара картов. Мы любим погонять на них, чтобы спустить пар. Квадроциклы, электрические скутеры, настольный теннис и настольный хоккей и аркадная компьютерная игра. Развлечения для мальчишек!

Луи: А самое главное — футбольные ворота в натуральную величину, две штуки! Да уж, на гастролях без них никак! на репетициях бывает очень весело. Днем мы трудимся, а вечером тусим в автобусе. Однажды мы с Лиамом засиделись допоздна, а потом пошли бродить по ангару. Слышали, что по соседству снимают крупнобюджетные блокбастеры, поэтому решили пойти глянуть. Часа в два ночи перепрыгнули через забор и обошли территорию по периметру, тычась во все запертые двери.

Мы и не подумали прочесть объявления на дверях, пока Лиам не дернулся и не сказал мне: «Ты вообще видел, что тут написано?» Там большими буквами стояло: «Охраняется собаками».



Мы стали пробираться обратно к забору, но тут заметили, что к нам направляется машина. Мы побежали от нее и спрятались под трейлером, который был припаркован неподалеку. Лежали там и ждали, пока машина проедет мимо, и, когда это, наконец случилось, перепрыгнули через забор и побежали обратно к автобусу. По дороге я сильно ушибся пальцем на ноге об решетку. Очень больно! Как только мы забрались внутрь, то услышали ужасный лай. Такой оглушительный, будто это была собака Баскервилей! Больше мы через забор не прыгали, играли в футбол на приставке.

Гарри: Наверно, надо сказать, что мы не только дурака валяем. Совсем наоборот! Репетировать бывает очень тяжело, хотя и удовольствия это приносит много. Обычно мы приезжаем на репетицию где-то к полудню, иногда после полуночных сессий на студии. Хватаем чего-нибудь поесть и бежим за сцену. С самого начала с нами работает звукооператор, который разбирает с нами каждую песню. Так мы знаем, кому когда вступать. На этот раз пришлось привыкать даже к самому размеру сцены: пока дойдешь до одного конца, целая вечность пройдет!

Найл: Обычно мы работаем без перерыва часов до четырех, потом отдыхаем немного и продолжаем до вечера. После этого мы либо расходимся по домам, либо тусим в автобусе, либо едем на студию что-нибудь записывать.

Лиам: Отношения в группе лучше всего именно во время репетиций и гастролей. Конечно, наша дружба претерпела изменения с основания One Direction. Иногда непросто бывает проводить вместе столько времени, но мы вроде поняли, как ладить друг с другом. Конечно, мы все в хороших отношениях, но иногда случаются разногласия или споры, и это усложняет дело. Это естественно, поэтому мы не беспокоимся. Невозможно проводить столько времени в обществе друг друга и не испытывать никаких трений. Но мы чаще всего решаем просто заняться делом. Когда мы выходим на сцену, дружба проявляется ярче всего. Не важно, что мы пережили за день. Когда мы выходим к публике, то думаем только: «О ДА!» Мы любим друг друга, и это самое главное в группе. Особенно во время концертов. Теперь мы больше времени проводим порознь, но все равно есть это ощущение братства. Они — лучшие братья в мире!

Луи: Мы начали турне «Where We Are», пока заканчивали эту книгу. Поэтому, думаю, надо упомянуть первые концерты на стадионах в Южной Америке. Передать не могу, каково это было — выйти к сорокатысячной толпе в Боготе, Колумбия, в первый вечер гастролей. Я весь расчувствовался. Невероятный кайф. Мы так трудились на репетициях, и прекрасно было наконец показать поклонникам, что за шоу мы для них приготовили.

Лиам: Да, точно. Мы знаем, что наша группа довольно популярна, пластинки расходятся хорошо. Но совсем другое дело — стоять перед такими огромными толпами на таких гигантских стадионах. С ума сойти можно.

Надо сказать, это немножко отличается от «Солнечного фестиваля». Нет, ну правда, как это опишешь! Десятки тысяч людей на другой стороне света набились на огромный стадион, чтобы посмотреть наш концерт. Мы так горды этим. Мы очень старались сделать эти концерты лучше, и это видно из

выступлений.

Найл: Шоу получилось просто невероятное. Шум, энергия от толпы… огромный кайф!

Зейн: Наши фанаты собирались под окнами гостиниц, кричали и пели. Невероятно. Само то, что мы так далеко от дома и на наши концерты приходит столько любителей нашей музыки. Каждое шоу по ощущениям напоминало выступление в Вероне, только еще и усиленное во сто крат. Лучшее чувство в мире.

Гарри: На этот раз нам пришлось ответственно подойти к обзору достопримечательностей. Нам повезло увидеть Мачу-Пикчу. Прекрасное место! Добавьте к этому резкий контраст выступлений на стадионах — и вот вам восхитительное начало турне. Оно как бы подводит итог тому, чего добились мы и наши поклонники. Список композиций, которые мы играем на концертах, как бы суммирует все невероятные происшествия последних четырех лет. Все эти яркие, эмоциональные и неповторимые события. Да, мы трудились изо всех сил, провели много концертов, появлялись на радио и телевидении… Но ничто не может сравниться с живыми выступлениями на стадионах по всему миру. И как же мне это нравится!